

РУССКИЕ
ПЕЧАТНИ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ **М. ГОРЬБЕГО**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. ГОРЬКИЙ, И. А. ГРУЗДЕВ,
Б. Л. ПАСТЕРНАК, В. М. СЯНОВ,
Н. С. ТИХОНОВ, Ю. Н. ТЫНЯНОВ

РУССКИЕ ПЛАЧИ

(ПРИЧИТАНИЯ)

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Н. П. АНДРЕЕВА И Г. С. ВИНОГРАДОВА

РЕДАКЦИЯ ТЕКСТОВ И ПРИМЕЧАНИЯ

Г. С. ВИНОГРАДОВА

Отпечатано для издательства «Советский Писатель» в типографии им. Володарского, Ленинград. Фонтанка, 57, в количестве 5200 экз. Авт. л. 14. Заказ № 4113. Леморлит № 809. Переплет и суперобложка М. Курнарской. Сдано в набор 17/X 1936 г. Подписано к печати 29/III 1937 г. Формат 82 × 104/32 см. Тип. знак. в 1 бум. л. 128000 Бум. л. 4³/₄. С. П. — 58/л. Ответств. редактор М. Азадовский. Корр. Р. Цыльская. Технич. редактор А. Курнарская.

1937

7 р. 25 к. переплет 1 р. 50 к.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

По ряду различных обстоятельств один из важнейших видов устной поэзии — причитания, или вопли, не пользовался у нас ни большим вниманием специалистов, ни популярностью в кругах любителей словесного искусства. Русские плачи только дважды послужили предметом специального рассмотрения: в трудах Е. В. Барсова (1872 — 1882) и М. К. Азадовского (1922). Для ознакомления с поэзией плачей читатель не имеет ни одного сборника. Необходимость заполнить этот пробел подсказано составление этой книги.

Важнейшая ее часть — тексты. Сюда вошли, в первую очередь, произведения лучших мастеров-исполнителей. Но читатель составил бы неверное представление о причети, если бы не познакомился с причитаниями, более распространенными в быту, — с теми, что исполнялись большей частью плакальщиц. Это соображение заставило ввести в сборник и тексты мастеров не первой величины (вторая группа текстов). В революционное время обозначилась новая тематика причитаний. К сожалению, в нашем распоряжении крайне ничтожное число текстов с новой тематикой или с новыми мотивами, — они составили третью группу текстов. Из свадебной причети в сборник вошли только тексты, примыкающие к плачам по умершим.

В сборник вошли не только материалы, взятые из печатных источников; часть текстов публикуется впервые; это — записи В. И. Чернышева и П. К. Симони, а также тексты из архива академика А. Н. Веселовского.

В соответствии с задачами настоящего издания, при печатании текстов не всегда сохранялись особенности местного произношения, могущие интересовать специалиста-языковеда.

РУССКИЕ ПЛАЧИ

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ХАРАКТЕР ПРИЧИТАНИЙ

Среди разнообразных видов народной поэзии видное место занимают так называемые причитания или плачи (в народе употребляется также название «причьеть» или «причёты»). Это произведения обрядового характера, сопровождавшие свадебный или похоронный обряд или обряд проводов в рекруты; отсюда различие свадебных, похоронных и рекрутских (или «завоенных») причитаний. Не касаясь свадебных причитаний, заслуживающих специального внимания и специального сборника, мы остановимся в дальнейшем лишь на причитаниях похоронных и рекрутских.

Причьеть, как особый вид устной словесности, занимает среди других художественных жанров особое место, отмежеванное отчетливыми линиями как в отношении формальных признаков и свойств, так и в отношении содержания. Ни один вид устной поэзии, пожалуй, не связан с бытом так крепко, как причеть. Былые устои крестьянской жизни, хозяйственные, внутрисемейные и общественные отношения, труд и отдых, реальные тяготы, думы о счастливой жизни, обиды и тоска об утешении, действительность и мечта, — все аспекты трудовой жизни народа нашли выражение или отражение в причитаниях если не с предельной, то с максимальной полнотой.

Похоронная лирика представляет собой один из тех видов словесного художественного творчества, существование которых с несомненностью засвидетельствовано на протяжении всей человеческой истории.

Старейшие тексты причитаний сохранились в ассирийской национальнoй эпопее о Гильгамеше, в египетских папирусах, в древней еврейской литературе, в древне-индийском эпосе «Махабхарата», в «Илпаде» и у греческих трагиков, у римских поэтов — Катутла, Виргилия и др., в скандинавской «Эдде», в старофранцузской поэме о Роланде. Если эти письменные памятники позволяют нам заглянуть в глубь истории, то, с другой стороны, живое бытование причитаний засвидетельствовано этнографами и путешественниками-наблюдателями у самых разнообразных народов мира. На одном конце света причитают над мертвым гольд, на другом — кореляк, в Африке причитали и причитают абиссинцы, с причитаниями хоронят покойников негры и пр., в Европе — немцы, французы, болгары, сербы, чехи, греки, литовцы и пр. и пр.

Необходимо подчеркнуть, что такая повсеместность причитаний сочеталась и еще сочетается кое-где с обязательным характером выполнения их: похоронные причитания являлись совершенно необходимым элементом похорон, независимо от личных настроений участников их. Эта обязательность настолько велика, что в тех случаях, когда родственники умершего по тем или иным причинам не могли сами оплакать его, нанимались особые специалисты — плакальщики или плакальщицы. Наличие таких плакальщиков или плакальщиц засвидетельствовано историческими памятниками и в древнем Египте и в древней Греции; с другой стороны, оно известно нам, например, в быту (в том числе и в крестьянском быту) дореволюционной России.

Это всеобщее распространение и обязательный характер причитаний с полной ясностью говорят о том, что причитаниям, как и другим видам обрядовых произведений, придавалось в былые времена особое серьезное значение. Очевидно, причитания не были просто лирическим выражением индивидуальных настроений, так как иначе нельзя было бы понять обязательности их; очевидно, в основе причитаний лежали какие-то серьезные «мировоззренческие» предпосылки. Каковы же эти предпосылки?

Возникновение жанра похоронных причитаний должно быть несомненно отнесено к древнейшим эпохам существования человечества, к периоду доклассового общества. В этот древнейший период смерть не представлялась человеку абсолютным прекращением существования; смерть, с точки зрения первобытного человека, является только переменной формы существования. Покойник живет и после смерти, причем это посмертное существование его отнюдь не похоже на христианские, например, представления о загробной жизни: жизнь покойника после смерти представляется такой же материальной, как и до смерти. Покойник имеет те же самые потребности, он так же хочет есть и пить, одеваться и пр. и пр., как и живой человек. Но, вместе с тем, покойник живет все же иной жизнью, чем живые: он невидим, и это делает его особенно могущественным и опасным. Покойник может помогать или вредить живым, тогда как живые по отношению к покойнику лишены возможности прямого активного воздействия.

Из подобных представлений возникала необходимость умиротворить, задобрить покойника, расположить его в свою пользу, уберечь себя от возможных с его стороны преследований и привлечь к себе его покровительство. Отсюда возник и специальный похоронный обряд: покойника нужно похоронить так, чтобы он был доволен. С другой стороны, похоронный обряд имел защитное значение еще и по отношению к самой смерти: нужно отвести смерть от того дома, где она похитила человека и куда проложила тем самым дорогу. Иначе говоря, похоронный обряд имел магическое значение. Это магическое значение, связанное с мыслью о материальном существовании покойника, ясно видно и в позднейшем обряде в различных его деталях. Во многих местах был известен, например, такой обычай: когда умирал кто-либо в доме, на окне ставили миску с водой и вешали полотенце, а окно открывали; через

окно должна вылететь душа покойника, которой нужно перед этим умыться и вытереться полотенцем. Умывающаяся и вытирающаяся полотенцем «душа» — яркое выражение представлений о материальном существовании после смерти.

Гроб выносили из избы в некоторых местностях через окно, чтобы не показывать дорогу смерти через двери. Существовал обычай перепрыгать лошадей после того, как гроб привезен на кладбище, причем иногда их запрягали в сани оглоблям назад (на Севере покойников обычно хоронили на саних, как и в древней Руси); и это имеет значение отвода следов от дома. По возвращении с кладбища во многих местностях устраивались поминки по покойнику, причем покойнику ставился отдельный прибор на стол, и присутствующие замечали, убывает ли пища на этом приборе: если убывает, значит покойник покушал и доволен; если не убывает — значит он на что-то сердится. Когда в первый раз после смерти родственника топили баню, то первым посетителем в нее приглашали покойника, «первый пар» отдавали ему и несли для него в баню веник и смену белья.

Все эти и многие подобные факты свидетельствуют о прежней крепкой вере в материальное существование покойника; они ясно говорят о назначении похоронного обряда — «ублаготворить» покойника, снабдить его всем необходимым и тем обеспечить его благоволение. Наконец, покойника следует задобрить и словами. Известно правило — о покойниках не говорить ничего дурного. Это, конечно, не потому, что все покойники — хорошие люди и о них нечего сказать дурного, а потому, что говорить дурное о покойниках опасно. Но этого мало: нужно не только не говорить дурного, нужно говорить о покойниках хорошее (латинское изречение гласит: *de mortuis aut nihil aut bene*).¹ Такое воззрение на мертвеца обусловило первоначальный смысл и содержание причитаний. Назначение причитаний то же самое, что и назначение похоронного обряда: задобрить покойника, вызвать его благоволение. Понятен отсюда и самый характер причитаний: восхваление покойника, сожаление по поводу его смерти и изображение тяжести положения оставшихся — основные тематические элементы похоронных причитаний разных эпох и народов.²

II. РУССКАЯ ПРИЧЕТЬ В ВЕКАХ

Совершенно несомненно, что похоронные обряды и причитания существовали у наших предков с древнейших времен. Уже самые ранние древнейшие памятники нашей письменности говорят об обычаях причитать по умершим. Этот обычай, существовавший в среде трудового народа, проник и в среду господствовавших классов; наши памятники, принадлежащие либо церковникам, либо дружинникам

¹ О мертвых или не говорят ничего или говорят хорошее.

² О похоронных причитаниях у разных народов см. «Библиографические указания».

или близким к дружине лицам, естественно, уделяют больше внимания фактам из жизни господствующих верхов. О народных обрядах и о народном творчестве мы узнаем обычно из уст враждебно относящихся к этим обрядам и творчеству дерковников, и сведения наши оказываются менее полными; в частности, самые тексты крестьянских произведений, как правило, не приводятся. Об обрядах же и сопровождающих их словесных произведениях в княжеской и дружинной среде сведения значительно полнее. Так, Владимир Мономах упоминает о «желях», т. е. плачах по мертвым, в своем послании.

Часто упоминаются причитания в летописях. Рассказывая о похоронах Изяслава Ярославича, летописец говорит, что сын его Ярополк, «вдяше по нем, плачяся с дружиною своею: «Отче, отче мой! Что еси пожил без печали на свете с: м, многы пакости прием от людей и от братья своя? Се же погябе не от брата, но за брата своего положила главу свою». Это, кажется, старейший в нашей литературе образец плача сына об отце. Другим древним памятником мужского плача является тот, что вложен в уста Глеба Владимировича, князя Муромского, по словам Карамзина, «нежно и красноречиво» оплакивавшего брата Бориса: «Лучше бы ми умрети с братом, неже жити на свете сем... Где суть словеса твоя, яже глагола к мне, брате мой любимый? Ныне же не услышу тихого твоего наказанья...»

Иной вид мужского выражения скорби в плаче встречаем в описании погребения Владимира Васильковича (1288 г.). Книжник его, по словам летописи, «беспрестани плакашеса, предстоящи у гроба, слезы от себе изливающи, аки воду... Наплаче же плакахуся по нем лепше мужи володимирстии, рекуче: лучше б нам было, господине, с тобою умрети... Уже сояде наше заиде ны и во обиде всем остахом».

Мужские плачи, занесенные нашими книжниками на летописные страницы, вызывают в памяти тексты плачей старофранцузского эпоса: как те, так и эти являются не только выражением личного горя, но и напоминанием о заслугах умершего перед «родной» и соболезнованием о возможной печальной судьбе «родины» после смерти оплакиваемого. Очень возможно, что перед нами давняя общая поэтическая традиция, подчинение которой обуславливало использование существовавших в устном исполнении причитаний в качестве основы, на которой певцы-патриоты создавали своеобразную «славу» или похвальную песнь в честь местного героя.

Как во всех литературах, в наших памятниках древней письменности находим преимущественно женские плачи. Таков, например, плач московской княгини Евдокии над телом Дмитрия Донского: «О како умре живот мой драгий, меня едину вдовою остави? Почто не промолвиши ко мне?.. Цвете мой красный, что рано увядаеши?.. Чему, господине, не воззриши на мя, не промолвиши ко мне? Ужели мя забыл еси? Чего ради не воззриши на мя и на дети своя?.. Старые вдовы, утешите меня, а молодые вдовы плачьте со мною, вдовья бо беда горяче всех людей...» Едва ли можно

с определенностью сказать, когда записан этот плач, — в XIV ли, в XV ли веке. До нас он дошел, как и многие другие, в позднейших списках. Вероятно, первоначальный его облик подвергся искажениям. И все же перед нами образец причитания, художественного произведения далеких веков.

Житийные сказания, допускающие — по своим задачам и по своему строю — лирические отступления, также содержат в себе не один текст плача. Один из выразительнейших — плач по мужу, вошедший в сказание, видимо, из повести об убийстве князя Михаила Ярославича, составленной очевидцем этого события. Сцены плачей, содержание, построение, основные мотивы и образы причитаний, известных нам из летописей и житийных сказаний, и психологически и археологически так верны, что их можно только написать и записать — по воспоминаниям или по непосредственным наблюдениям, или же, если и сочинить, то только человеку, отлично знакомому с тогдашним бытом и с этим видом устной поэзии. Конечно, эти тексты не являются подлинными записями, но они все же достаточно точно передают и самый факт существования причитаний и характер этих причитаний. Понятно, причитания в кругу «именитых» людей отличались от причитаний крестьянских. Эти причитания могли исполняться особыми плакальщицами, может быть, книжными или прикосновенными к миру книжников людьми (например, князя Василия оплакивала попадьа). Эти искусные «книжные» люди могли и самим причитаниям придавать более изысканный, более книжный характер. Но и сами авторы летописей, житий и т. п. произведений могли, под влиянием «книжного научения», стилизовать приводимые ими тексты. Однако, за искусственной конструкцией и условной риторикой видна природа и состав вдовьего плача. Мотивы в нем те же, с которыми мы встречаемся в причитаниях других народов: упрек-вопрос к умершему, сетование на вдовью и сиротскую долю и пр. Но, так как умерший — не рядовой человек, подобные причитания имеют одну существенную черту мужского плача: в содержании их доминирует мотив «славы», похвалы.

Могло народное причитание привлекать к себе внимание стилиста-книжника и своими литературными достоинствами, как привлекало оно русского современника лучших трубадуров в труверов Запада — автора «Слова о полку Игореве» и составителей «Задонщин», преследовавших ту же цель — прославление героев. Заботясь хотя бы о внешнем правдоподобии изображаемой картины, жизнеописатель или бытописатель не имел причин уходить далеко от первоисточника причитаний, сильно видоизменять или искажать его. Вероятно, этим и нужно объяснить близость или сходство записанных или написанных им плачей с современными воцлами в отношении тематики, построения, мотивов и пр.

Много рода сведения имеются о похоронных обрядах и причитаниях в более широкой, народной, среде. Если о похоронах и об оплакивании князей говорится с явным сочувствием, то «простонародные» обряды изображаются с таким же явным осуждением. Особенно резко звучит это осуждение в известном описании

в «Стоглаве». В статье «О тридесятих и о двух царских вопросах и соборные ответы, по главам» в вопросе 23 говорится: «В троицкую субботу по селом и по погостом сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробом с великим кричаньем, и егда начнут играти скоморохи, гудды и прегудниды, они же от плача преставше начнут скакати и плясати и в долони бити и песни сотонинские пети, на тех же жальниках обманщики и мошенники».

Подобные данные с несомненностью доказывают существование похоронных обрядов и причитаний в древней Руси, но текстов «простонародных» причитаний церковники, враждебно относившиеся к этим обрядам и причитаниям, не приводят. Однако, у нас есть некоторые указания и на тексты. Сведения о наших причитаниях идут не только из памятников церковно-книжного характера; сохранились указания на этот счет и в светской литературе — в «сказаниях иностранцев» о России.

Еще ранние средневековые греческие историки — Маврикий (последняя четверть VI в. н. э.) и Лев Диакон (последняя четверть X в.), рассказывают о погребальных обычаях «славян», причем имеют в виду и восточных славян — русских. Между прочим находим у них указания на то, что жены убивали себя по смерти мужей, и что в честь погибших воинов убивали пленных.

Известны также описания похоронных обрядов в восточной Европе в сочинениях арабских писателей, например, описание похорон богатого русса у Ибн-Фадлана, описание похоронных обычаев у Масуди и у Ибн-Ростеха и пр. Впрочем, о каких именно «руссах» говорят эти писатели — далеко не вполне ясно.

В 1551 г. польский священник в Лыке Иоани Менеций издал свое послание к Георгию Сябину, в котором находятся весьма важные сведения о русских погребальных обычаях в западно-русском крае. В частности, Менеций приводит и отдельные выражения из плачей по умершим (на «рутенском» языке и в латинском переводе).

В 1554 г. польский писатель Кленович издал поэму на латинском языке «Роксолания» («Русь»). В поэме с пониманием дела изображен быт южнорусского крестьянства и, в частности, описан похоронный обряд и сообщен образец причитания.

Особенно много упоминаний о похоронных обрядах и причитаниях в записках иностранцев XVI—XVII вв. Об этих обрядах рассказывают принц Даниил фон Бухау, пастор Пауль Одерборн, французский офицер Жак Маржерет, швед Петр Петрей, Адам Олеарий, фон Мейерберг, Самуил Коллинс, голландец Ян Стрейсс, Иоганн Георг Корб, швед Генрик Седерберг и др.

Многие из этих авторов указывают на обычай оплакивать покойников, говорят о наемных плакальщицах (например, Корб, Седерберг) и приводят характерные для причитаний вопросы к умершему: «Зачем ты умер, зачем ушел от нас? Или тебе нехватало пиди или питья? Или жена у тебя была немолода или не любила тебя? Или дети были плохи?» и т. д. Маржерет приводит между прочим, вопрос: «Разве ты не был у царя в милости?» Вопрос

этот явно указывает на боярскую или дворянскую среду, в которой существовали подобные причитания. Петр Петрей указывает на некоторые различия в похоронах у богатых и у бедных (речь идет у него не о различиях в самом обряде, а о различном убранстве гроба и погребальных носилок и пр.); ряд специальных замечаний о похоронах у богатых делает также Олеарий. Можно думать, что различия в похоронном обряде и в причитаниях у господствующих классов и у трудящихся были и более значительными, но путешественники-иностранцы специально этим вопросом, конечно, не интересовались и не занимались; они отмечали лишь то, что бросалось им в глаза.

Как бы то ни было, все эти данные ценны уже тем, что позволяют нам проследить известное постоянство похоронного обряда и некоторых основных мотивов похоронных причитаний на протяжении нескольких столетий; во многих случаях показания этих старинных источников совпадают или почти совпадают с тем материалом, какой известен нам по позднейшим записям.

Устойчивость рассматриваемого жанра, повсеместная его распространенность, неотъемлемость его как части погребальной обрядности, постоянство основных мотивов причити на протяжении веков — засвидетельствованы и нашим фольклором.

Есть особая группа духовных стихов, приметную характерную черту которых составляют «плачи». Образ древней еврейской литературы, Иосиф Прекрасный, пройдя через длинный ряд обработок в литературе других народов, вошел и в наши духовные стихи. Иосиф плачет перед своими братьями, умоляя их пощадить его, плачет во рве об отце своем и — особенно для нас интересно — на могиле матери. Плач Иосифа в наших духовных стихах настолько популярен, что он известен в двух видах: в краткой форме — в связи с дельным рассказом его истории, и отдельно — в форме плачей-причитаний. Плачет и старец Иаков о своем сыне Иосифе.

Причитания проникли и в виршевую литературу. В южно-русских песенниках XVIII в. встречается «Песнь Алексию-человеку божию», написанная в форме плача матери. Судя по литературной судьбе некоторых памятников, произведения виршевой литературы из рукописных сборников переходили в печатные; из печатных изданий снова попадали в рукописные сборники и на ряду с духовными стихами и исальмами делись слепцами, т. е. жили жизнью устно хранимых произведений слов.

Наши сказки тоже пользуются причитаниями. Общеизвестный пример — вошь девушки в сказке С. Т. Аксакова «Аленький цветочек». Наконец, в нашем фольклоре известен ряд песен, связанных с историческими событиями и людьми; эти песни заключают в себе отрывки погребальной причити. Если принять как обоснованный тезис утверждение, что «исторические песни» слагались вслед за воспеваемым событием, то в этих песнях мы имеем документ XVI—XVIII столетий.

Показания этих, как и многих других документов, говорят о том, что в причитаниях мы имеем дело с поэтическим жанром

исключительной исторической давности и исключительной жизненности и стойкости. То, что мы находим в XIX и в первой трети XX в., засвидетельствовано в тех же формах, в том же составе для веков весьма отдаленных. Перед нами непрерывная цепь передачи от XI века и даже от более ранней поры: в памятниках XI в. мы видим уже поэтическую обработку интересующих нас словесных произведений, обнаруживающую богатые средства языка и литературной сознательности.

III. ПОХОРОННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ В ПОЗДНЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

С течением времени старый похоронный обряд и сопровождающие его причитания исчезли из обихода господствующих классов. Еще о Петре I известно, что его после смерти оплакали плакальщицы, но в дальнейшем подобных сведений мы уже не имеем. Конечно, процесс исчезновения старых обрядов был процессом длительным и неравномерным; в кучеческой среде, например, соответствующие обряды хранились гораздо дольше (папомниж похороны Настя в романе Мельникова-Печерского «В лесах»), да и в среде провинциального дворянства старые обычаи выветривались не так-то скоро (на это указывают, между прочим, «Детские годы Багрова-внука» Аксакова, захватывающие конец XVIII в.).

Однако, основным хранителем старого и создателем нового фольклорного богатства было крестьянство. И похоронные обряды и причитания наиболее интенсивной жизнью жили именно в крестьянской среде. При этом старое магическое значение обряда и причитаний постепенно затемнялось, и на первый план выступали мысли и эмоции иного порядка. Первоначально причитания исполнялись из страха перед покойником и из желания приобрести его благоволение; в них верили, как в магическое средство защиты от зла и привлечения блага. Позднее эта вера утратилась, и причитания превратились в обряд, или обычай, выполняемый по традиции, независимо от того или иного личного отношения к покойнику. С течением времени похоронные причитания все более приобретали характер выражения непосредственного горя по поводу смерти близкого человека; все более отчетливо, вместе с тем, отражались в них новые социальные условия действительности: личное горе было связано с этими условиями, личная скорбь об умершем сливалась с сознанием тяжести положения оставшихся в живых.

Самый характер причитаний таков, что в них особенно легко проникали социальные мотивы. Выше отмечено, что одна из задач причитания — показать, как тяжело живется вдове, сиротам. Отсюда особенно легко возникала возможность ввести в причитание показ действительной тяжести крестьянского положения. Нищета, тяжелая работа, притеснения со стороны господ разного рода — реальные факты крестьянской жизни в старой России, и о них-то особенно уместно говорить в похоронном причитании. Вот почему похоронные причитания оказываются в особенности социально насыщенными.

Исполнение большей части причитаний по умершим было приурочено к определенным моментам похоронного обряда.

С наступлением смерти близкого родные испускали протяжные вопли отчаяния, которые приводили в волнение и тревогу поспешавших «на вой» соседей и заставляли их присоединиться к выражению горя. После омовения умершего одевали и с каждаем кладаи на стол или на скамейку «под святых», головой к иконам, ногами к выходу, сохраняя традицию древних, с которой связана шутка Персия, не пощадившая и умершего:

*In portam rigidos calces extendit.*¹

Когда покойник положен «под святыми», женщины, то одна, то другая, — плачут и причитают при входе в дом прибывающих близких людей. На третий день после кончины совершался вынос тела из дома. При положении усопшего в домовину и при выносе его из дома громкий плач многих голосов и раздражающие душу причитания были явлением почти постоянным. Выносили покойника «вперед ногами» и с соблюдением больших предосторожностей, чтобы гробом не задеть за косяк дверей. Как только выносили его из избы, в передний угол клали — в качестве заместителя умершего — камень. Несли покойника с зажженными свечами до церкви родственники и близкие родные. В церкви совершался церковный чин отпевания, лишь невольно, неожиданно и неуставно прерываемый стоном, криком, плачем. Впрочем, в некоторых местах известно было обычное причитание и в церкви, в конце или после отпевания. По дороге из церкви на кладбище плачи-причитания возобновлялись. Более всего слез на кладбище у могил исполнялись плачи, отличные, у мастеров, от тех причитаний, что исполнялись во все предшествующие моменты. С кладбища народ возвращался в дом умершего на поминки. Иногда перед началом или во время поминок плачей отправлялась, с особыми причитаниями, искать умершего по разным закоулкам дома и двора, спрашивая, не скрылся ли он где-нибудь. Совершение плачей об умершем моментом похорон и хронологически к нему примыкающим моментом не оканчивалось. Повсеместно были известны обрядовые, сопровождаемые исполнением воплей, посещения могил в различные сроки: в девятый день, в полусорочины, в сорочины, в полугодовщину, в годовщину, в день именин умершего и пр. И не придерживаясь определенных сроков и дат, женщины ходили на могилу поплакать в горький час или в праздничный день.

Перечисляя разные моменты, когда совершалось исполнение плачей по умершим, нетрудно заметить некоторую разницу между причитаниями, обусловленную именно приурочением текста к тем или иным моментам. Прежде всего надо назвать плачи-поведения, или поведания, когда постигнутая горем женщина от

¹ К выходу протягивает он одененные ноги. А. Persius Flaccus. Satyr. III, 105.

своего имени или от лица всего дома рассказывает прибывшим родственникам или соседям о случившемся несчастье. С момента положения мертвого в гроб и до предания праха земле следуют собственно погребальные, или похоронные, плачи. Последующие плачи, именуемые иногда в литературе «надмогильными», можно назвать плачами поминальными. Вопли при различных обстоятельствах (например, у девушки перед вступлением в брак и т. п.) могут быть обозначены как плачи мольбы. Особый, редко наблюдаемый и мало известный в специальной литературе вид причитаний, обращенных к умершему — плач-сетование — исполняется по случайным поводам, например, в особенно трудную минуту жизни, в час тяжелых испытаний, вдова или мать обращается к мужу или сыну с жалобой на горькую судьбину.

Обычно причитания строятся на следующих основных мотивах. К покойнику обращаются с вопросами, куда он отправляется, на кого рассердился и на кого покидает родных. Оставшиеся в живых жалуются на свое сиротство, вспоминают о прошлом, говорят об обманутых надеждах. Нередко высказывается сожаление о том, что родственники прокараулили смерть, не откупили и не заменили покойника. К умершему обращаются с просьбой возвратиться, обращаются также и к стихиям с просьбой о помощи; высказывают надежду на встречу и нередко завершают причитание грустной мыслью о невозможности возвращения.

Эти основные мотивы причитаний получают различное конкретное выражение в зависимости и от различия самих условий действительности и от художественного таланта исполнителя. Так, например, П. Н. Рыбников приводит два различных причитания бедной вдовы и богатой по муже.

Различные бытовой обстановки бедняцкой и богатой семей, их различное восприятие жизни выступают в этих причитаниях совершенно отчетливо; к сожалению, подобных четких наблюдений наши старые собиратели оставили чрезвычайно мало.¹

Различны не только конкретные данные бытовой обстановки и социальных отношений: различно и художественное оформление материала. Как и прочие фольклорные произведения, причитания являются произведениями словесного искусства, и роль исполнителей этих произведений чрезвычайно велика. Правда, и наши первые исследователи и ученые, стоявшие на рубеже прошлого и нашего века, трактовали причеты как абсолютно безыскусственную поэзию. Впрочем, это было общим суждением, не вызывавшим никаких вопросов, и специальных исследований, посвященных причетам, почти до последнего времени мы не имели. Только в 1922 г. вышло исследование о причитаниях М. К. Азодовского, остающееся до сих пор единственным в нашей ученой литературе. После него уже невозможно держаться долго господствовавшей точки зрения. Пользуясь материалом, добытым

¹ См. «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», изд. 2, М., 1910, т. III, стр. 116, 118—121.

преимущественно от рядовых воплениц и сопоставленным с воплями Богдановой и Федосовой, исследователь показал, что причитания являются одним из замечательных проявлений подлинного народного искусства.

Но искусство причитаний, опять-таки как и в других фольклорных произведениях, своеобразное: в нем сплетаются две стихии — стихия традиции и стихия личного творчества, нередко импровизации (отчасти на основе той же традиции).

При слечении как древних причитаний, так и воплей, записанных в разных местах, в разное время, разными собирателями в прошлом столетии, наблюдается замечательное явление: общее сходство, не говоря о содержании и о порядке исполнения разных текстов (произносимых дома, на кладбище и пр.), в поэтических приемах — в построении образов, символикe, в составе частей: повторение одних и тех же важнейших мотивов, та же ритмика, во многих случаях та же лексика. Все основное здесь устойчиво: «указная дорога, о ком как плакать», и исполнители причеты знают, что «плаканье плаканью — разнота и не на тот голос». В этой устойчивости, в этой «школе» и кроется поражающая наблюдателя устойчивость жанра с его основными характерными чертами.

Опытные вопленицы к своим хорошим словам прибавляют чужие порядочные или, чаще, свои посредственные или порядочные слова — к чужим хорошим. А между тем кажется, что само собой у них все родится: «причёт сам на ум течет». В действительности, только богато одаренные вопленицы творят — на основе литературного наследия и не без послушания традиции — свои плачи. Эти выделяющиеся из общего круга произведения, известные в сравнительно небольшом числе, стоят особняком, а создатели их — корифей эпико-прической похоронной поэзии — редчайшие имена, которыми справедливо может гордиться «Исладия русского эпоса» — наш Север. Причеть и в прошлом и в настоящем известна всюду. Хорошие образцы причеты безусловно талантливых исполнителей известны во многих наших «землях» — в Тульской, Владимирской, Пермской, Иркутской и др., но недостигаемо высокие образцы ее дал и продолжает давать Север. Свое и традиционное по-разному сплетаются у различных исполнителей и исполнительниц; отсюда неизбежно возникает вопрос о самих этих исполнителях.

IV. РУССКИЕ ВОПЛЕНИЦЫ

У древних народов и у современных, по свидетельству их поэтов, писателей и специалистов-бытонаблюдателей, похоронный обряд и причитания совершались и совершают близкие родственники — женщины и мужчины, а иногда и хор — певчие, т. е. люди посторонние, чужие, специально подготовленные и приглашаемые. Памятники нашей древней письменности хранят известия о том, что у нас вопли исполнялись женами, матерями, сыновьями, дружинниками и лицами приглашаемыми. Так или почти так велось у нас дело и до начала XX века: причитали по умершему чаще всего родственницы, но нередки случаи, когда вопила чужая женщина —

по приглашению и по собственному почину, обычно от лица матери или дочери.

Этот вид словесного творчества, — в отличие от былины, песни, сказки и пр., — в известной мере является плодом принуждения, обязательства выполнить обряд. Творцы и исполнители былины, песен, сказок и т. п. не знают момента принудительности: рассказывают когда рассказывается, поют когда поется. Не то в причитаниях: там умеешь или не умеешь, можешь или не можешь, хочешь или не хочешь, — причитывать должно. Отсюда необходимость «школы», минимум которой должна пройти рано или поздно каждая женщина. Плакать — причитывать по умершим везде считалось обязанностью всех взрослых женщин и девиц; плачут, как умеют, не только взрослые, но и почти дети.

Непревосходимый в своей среде мастер словесного искусства Ирина Федосова научилась ему в детских же годах.

Училась искусству причети также в семейном кругу. Наследование искусства из поколения в поколение свидетельствуется и наблюдениями бытописателей и нескрываемым сознанием живой преемственности и внутренней связи с прошлыми поколениями самих художников. По словам Екатерины Николаевны, вопленицы из Тверской губернии, она научилась «вопить» от своей матери и, в свою очередь, знания свои передала дочери. Марья Федорова «причитать научилась... от одной старой вопленицы, которая по бедности имела приют в доме ее родителей».

Говорить ритмично и импровизировать дается деревенской женщине легко. Об одной художнице-песельнице из Новгородской губернии музыкант-этнограф замечает: «рассказывает Анистья Елизаровна (Пошехонова) так складно, выразительно, что речь ее прозой кажется стихом, причетом. Поэтому, может быть, и причеты она складывает так легко» (19).¹

По сообщению другого этнографа, одна женщина из Галичского уезда, обращаясь к священнику за советом, «свою речь вела причитательным певучим манером»:

«Ты скажи-ка, мой батюшка,
Как замолить мне мой незамолимый грех...» (22)

Непривычное положение не ставит в затруднение опытную плачею. Священнику на свадьбе, присутствовавшему в роли крестного отца жениха, вопленица из Шенкурского уезда, не имея для данного случая традиционной формы обращения, начала причет такими словами:

Духовным назвать батюшком, — на духу не бывала,
Родным назвать батюшком, — не поил, не кормил... (18)

¹ Цифры в скобках здесь и в дальнейших случаях указывают номер источника в помещенных ниже «Библиографических указаниях».

Складная, ритмичная речь и умелая импровизация определяются степенью одаренности и размерами опыта вопленицы. Скромная дарованиями исполнительница причитаний с детства знает «ходовые» народно-поэтические символы разрастающиеся — в песнях, в заговорах, в причети свадебной — в художественные образы, с детства запоминает поэтические мотивы, разрастающиеся в сюжеты, и создает из усвоенного ею литературного наследия немногословный текст причитания, — например, жена плачет о муже:

Лебедь ты мой белый,
Сокол ты мой ясный!
На кого ты меня покинул,
На кого оставил с малым детушкой?

Подобные тексты вопленица исполняет по необходимости выполнить обрядовый плач. При этих условиях естественно, что в подавляющем числе случаев наблюдатели видят причитания на невысокой ступени развития: только у исполнителей с инстинктом художника и дарованием поэта причитывание выливается в форму причитания, голошенье — в вопль.

На ряду с этими скромными, а иногда и более чем скромными, дарованиями и школой, известны подлинны мастера словесного искусства, сосредоточившие свои силы и свое внимание на причети.

Хотя русские фольклористы располагают многочисленными записями текстов причитаний из разных мест обширной страны, имена наших выдающихся плакальщиц записаны в небольшом числе. Мы можем назвать безымянную — по вине бытописателя — крестьянку Дрыгину из Воезерского прихода в Олонецком крае, бесфамильную Пелагею Васильевну из Тихвинского у. и «безотнюю» Елену Денисову из Старорусского края, Марфу Кирилловну Санову и Анну Никоновну Сподохову — из Варнавинского у., не сохранившую полного имени К. Александрову из Костромского и «безотнюю» Марию Крысанову из Кинешемского у., таких же «безотних» Устинью Иванову и Александру Маслову из Владимирской губ. с их землячкой А. Чувой. Но с этими именами связываются неотчетливые, чересчур общие представления. О носителе каждого имени мы знаем очень мало: место их обитания и случайно записанные исполняемые ими тексты причитаний, едва ли полностью исчерпывающие их репертуар. Можно назвать несколько имен сибирских воплениц, из которых Щапова и Белоусова, несомненно, не бесталанные исполнительницы; по случайным обстоятельствам (подробные записи были утрачены собирателем) и о них мы знаем весьма немного. Даже о таких обладательницах незаурядных поэтических дарований и выдающихся вопленицах, как Л. Ланева и Н. В. Коныхина, нам известно только, что они — крестьянки из Пудожского края, уроженки «Исландии русского эпоса». Не более сведений сохранилось о безусловно талантливой плачье из Вологодской губ. — «безотней» и бесфамильной старушке-нищей Ульяне, — только имя, социальное положение

да место скитаний. Записанные от нее шесть текстов причитаний дают недостаточно материала для полного воссоздания ее художественного облика (19).

Она — не первоклассный художник, если художником считать мастера создавать образы; но она — выдающийся ритор: она повествует, учит, молится. Бездомная, она, кажется, всех своих похоронила и теперь плачет по воспоминаниям и по приглашению, которым, очевидно, дорожит: она пускает в оборот средства поэтической изобразительности не по мере того, что требует *ars poetica* вопленицы, знающей «меру и вес», но обнаруживает тенденцию поразить слушателя ритмическим богатством речи, щедрым обилием рифм, переходящим подчас меру должного и временами ослабляющим, при всей уверенности тона профессионала, производимое впечатление тою привостью, которая невольно получается от неумеренного скопления рядом стоящих однообразных рифм — разрушается убедительность изображаемой в причитании печали. Ульяна прошла длительную школу: недаром она «крест кладет пописаному, поклон кладет по-ученому...» Тематика ее причитаний разнообразна; ритмами и особенно словом владеет Ульяна с неограниченной смелостью: одни ее вопли строятся из стихов в тринадцать, другие — в девять-десять слогов.

Едва ли эти замечания о вопленице далеки от истины, но при всем том они — только вывод читателя текста, а не показание слушавшего ее живого свидетеля.

Только весьма немногие имена имели другую судьбу: с ними — с одним больше, с другими меньше — связаны живые представления. Анна Егоровна Лазориха из Новгородской губ., Анна Михайловна Первенцева из Пудожского у., Клавдия Момонова из Тверской губ., Мария Федорова из Каргополя — вошли в историю русской фольклористики с малым числом записанных от них произведений, зато с запасами сведений биографического характера (15), дающими возможность хоть отчасти осветить вопросы, касающиеся судеб народной словесности и в частности — похоронной причеты.

Подобная же судьба выпала на долю «известной по всему Выгозеру вопленицы» Степаниды Максимовны. Правда, в научный оборот фольклористов вошел только один ее плач — «плач вдовы», зато жизнь ее, нескучно рассказанная биографом (20), раскрывает истоки творчества плачей, их основу, а литературный портрет-характеристика показывает художественные приемы исполнительницы и производимое ею на слушателей впечатление.

У. И. А. ФЕДОСОВА. И. С. БОГДАНОВА

Совершенно исключительное место среди известных нам исполнительниц причитаний занимает И. А. Федосова.

Если не сверстница Пушкина, то младшая его современница (в 1887 г. ей было за восемьдесят лет), крестьянка бывш. Олонецкой губернии Ирина Андреевна Федосова — вопленица, ни с кем из соперников по искусству не сравнимая. В пору зна-

комства ее с этнографом Е. В. Барсовым это была пожилая женщина, «крайне невзрачная, небольшого роста, седая и хромяя, но с богатыми силами души и в высшей степени поэтическим настроением. Речь у ней живая и бойкая; то и дело льются с языка пословицы и поговорки — традиционные и экспромты. Тринадцатилет она была уже вопленицей, известной по всему Заонежью. С молодости ей честь и место в большом углу: на свадьбах ли песни запоет — старики заплашут, на похоронах ли завопит — каменный заплачет: голос был такой вольный и нежный...»

Родители ее «были прожиточные и степенные», «я ж была сурова, по крестьянству — куды какаля: колотила, молотила, веяла и убирала... Восьмилет год знала, на какую полосу сколько сиять; шестилет год на уход лошадей гоняла и с ухода домой пригоняла; раз лошадь силеснула, я пала; с тех пор до теперь хромя. Я грамотой не грамотна, зато памятью я памятна; где што слышала, пришла домой — все рассказала, бытло в книге затвердила: песню ли, сказку ли, старину ли какую. На гулянку не хехтала, не охотила; на прядиному беседу отед не спущала, а раз в неделю молча уходила; приду — место сделаю у светца, шутить была мастерица: шутками да дурками всех расшевелю; имя мне было со протчиной; грубого слова не слышала: бедный сказать не смел, богатого сама обожгу... Стали люди знать и к себе приглашать — свадьбы играть и мертвым честь отдавать. С малолетства я любила слушать причитанья...» Замуж вышла девятнадцатилет — не за ровню, за старого. Рассказ Ирины Федотовой о ее жизни, сообщенный Барсовым (15), по своему характеру напоминает произведения древнерусской литературы: разговор молодой невесты с первым женихом напоминает сцену из повести о «Петре и Февронии», а наставления пожилой женщины второму ее мужу, любителю выпить, переносят нас к слову Даниила Заточника, к поучениям древнерусских сборников, к благочестивым легендам. Без сомнения, в развитии Ирины Андреевны не последнее место занимали нравоучительные произведения нашей древней литературы, дошедшие до нее по преданию, устным путем.

Она хранит не только громадный запас народных песен, но и привносит в них свой вклад и на все впечатления жизни отвечает метким мудрым словом. Поэтому она и проявляет свои таланты в разных областях словесного искусства: былина-старина, духовный стих, причитанья на свадьбе, плач о рекруте, похоронный вопль — изобильно входят в ее поразительно богатый репертуар.

В нашей литературе не забыта ни одна сторона ее дарований, но живет она в нашей памяти главным образом как вопленица: она выступала с причитаньями не как с частью и подробностью своих артистических исполнений, а как с объединяющею главным программю. Она в нашем сознании — не сказительница былин, хотя и знала и «сказывала» былины, она не «калика»-исполнительница духовных стихов, хотя знала и талантливо исполняла их; она — вопленица.

И в собственном ее сознании она — вопленица по умершим: «ее приглашают всего чаще на свадьбы, плакать же на похороны или на рекрутские наборы она обыкновенно ходит сама, по доброй

воле; очевидно, она испытывает ясную потребность в той художественной работе, которую представляет для нее составление и исполнение этих плачей» (15). Но мастерство Ирины не ограничивается этими важными и высокими областями применения. Природная живость ума и характера натакивает ее на использование всякой поговорки-пословицы, увлекает ее в сторону шутки-забавы.

О количественной стороне ее литературного наследства и творчества достаточно сказать, что из ее текстов Барсов и Агренева-Славянская составили почти полностью три подвешенных тома записей — причитаний, былин, духовных стихов, песен. . .

Если предположить, что записи эти представляют «полное собрание сочинений» Федосовой, то оно включает в себе число стихов, вызывающее в памяти поэмы Гомера, заключающие в себе 30 000 стихов. Память у этой старухи изумительная и речь — красивая и оживленная. «Она. . . при всяком удобном случае говорит экспромты, склад которых совершенно напоминает распеваемые ею старинные песни».

Образ Ирины Федосовой мастерски воскрешен нам М. Горьким. Молодым писателем Горький встретил в Нижнем Новгороде знаменитую вошленицу, в кругу ученых специалистов известную по книгам и разным статьям, в широком кругу — по газетным сообщениям, и тогда же сказал о ней свое слово.¹ Через три десятилетия, оглядываясь на прошлое, автор «Клима Самгина», не только ценитель, но и законченный мастер слова, не забыл об олонедкой певиче. Вспоминая, он снова пережил встречу с нею и снова рассказал о впечатлении, которое она тогда произвела на него. О силе этого впечатления говорят те подробности, которые не изгладились из памяти писателя и через три десятилетия многосложной жизни. Через тридцать лет он помнит, как «на эстраду мелкими шагами, покачиваясь, вышла кривобокая старуха, одетая в темный ситец, повязанная пестреньким заношенным платком, смешная, добренькая ведьма, слепенная из морщин и складок, с тряпичным, круглым лицом и улыбочными детскими глазами». Не забыл он и того, как она «в коротких перерывах между сказами. . . отдыхая, облизывая темные губы кончиком языка, поглаживала кривой бок, дергала концы головного платочка, завязанного под ее подбородком», и как она, «покачиваясь вбок, улыбалась и кивала головой восторженно крпчавшему народу».

Зоркий глаз художника запомнил не только внешность и фигуру олонедкой сказительницы, — памятливым и верным его слух сохранил характер и тон звуков северной певичы. «С эстрады полился необыкновенно певучий голос, зазвучали веские, старинные слова. . . Помимо добротной красоты слов было в. . . голосе что-то нечеловечески ласковое и мудрое. . .» Слушатель «не мог оторвать взгляда своего от игры морщин на измятом, добром лице, от изумительного блеска детских глаз, к о т о р ы е, красноречиво договаривая каждую строку стихов,

¹ М. Горький. С всероссийской выставки (гл. «Вошленица»), Одесские новости, 1896, № 3660 (от 14 июня).

придавали древним словом живой блеск и обаятельный мягкий звон».

«Необыкновенно певучий голос», «мягкий звон» «веских» и «твердых слов», «взумительный блеск детских глаз», придающий словам особое обаяние, поэтические образы, за которыми художнику слышны материнские «страх и печаль» и видны сыновние «покорные глаза», — все это, слагаясь, сплетаясь, срастаясь, выросло под пером мастера в большой и яркий, навек закрепленный в сильном слове образ поэтессы — певицы из «Исландки русского эпоса» — образ конкретный и вместе с тем философски-отвлеченный. «Казалось, что... из прожитых веков поистине чудесно долетает... отживший голос героической древности... Подлинная история правды-добра и правды-зла., и должна и умеет говорить о прошлом так, как рассказывает олоонецкая кривобокая старуха, одинаково любовно и мудро о гневе и о нежестости, о неутраченных печалях матерей и богатырских мечтах детей, обо всем, что есть жизнь...»

У Ирины не только унаследованное богатство образов, мыслей-настроений и поэтических средств их выражения, но и перевоплощение богатого и разнообразного личного опыта. Творчество ее покоится на «реальной основе». Это — подлинно реалистическое творчество, вершина реалистического искусства воплощения. Она прошла через свою некороткую жизнь с широко раскрытыми глазами и настроженным слухом. У нее исключительная острота зрения и отсюда такое богатство значительных и малых, общих и частных тем, такая находчивость и изобретательность в пользовании отовсюду вбираемыми в память материалами.

Момент похорон неизменно грустно-торжественный. В соответствии с этим Ирина почти каждое свое причитание задумчиво начинает монологом, припоминаниями последних дней и часов жизни «отшедшего».

Руководясь неписанным традиционным «уставом», справляет Ирина нецерковный чин погребения, зная, когда и где, от чьего лица и о чем надо причитывать: в доме «положено уставом» одно, по дороге в церковь — другое, по пути из церкви на кладбище иное... Исполняется ряд причитаний — одно за другим, или одно причитание сложной композиции. Содержание причитаний или их компонентов, их темы и приемы разработки по существу дела несколько однообразны, однотонны. Художник-исполнитель побеждает эту однотонность и эту монологичность распределением своего внимания и своих речей между несколькими слушателями: сначала речь ведет, обращаясь к покойнику, затем — к одному из родственников, затем к другому, ко всем собравшимся, снова к умершему.

Мотивы Ирины — в главнейшем — те же, что и у других плакальщиц: приход смерти, гадания об ее причинах, суждения о сиротской участи, о вдовьей доле и пр. и пр. Но эти обычные, традиционные темы находят у Ирины Федосовой своеобразную, особенно богатую разработку. Она насыщает свои причитания живыми

картинами крестьянской действительности, превращая их в небольшие поэмы из крестьянской жизни. Уже самый объем ее причитаний совершенно необычен. Тогда как «рядовые» причитания отличаются, как правило, сжатостью и краткостью, причитания Ирины Федосовой занимают в книге по несколько страниц и даже десятков страниц.

Она разнообразит свои причитания и в зависимости от родственных отношений оплакивающих к покойнику (плач по отце, по матери, по муже, по двоюродному дяде и пр.) и в зависимости от конкретных условий смерти (плач об утонувших в Онежском озере, плач об убитом громом-молнией, плач «об упьянливой головушке» — о скоропостижно умершем пьянице). Особенно интересно и, кажется, ни у кого из других исполнителей не отмечено, что Ирина Федосова дает ряд причитаний, связанных с различными социальными категориями: у нее есть плач по мирском старосте, плач по писаре, плач по попе. Тем самым вносятся весьма значительная конкретизация материала, и социальные темы начинают звучать особенно остро.

Почти каждая деталь разрастается у Ирины Федосовой в целую картину. В эпических образах, с изумительным богатством развернутых сравнениях повествует она о тяжелом положении вдовы в чужой семье, среди родственников мужа, рисует живые сцены из крестьянской жизни, говорит о сиротстве детей, о нищенстве. В ее повествованиях, картинах, характеристиках — подлинное реалистическое искусство, согретое живой симпатией к изображаемому крестьянскому миру.

Но Ирина Федосова знает не только чувство симпатии: в ее причитаниях проявляется и подлинная ненависть к угнетателям крестьянства, к представителям власти, к «судьям неправосудным», к «злодеям-мировым посредничкам», начальству в армии. Как раз у самого крупного мастера социальная насыщенность причитаний проявляется наиболее ярко. В причитаниях Ирины не столько плач о личной горе, о горе той или иной семьи, но гражданские плачи — об умерших заступниках крестьянства.

Причитая об одном заступнике, Федосова выдвигает в качестве основания для сожаления об умершем то обстоятельство, что он помогал крестьянам спасаться от придирок властей. Ирина пользуется случаем лишний раз подчеркнуть корыстолюбие властей: начальство требует у крестьянина «золотой казны бесчетной», «полуштофик сладкой водочки» и пр. и пр. В другом причитании — по писаре — Федосова подчеркивает, что этот писарь был не такой, как другие (таким образом здесь похвала умершему оказывается ударом по живым). Она видит и хвалит в писаре заступника крестьян от горя, и это позволяет ей дать замечательную легенду о происхождении горя на земле и яркое изображение горя крестьянского,

Наибольшей силы и яркости этот показ тяжести крестьянской жизни и насилия начальства достигает в плаче о мирском старосте (плач этот почти целиком использован Некрасовым в главе «Демущка»). Староста, как и писарь, выступает у Ирины защитником

крестьянства. С большой изобразительной силой рисует приезд в деревню начальника, его издевательства и нагло-грубое обращение к крестьянам. Уже одна такая деталь, как выведывание «во потай у недоростков», обнаруживает в Ирине Федосовой тонкого и умного наблюдателя. Живо переданы предположения старосты о причинах приезда посредника и связанные с ними крестьянские настроения.

«Плач» о старосте ведется с нарастающим негодованием и разрешается проклятием властям, которое звучит как подлинное заклинание.

Стихи такой силы и выразительности, такого острого и яркого социального характера без колебания могут быть поставлены в ряд высоких образцов русской лирики. Федосова шлет гневные слова не личному и даже не родовому врагу, — она возглашает проклятие лиходеям «страдного крестьянства». Ее причитания не только археологический или литературный факт; за ними смыслового порядка: поразительно ярко выражены общественных настроений, делающее эти плачи подлинно народными.

Ирина Федосова блещет образами неожиданными, рисует людей, вещи, явления окружающего мира при помощи описаний или сравнений, причудливых сближений и сопоставлений. Образы неожиданные текут из ее памяти, напитанной невероятной наблюдательностью, опытом незаурядного ума и большого сердца. Для человека, знакомого с волями Федосовой, «староста», хитромудрый «писарбчек», «поп-отец духовный», «судья страховпята» — такие же живые образы, как образы признанной, «книжной» художественной литературы.

Ирина — удивительный мастер пейзажа, но пейзаж в ее причитаниях не играет главенствующей роли, он подчинен задачам общего порядка. Ей дается живописание растительного и животного мира, ей доступна интимная поэзия вещей — изображение скромной протской трапезы и бедного вдовьего жилья, и на ряду в ее причеты — наивная гипербола в изображении роскоши в домашней обстановке, условная архитектура, одежда, отнюдь не беззаботная насчет роскоши и красочных сочетаний, и т. д. и т. д. Как и у других воленцев (но у Ирины — с большим мастерством), в вечную тему оплакивания смерти близкого человека вливаются малые темы о вечном каждодневном: заботы, труд, удобства, забавы, наряды, угощение, наставительно-поэтический урок практической жизни, переплетение доминирующего «натурализма» и подчиненного «символизма».³

Ее воли — источник для археолога и этнографа: ведь именно по ним, по волям Ирины, писались в свое время рассказы из народной жизни. Все эти моменты — разом ли или по частям — находим и у других, не столь знаменитых воленцев: у воленцев — некими выработанная ая ретика, правилам которой (не возвышенным, но тем не менее известными) они подчиняются. Разница в тех и в этих причитаниях — рядовых и выдающихся — обуславливается не этими правилами; она — в мастерстве обработки, а не в тенденции и «общем смысле». Ирину Федосову выделяют из всех воленцев совершенство ее искусства, сложного и ясного, и уверен-

пос, смелое мастерство. Пролог в небе, где судится жизнь людей и решается их судьба, и связанная с ним поразительная по продуманности и по тонкости исполнения картина грозы, где на фоне грозного неба — поле с пахарями, спешащими укрыться, притихшие деревья и даже камни в предчувствии удара, — картины, равные которым немного и у признанных мастеров словесного искусства.

И дерковная книжность, и песня, и поговорка, и заговор, — все питает творческий дух Ирины, но больше всего дают ей былины-старшины. Знаток и исполнительница былины, Ирина напитана ее смыслом и ее духом, и ее причитания, при соответствующих условиях, помимо ее ясного сознания, оказываются на грани претворения их в новую форму — в своеобразный героический, «похвальный» стиль: «почти былины» о старосте, о писаречке, об утопших, напоминающие живым о подвигах и страданиях героев-односельцев.

Элемент похвалы делается у Ирины Федосовой излюбленной темой и предметом заботливой поэтической обработки. И тогда ее причитания представляют новое явление в литературе. Это если не совершенно новый, то вполне своеобразный жанр, синтетически объединяющий былину и плач, где мы видим более тонкое, более изысканно выполненное слияние двух жанров. в сравнении с тем видом произведений, в котором причетъ нашла для себя обрамление, например, в духовном стихе или в песне. и придала стиху или песне крупные новые черты и без труда улавливаемые наблюдателем новые оттенки. В силе причетъ и былины женская стихия сообщила новый тон мужественной былине, перепланировала ее в элегический жанр — в плач; зато обычному плачу-причитанию своею приукрашенностью, гиперболизмом и величавым длинным стихом былина придала заметные новые черты — обновление тематики, внесение новых мотивов, решительный сдвиг женской лирической поэзии в сторону поэзии эпико-лирической. Достаточно вспомнить и этот торжественный мужественный тон, чуждый обычным причитаниям, с которым Ирина произносит проклятие, и эту сатиру на судей, которую проникнуто ее голошение. Ни у кого другого из исполнительцев причетъ мы ничего похожего не находим. Как сказительница, она перепевает только старые песни — былины о богатырях, исполняет их так, как и сказители. Но как вопленица, она является не только хранительницей свадебной и похоронной обрядности, свадебных и похоронных песен и воплей, но и создательницей новых произведений в традиционной форме, применительно к новым обстоятельствам и новым лицам. Важность и торжественность минуты смерти и похорон заставляют ее брать «высокий тон» былины, которым она владеет в совершенстве и который направляет вопленицу на использование былинных поэтических приемов.

Тема повествований вопленицы — тихие добродетели и малоприметные при жизни подвиги местного героя. Вопль о нем разрастается до объема былины; вопль складывается из тех же тринадцати — четырнадцати-слоговых стихов, что и былина; гиперболизм в рисовке образов и в повествовании — тот же, что

п в былинах; и риторика здесь в главных ее особенностях та же, что риторика былинной поэзии. Риторична только форма; риторика причитаний, за малыми исключениями, — вокруг реального, поэтому надо иметь особую придирчивость, чтобы найти какие-либо «мертвые точки» в самом большом воплощении Ирины: все у ней наполнено «содержанием». В строении стиха и фразы и в лексике Федосовой придирчивый критик легко найдет нарушения общепринятой речи — обыденной и поэтической, и даже, при ее необузданной литературной плодовитости, в большем числе, чем у других воплощений, но уже не подлежит, кажется, спору старое афористическое утверждение, что «величайший стилист — не тот, кто меньше всего нарушает школьные правила, а тот, кто находит самое удачное выражение для того, что живет в нем».

Многими чертами своего творчества близка к Федосовой другая олонецкая сказительница **Настасья Степановна Богданова**, родившаяся в 50-х гг. прошлого столетия (23). Но по силе и яркости, по социальной остроте ее причитания все же далеко уступают причитаниям Федосовой.

Н. С. Богданова исполняет старшны, поет духовные стихи, знает свадебную причетъ, поет песни, умеет говорить сказки, но в ученую литературу приметно вошли, главным образом, ее произведения зауспокойной лирики, хотя и не в большом числе: пять текстов, дающих в общей сложности 1231 стих. Кроме этих причитаний, трех былин, одной сказки и нескольких песен следует указать четыре страницы нехудожественной повествовательной прозы: это ее автобиография, заслуживающая внимания в силу того, что и она является свидетельством незаурядных поэтических дарований **Н. С. Богдановой**. В ней — при некоторых несомненных несовершенствах записи — виден мастер рисовать картины природы и жизни, давать лапидарные характеристики. В повествовании, не преследующем художественных задач, она — мастер рассказа, умело бросающий то там, то здесь суждения, облеченные в форму четкого афоризма, меткие сравнения, дышащие жизнью вышуклые образы, яркое слово. Причитания Богдановой, как и причитания Федосовой, характеризуются четкой реалистичностью. Как и Федосова, она является тонким наблюдателем и наблюдения свои переносит в свои произведения.

Если картину природы вообще (смену времен года и т. п.) можно нарисовать в традиционных рамках, традиционными путями, то описание конкретной местности, образец которого находим в плаче о погибших в Киваче, может дать только зоркий наблюдатель, совместивший в своем лице и поэта: такая картина по плечу только подлинному поэту. А таких описаний в причитаниях Богдановой не мало.

Описание трудовых процессов, живое напряженное повествование о сплавной работе, об условиях труда, об опасностях на сплавах леса и пр., — и это художник мог дать за пределами готовых путей и общих мест.

Личный опыт сквозит и в подробностях, в любви к деталям и порой в наивных мелочах. Но богатый личный опыт всегда идет на использование в одном направлении: он преобразовывается и цветет если не исключительно, то главным образом в причети — в области словесного искусства, именно на Севере, в родных местах Богдановой, получившей высокую степень совершенства. Несомненно, традиция местных воплений оказала большое влияние на развитие ее таланта и обогащение ее средствами поэтической изобразительности и приемами их применения.

Художник и в малом, Богданова населяет свое воображение поэтическими образами традиционной поэзии, обогащает свою память чеканными формами, к которым имеет вкус и ясно выраженное тяготение, — формами, почерпаемыми в поэтическом предании и переплавляемыми — в меру собственного разумения и художественного инстинкта — собственной творческой работой. Не редкость, когда компоненты ее плачей замыкаются общим суждением-заключением в виде готовой формулы — поговорки, реминисценции из заговора, пословицы — или в виде «философических» суждений, порожденных своими и чужими думами о судьбе земнородных. Слово ее подчас суховато, но всегда свободно и смело. Любое слово, которое она берет и заставляет служить своей цели, послушно принимает удобную ей форму.

Простота и естественность в обрисовке образа, смелость в привлечении и умение в приспособлении слова — характерные черты плачей Богдановой. Достаточно присмотреться к тому, как у ней зарисован образ «упокоившегося», образ кручины, осиротевший дом после смерти хозяина, сироты, домовищечко, богатые похороны и пр. и пр. Слово в полном подчинении у поэтессы; отсюда неожиданные его формы и оттенки смысла его.

И в платении слов и в пользовании вязью их Богданова — мастер. Один из любимых ее приемов — использование различного рода тавтологий.

Не менее охотно пользуется она приемом усиления выразительности речи через добавление к общеупотребительному слову его синонима — часто из разряда слов «высокого стиля».

Иногда Богданова в подборе и наизывании слов в стихи терпит неудачу, допускает «прозаизмы» или переобременяет стих формально однородными средствами выражения. Но подобные случаи настолько редки, что полностью тонут в широком море ее искусной риторики. Словно давая себе отчет в своих неудачах, хотя бы и редких, и желая вознаградить взыскательных слушателей, она стремится отдельные части своих созданий украсить привлечением выразительных сравнений или обильным использованием то обычных, то неожиданных определений, в своем смысле и значении разрастающихся в эпитеты.

Особенно богат язык Богдановой эпитетами; они вросли в причет в чрезвычайном изобилии. В погоне за выразительными или яркими определениями художница подчас или переобременяет стих, делает его вытянутым, рыхлым, нарушающим равномерно-напряженное течение поэтической речи. Но и эти — тоже несчастые —

неудачи она покрывает заботой о ритме и украшении стиха рифмой или — в отдельных местах — звукописанием. По существу дела причитания не требуют рифмы, и не все воплениды ею пользуются; и сама Богданова далеко не всегда замыкает примыкающие друг к другу стихи рифмами. Рифмы у ней, теряясь в потоке стихов, когда они встречаются редкими и случайными всплесками звуков, — в больших скоплениях и в выразительном подборе непрерывно и похоже звучащих нот — производят впечатление протяжной минорной гаммы, тоскливой однотонности.

От Богдановой мы знаем пять причитаний. Почти все они произносятся в плавном и замедленном тоне стихов, с преобладанием тринадцати слогов в каждом. Ни одно из них не является повторением другого — ни в отношении композиции, ни в отношении разработки отдельных моментов. Некоторые составные части, как и поэтические мотивы-приемы (посыл просьб и поклонов, письмо-грамотка), встречаются в разных местах ее воплей, но и эти части каждый раз даны в измененном словесном облачении и в новом порядке размещения, в новых связях.

Некоторые ее вопли обращают на себя внимание редкой особенностью, которая ярче всего видна в причитании о потонувших в Киваче. В сущности, причитание здесь составляют начальные стихи (1—40) и стихи, замыкающие текст (177 и далее); все остальное — былина-новелла, былина о местных героях. Вопленица разработала плач на хорошо ей знакомой былинной основе, дав таким образом новый жанр — причитание былинного склада, как и у Ирины Федосовой.

VI. РЕКРУТСКАЯ ПРИЧЕТЬ

Кроме похоронных причитаний издавна и широко известны плачи перед продолжительной или опасной разлукой. Для древности пример находим у Гомера: Андромаха, простившись за городом с мужем, «безмолвная», «слезы ручьем проливая», «часто назад озираясь», пошла домой, где оплакивала живого еще Гектора.

Знает плач перед разлукой и старофранцузский эпос.

Для русского средневековья пример в сказании о князе Михеизе Черниговском: «разумев княгиня его, яко князь... в орду поиде, и восилаквся горьким гласом: Увы мне, како отъиде живот мой, остави мя уединенну вдовою и дети своя сиры. Почто аз преже тебе не умрех?»

Самой интересной во многих отношениях группой относящихся сюда плачей надо считать рекрутские причитания. По своему характеру рекрутские плачи весьма близки к похоронным. О родственной и формальной близости этих двух видов причети можно судить и а priori, исходя из того наблюдения, что те же вопленицы, которые плачут о мертвых — Федосова, Чуева, Николаева — исполняют и рекрутские причитания.

Не говоря о ритмах и строе стиха, об изобразительных средствах в языке, в рекрутских причитаниях встречаются те же образы и те же мотивы. Так же, как сирота-невеста, сирота-рекрут просит

материнского или отцовского благословения. Жена солдатская плачет-просит мужа прилететь к ней «перелетной малой итиченькой»; в таких же выражениях вояки обращаются к умершим. Как в похоронной причети, здесь мать учит рекрута просить прощения у соседей. Так же, как и в похоронной причети, мать, прощаясь с сыном, спрашивает, в какую дорожку он отправляется. Одинаковым образом мать, жена или сестра выражают упреки оставляющему свой дом, свою семью, указывают на свою горькую долю, просят писать «со чужой-дальней сторонюшки скоронисчатую грамотку».

Нет возможности (да нет и надобности) продолжать подобное сличение двух видов причети. Эта сохранность причети одного порядка в волях более позднего образования не должна служить предметом удивления. О рекрутах плакали не меньше, а то и больше, чем о мертвых: «жи в а эта разлука пуше мертвой», говорится в одном воле. Судьба родителей, братьев, сестер, жены, детей рекрута в пору сложения причети была более горькой, чем судьба семья оспротелой. В своей основе содержание и смысл рекрутской причети сохранились и позднее, когда ужасы солдатчины перестали быть равносильными смерти.

Эти ужасы были более чем достаточны для того, чтобы оплакивать неминуемое разорение крестьянского хозяйства, бедственное положение оставшейся без сильного работника семьи, длительную разлуку с сыном, с мужем, с братом и пр. и пр. Таким образом, поводы и темы для причети только ослаблены, но не устранены.

Однако было бы недопустимой ошибкой всю рекрутскую причеть свести к повторению или варьированию причитаний по мертвым. Прежде всего, самая основа рекрутских причитаний иная. Похоронные причитания возникали в древнейшие эпохи на магической основе как средство защиты от покойника и умодствления его. Рекрутские причитания — явление позднейшего периода, и магического значения они не имели. Похоронные причитания являлись некогда достоянием не только широких трудовых масс, но и господствующей верхушки, рекрутские причитания — создание и достояние крестьянской среды, страдавшей от солдатчины. В рекрутской причети свой план, иной угол зрения, во многом иная тематика, новые мотивы; среди них мотивы социального порядка, в том или ином виде присутствующие в похоронной причети, здесь являются господствующими.

План построения рекрутских причитаний обусловлен подчинением иному «обряду», который — это ясно — не совпадал с погребальным ритуалом. Рекрутский «обряд» во внешних его выражениях очень прост. Как только парня забреют, начинался его печальный и пр. В доме собирались родственники, соседи, товарищи, девушки. После угощения рекрут начинал ходить по избе, а вояки — от лица матери, сестры (если не сама мать или сестра), родных, соседей, самого рекрута — изливала в словах и слезах их чувства и раздумья. Начиная с этого дня рекрут гулял с товарищами, катаясь на конях и пр. Гуляба сопровождалась пением рекрутских песен. С приближением срока ухода в солдаты

рекрут ездил прощаться ко всем близким и дальним родственникам. Везде он находил угощение, везде его встречали слезы с причитаниями. Прощанье завершалось дома родительским благословеньем рекрута и громкими воплями. Он кланялся земно отцу-матери и, сопровождаемый роднею и близкими соседями, выходил из дома. Внешняя и особенно внутренняя сторона «обряда» показана в Иринею «плаче по холостом рекруте».

Подчиняясь смене разных моментов «обряда», следуя за появляющимися новыми его звеньями, вопленица берет ту или иную тему для плача.

Специфические темы и мотивы, отличающие рекрутскую причет, входят в каждое причитание.

Поразительной силы и яркости живые картины солдатской службы находим в причитаниях Ирины Федосовой. Ее блестящий реалистический талант и здесь находит свое выражение. Нельзя не удивляться тому, как эта неграмотная женщина, никогда не испытывавшая сама тяжести солдатской службы, умеет находить выразительные и правдивые слова и образы для изображения солдатчины. С знанием дела, от имени солдата, пришедшего домой на побывку, она показывает «ученье»; словно очевидец, изображает жесткие методы воздействия «кумандров» на солдат; как тонкий наблюдатель передает психологию обучаемого солдата.

Умело находит краски вопленица и для изображения повседневной жизни солдат в казарме. Еще более яркие краски берет она для изображения «зеленой улицы» — наказания солдат за провинности.

Следя за мотивами и темами плачей, легко представить себе полную, во всех мельчайших подробностях вырисованную картину рекрутчины-солдатчины на протяжении по крайней мере двух столетий. Внимание невольно привлекает к себе важнейшая особенность этого вида плачей: предельная насыщенность — на ряду с нотами безысходной тоски и отчаяния — духом нескрываемого недовольства, протеста в самых различных его выражениях.

Жалобы на солдатчину долю, на судьбу солдатских детей, на разорение крестьянского хозяйства, на разрушение семейного счастья — это самый тихий, прикрытый вид протеста. Рассказы и суждения о солдатском житье-бытье воспринимаются как такой же протест, но произнесенный несколько иным, повышенным тоном. И в этом тоне вырываются приглушенные, но явственно слышимые лишь внешне-эпические речи, наподобие тех речей, что сказаны про «зеленую солдатскую улицу» — «скрозь строй»...

На гребне же волн гнева и протеста — проклятие, возглашаемое плачущей Ириной, говорящей от имени матери:

Будьте прокляты, злодеи-супостаты! . .
. . . распорола бы я груди этой некрести,
И уж я выняла бы сердце тут со печенью,
И распластала бы я сердце на мелкий куски,
И я нарыла бы корыто свиньям в мёсиво,
А я печень я свиньям на уеданьиде.

Кажется, только в корсиканском захолустье да в ущельях Черной горы звучал слова такой силы!

VII. ПРИЧЕТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Если мы, как показано, имеем в нашем распоряжении те или иные данные для суждения о погребальной лирике разных народов в отдаленнейшие эпохи, то обязаны этим, главным образом, древним художникам слова, создателям поэмы о Гильгамеше, Махабхатах, Илиады, Энеиды, Эдды; поэмы о Роланде и т. д. Если бы фольклористы не сделали записей причитаний современных народов, мы должны были бы довольствоваться показаниями беллетристов-бытописателей, у которых, пусть и не часто, находим обстоятельно написанные картины исполнения погребального ритуала со всеми важнейшими входящими в состав его частями. Достаточно напомнить о романе Бальзака «Деревенский доктор» (*Le médecin de campagne*).

Указывая наряду с французским романом «Деревенский доктор» другой — негритянский роман «Батуала» и выделяя страницы, посвященные описанию погребального ритуала и причитаний у негров, трудно сказать, где кончается фольклорист, эмпирик-наблюдатель, и где начинается романист с его художественным синтезом. Несомненно одно: художник-писатель питается эрудицией фольклориста-наблюдателя и находится в очевидной зависимости от нее. Обращаясь к нашей художественной литературе, наблюдаем то же явление. Влияние устной поэзии на книжную литературу чрезвычайно важно. Обращение мастеров слова к фольклору является одним из важнейших двигателей в развитии русской художественной литературы и поэтического языка. Трудно указать большого писателя, творческий путь которого не соприкасался с областью устной художественной литературы, — областью, где расцветает истинное искусство.

Истинное искусство, создавшее нашу причетъ, если не раньше других, то один из первых увидели Пушкин и Гоголь. Причитание по умершим, в зачаточном виде, но основными его чертами, входит элементом в «Сказку о золотом петушке» (1834). Царь Додон у шатра оплакивает своих сыновей. С привлечением большего числа постоянных мотивов похоронной причетъ и с более внимательной их разработкой поэт дает плач в «Капитанской дочке» (1834—1836). «Вдруг она [Василиса Егоровна] взглянула на виселицу и узнала своего мужа. «Злодей! — закричала она в исступлении. — Что это вы с ним сделали? Свет ты мой, Иван Кузьмич, удаля солдатская головушка! не тронули тебя ни штыки прусские, ни пули турецкие; не в честном бою положил ты свой живот, а сгинул от беглого каторжника!..» (гл. VII, Приступ). Довольно вспомнить плач матери над сыном-солдатом, чтобы понять, что Пушкин использовал мотив, разработанный в традиционной причетъ. Не здесь говорить о возможных источниках, бывших в распоряжении автора «Капитанской дочки»; одно можно заметить: возникавшая именно

в те годы русская фольклористика еще не располагала печатными текстами воплей по умершим. Не знала и украинская фольклористика записей воплей по умершим в то время, когда Гоголь писал свою «Страшную месть» (1832). Видимо, плач Катерины о муже (конец гл. IX), разработанный с особым тщанием, с несомненным знанием и тонким пониманием смысла, мотивов, строя и ритма горестных воплей, имеет в основе не книжный источник, хотя риторика плача казачки устраивает мысль о том, что перед нами — подлинная запись «из уст народа».

Гораздо ближе к дословной записи причитанья в повестях Д. В. Григоровича. Кажется, не будет ошибки, если сказать, что в причитаниях матерей о своем ребенке — воспроизведение на память действительно слышанных в реальной обстановке материнских причитаний. «Дитяtko мое! мила моя!.. Ох! горе мое, горькое горюшко... И нет уже дитятка моего! Нет белого сезеня!.. Кого мне прибавить на плече моем? Егорушка! беланушка!.. Ох, прости, Господи, горе мое, оторвалось мое сердце, осиротела грудь моя, и молочко твоё присохнет. Пуста теперь твоя зыбочка! Ох, горе мое, горе мое! Забуду, что пуста она, твоя зыбочка, и стану качать ее, тебя вспоминаючи...» («Четыре времени года», гл. VII). Это — импровизация, какую обыкновенно и приходится наблюдателю отмечать, когда мать в словах и слезах оплакивает своего ребенка. Случаев голошенья матери о малом ребенке деревенская жизнь давала больше, чем всех других, а плачей о малых детях с более или менее устойчивым текстом наша специальная литература знает очень немного. И это понятно: плач о ребенке — наиболее интимное выражение горя. Он обычно не отливается в законченную словесную форму. Как этот плач в избе, так и другой, когда мать «билась у могилы и приговаривала нараспев», а муж ее засыпал землей могилу («Кошка и мышка», гл. I), свидетельствуют об умении видеть самый утаенный, самый малоприметный угол жизни и связанную с ним жизнь поэтического слова.

У Пушкина, у Гоголя и у Григоровича, когда речь идет об оплакивании умершего, в центре внимания — словесное произведение; погребальный обряд и его совершение с причитанием редко находили место в их произведениях.¹ С большим мастерством, хотя и не вполне самостоятельно, показал причет в обрамлении обрядности П. И. Мельников-Печерский. Роман «В лесах» (1872), в соответствии с поставленным автором заданием, включает в себя все важнейшие виды фольклора. В числе других привлекаются и причитания по умершим — около десяти текстов — в главе, повествующей о погребении молодой девушки.

Исклнчительные по богатству источники, использованные писателем (труд Афанасьева, Поэтические воззрения славян на природу, и собрание причитаний Барсова), обеспечили ему возможность

¹ Краткое описание осетинских похоронных обрядов Пушкин дал в своем «Путешествии в Арзрум», гл. I; ср. также начало поэмы «Тазит».

внести замечательные страницы в нашу художественную литературу. Особенностью использования материала, взятого из готовых источников, является у Мельникова в к л ю ч е н и е этого материала в ткань собственной речи или в неизменном виде или в незначительной переработке. Художник-прозаик, он несмело покушался на пр е т в о р е н и е готовой, чужой мерной речи в свою стихотворную.

Смелее шел в этом направлении и достиг высших результатов талант иной природы, поэт-стихотворец Н. А. Некрасов. С рекрутскими причитаниями перекликается по духу и по тону его «Орина-мать солдатская» (1863). Причитания по мертвым нахолим в поэме «Мороз Красный нос» (1863). Он их дает вместе с описанием обстановки, в которой совершаются похороны, с передачей настроения присутствующих, и при этом соблюдает должный порядок в повествовании, сжатом и выразительном, заставляя думать, что он сам был наблюдателем этих моментов. Каждому стиху или каждой фразе его описания можно указать соответствие в специальной литературе, посвященной погребальным обрядам, или параллель в текстах причитаний, записанных «из уст народа».

Причитание в строфе IX поэмы («Голубчик ты наш сизокрылый») во всем подобно записанным текстам, кроме подлинности. Здесь, что ни стих — постоянный мотив подлинных воплей: непривычно-ласковые обращения, похвала, сетования о судьбе оставшихся, просьба «встать», обещания угождать ему и пр. и пр. И те же приемы их построения вплоть до использования малых фольклорных форм, та же лексика вплоть до внесения в стих «сахарных уст».

Исследователи творческих путей Некрасова сообщают о том, что поэт неустанно приглядывался и прислушивался к народной жизни, вел записи наблюдений и произведений традиционной поэзии. Вместе с тем, отмечают исследователи, он внимательно изучал сборники Даля и Рыбникова. На ряду с личными записями, в черновых рукописях поэмы рассеяно множество выписок из текстов печатных сборников; часть выписок и записей имеет прямое отношение к похоронной лирике.

Когда в 1872 г. читающий русский и зарубежный мир познакомился с воплями Ирины Федосовой, поэт узнал поэта Некрасов, трудившийся в это время над поэмой «Кому на Руси жить хорошо», углубился в этот источник — сборник Е. В. Барсова, и избрал себе в вожатые, а «семи мужикам» в собеседницы — поэту эссею из олонедкого захолустья. Имени умной собеседницы поэт не называет, но его угадать легко. Связь отдельных эпизодов поэмы с творчеством Ирины Федосовой уследить не трудно. Где «поэт народного гнева» мог бы найти во всей литературе огненные слова, равные по силе мысли, по силе чувства, по силе выражения гневному заклятью Ирины Федосовой, брошенному «злодею супостатному»?

Некрасов учится у Федосовой не причитать, а выражать свой гнев, и стихи, взятые из ее причитания, он использует

в поэме не как вопль: сохранив основной мотив, тему, образ, лексикку, он нарушает общий тон и ритм и пользуется творением поэтессы и для повествования, и для рассуждения и для лирических отступлений. «По Федосовой» описан наезд «судьи неправосудной», дано сравнение его с налетевшим вихрем и пр.; «по Федосовой» дан материнский плач — обращение к «плотничкам-работничкам», построенным умершему сыну дом. «По Федосовой» даны плач женщины в горькую минуту жизни, описание сиротской доли, речь о ключах от счастья и мн. др. Так широко воспользовался Некрасов материалом причитаний.

Среди новейших писателей, остановивших свое внимание и на воплях, можно назвать немногих, зато в числе этих немногих такой зоркий наблюдатель и мастер словесного искусства, как М. Горький. На его очерке «Нилушка» из книги «По Руси» невозможно не остановиться. В очерке нет описания похоронного обряда, а дана только сцена исполнения материнского плача на городской окраине и прекрасные стихи.

Филицата поняла, что сын умер, «пала перед ним на колени, завопила; «Батюшка, куда ты? Господи, кого ты у меня отнял?..» «Склонив голову к левому плечу, заведя шармоватые глаза под лоб и прижав руки к груди, она принялась вопить»... «Присутствующие плачут. За окном пылало вечернее небо и разносился скорбный вопль... Опытный ценитель, слушающий слова и наблюдая за вопленицей, не в силах удержаться, дает оценку: «вот это уж по-настоящему, яростно накатило на нее! Это — истинно-законно...»

«Филицата крепко стояла под окном; прижав руки к груди, она закинула в небо встрепанную голову, платок сбился, вечерний ветер тихо перебирал рыжеватые, тонкие волосы, осыпавшие ее потемневшее острое лицо, широко раскрытые глаза ее безумно выкатились, и необычайная, жуткая, почти страшная, она неистовимо выла еще более окрепшим, струнным голосом. Тесной кучей стояли перед ней бабы, жадно глядя в безумное, скорбно-окаменевшее лицо, и тихонько плакали».

Такую потрясающую картину нарисовал художник, тонко чувствующий поэзию причитаний. Вспомним также нарисованный им портрет Ирины Федосовой, портрет согретый живым сочувствием к этой народной поэтессе.

А. М. Горький высоко ценил реалистическое искусство причитаний, противопоставляя его бессодержательному, формалистическому искусству декадентов. В статье «Вопленица» он написал об Ирине Федосовой:

«А вопли — вопли русской женщины, плачущей о своей тяжелой доле, — всё рвутся из сухих уст поэтессы, рвутся и возбуждают в душе такую острую тоску, такую боль, так близка сердцу каждая нота этих мотивов, истинно русских, небогатых рисунком, не отличающихся разнообразием вариаций — да! — но полных чувства, искренности, силы и всего того, чего нет ныне, чего не встретишь в поэзии ремесленников искусства и теоретиков его, чего не

даст Фигнер и Мережковский, ни Фофанов, ни Михайлов, никто из людей, дающих звуки без содержания...

Федосова была прочитана русским стоном, около семидесяти лет она жила им, выпевая в своих импровизациях чужое горе и выпевая свое горе жизни в старых русских песнях... Русская песня — русская история, и безграмотная старуха Федосова, уместив в своей памяти 30 000 стихов, понимает это гораздо лучше многих очень грамотных людей...

В этих словах А. М. Горького дана прекрасная характеристика причитаний и оценка их значения. За свое многовековое существование причитания пережили сложную историю, от магических произведений до яркого изображения реальной действительности и до выражения горя личного и горя народного, от элементарных вопросов и восклицаний, обращенных к умершему, до блестящих образцов словесного искусства большой реалистической силы и высокого эмоционального напряжения. В нашей советской действительности, в условиях строящегося социалистического общества ни похоронные причитания магического характера, ни похоронные и рекрутские причитания с изображением тяжелых условий жизни не могут быть живым явлением живой действительности, но как образец высокого народного искусства прошлого они сохраняют свое значение и для читателя и для писателя. Могут возникнуть на основе старых причитаний и совершенно новые по своему внутреннему характеру произведения, как показывает, например, изумительный по поэтическому мастерству мордовский «Плач о Кирове».

Н. Андреев и Г. Виноградов

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ УКАЗАНИЯ

Не имея в виду исчерпывающей библиографии, мы указываем здесь некоторые материалы для более подробного ознакомления с причитаниями, в частности — источники, использованные во вступительной статье.

Похоронные обряды и причитания у различных народов

1. Б. А. Тураев, Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902 (Абиссинские плачи).
2. Поль де Сен Виктор, Боги и люди, перевод М. Волошина, изд. Сабашниковых. М., 1914, стр. 323—340 (Корсианские причитания).
3. В. С. Карджич, Живот и обычаи народа српскога. У Бечу, 1867, стр. 154—210.
4. П. А. Ровинский, Черногория в ее прошлом и настоящем, т. II, ч. 2. СПб., 1901.
5. А. Н. Малинка, Новогреческие похоронные причитания, «Этнографическое обозрение», 1898, № 3, стр. 107—112.

6. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (во многих выпусках описания похоронных обычаев и тексты причитаний различных народов Кавказа).

7. Н. Ф. Лесков, Погребальные обряды кореляков, «Живая Старина», 1894, вып. III—IV, стр. 511—514.

8. Л. Я. Штернберг, Гилякц, орочи, гольды... Статьи и материалы, Хабаровск, 1933.

Русская причеть в веках

9. Полное собрание русских летописей.

10. Н. Серебрянский, Древнерусские княжеские жития. М., 1915.

11. А. А. Котляревский, О погребальных обычаях языческих славян, М., 1868.

12. U. I. Mansikka, Die Religion der Ostslaven, Helsinki, 1929.

Позднейшие русские причитания

13. О. Х. Агренева-Славянская, Плачи и причитания по умершим и по рекрутам, Тверь, 1889.

14. М. К. Азадовский, Ленские причитания, Чита, 1922.

15. Е. В. Барсов, Причитания Северного края, I—II, М., 1872—1882.

16. Г. С. Виноградов, Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского населения Сибири. Труды профессоров и преподавателей Гос. Иркутского университета, вып. V, Иркутск, 1923.

17. А. Е. Грузинский, Литературные очерки, М., 1908. (об Ирине Федосовой).

18. В. Иванов, Причитания на рукобилье, «Живая Старина», 1895, вып. II, стр. 217.

19. Е. Линева, Великорусские песни в народной гармонизации, СПб., 1909, вып. II, стр. VIII.

20. М. М. Пришвин, В краю непуганных птиц, СПб., 1913, стр. 48—65.

21. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, М., 1910, изд. 2, т. III.

22. В. И. Смирнов, Народные похороны и причитания в Костромском крае, Второй этнографический сборник Костромского научного общества по изучению местного края, Кострома, 1920, стр. 21—126.

23. Н. С. Шайжин, Похоронные причитания Олонедкого края, Памятная книжка Олонедкой губернии на 1910 г.

24. П. В. Шейн, Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1898, т. I, вып. 2, стр. 777—795.

МЕЛОДИИ ПЛАЧЕЙ

Очень протяжно

Я про—шу—па—ла то ве—ли—ко—е ро—ди—тель—

ско жа—ла — нын — це

Плач по муже или по отце (записан от Ирины Федосовой)

Протяжно и с передышками

Я гля—жу смот—рю, кру—чин—на—я го—ло—вуш—ка

Плач при проводах новобранца (записан от Ирины Федосовой)

РУССКИЕ ПЛАЧИ
(ПРИЧТАНИЯ)

ПЛАЧ О ПИСАРЕ

- Отлишилися заступы-заборонушки!
Как не стало нонь стены да городской,
Приукрылся писаречек хитромудрой,
Он во матушку-сыру землю!
- 5 Вкупе все да мы крестьяна сухотуем:
Буди проклято велико это горюшко,
Буди проклята злодийная незгодушка!
Как по нынешним годам да по бедовым
Лучше на свет человеку не родитися;
- 10 Много страсти-то теперь да много ужаси,
Мног больше того великих пригрозушек.
Наезжают-то судьи да страховитые,
Разоряют-то крестьянски оны жирушки
До последней-то оны да лапотиночки.
- 15 Не дай, господи, на сем да на белом свете,
Со досадой, этим горюшком возитися:
Впереди злое горе уродилося,
Впереди оно на свете расселилося.
Вы послушайте, народ, люди добрыи,
- 20 Как, отколь в мире горе объявилося.
Во досюльны времена было годышки,
Жили люди во всем мире постатейныи,
Оны ду-друга люди не терзали;
Горе людшек во ты поры боялося,
- 25 Во темны леса от них горе кидалося;
Но тут было горюшку не местечко:
Во осине горькой листье расшумелося,
Того злое это горе устрашилося;
На высоки эти щели горе бросилось,
- 30 Но и тут было горюшку не местечко:

С того щелье кременисто порастрескалось,
Огонь-пламя изо гор да объявилось;
Уже тут злое горюшко кидалось,
В окиян сине славно оно морюшко,
35 Под колодинку оно там запихалось;
Окиян-море с того не сволновалось,
Вода с песком на дне не помутилась;
Прошло времечка с того да не со много,
В окиян-море ловцы вдруг пригодились;
40 Пошили оны маленьки кораблики,
Повязали оны неводы шелковыи,
Проволоки оны клали-то пеньковыи,
Оны плутивца тут клали все дубовыи;
Чего на слыхе-то век было не слыхано,
45 Чего на виду-то век было не видано,
Как в досюльны времена да в прежни годышки
В окиян-море ловцы да не бывали.
Изловили тут свежу они рыбоньку,
Подняли во малой во корабличек:
50 Точно хвост да как у рыбы — лебединой,
Голова у ей вроде как козлиная;
Сдивовались ловцы рыбы незнамой;
Пораздумались ловцы да добры мѡлодцы:
По приметам эта рыба да как щучина;
55 По-скорешеньку ко бережку кидались,
На дубовой доске рыбу пластали;
Распололи как уловну, свежу рыбоньку:
Много множество песку у ей приглотано,
Были сглонуты ключи да золоченыи;
60 Тут пошли эти ловцы да добры мѡлодцы
Во деревенку свою да во селение;
Всем суседям рассказалися,
Показали им ключи да золоченыи;
Тут ключи стали ловцы да приминять:
65 Прилагали ключи ко божиним церквам,
По дерковным замкам ключи на ладятся.
По улечкам пошлы оны рядовым,
По купцам пошлы оны торговым,
И по лавочкам ключи не пригодилися.
70 Тут пошли эти ловцы да добры мѡлодцы,

По тюрьмам пошли заключенным:
В подземельные норы ключ поладился,
Где сидело это горюшко велико;
Потихошеньку замок хоть отмыкали,
75 Без молитовки, знать, двери отворяли;
Не успели тут ловцы-добры молодцы
Отпереть двери дубовые,
С подземелья злое горе разом бросилось,
Черным вороном в чисто поле слетело;
80 На чистом поле горюшко садилось,
И само тут злодийно восхвалялося,
Што тоска буде крестьянам неудольная:
Подъедать стало удалых, добрых молодцев,
Много прибрало семейных головушек,
85 Овдовило честных мужних молодых жен,
Обсиротило сиротных малых детушек;
Уже так да это горе расплодилось,
По чисту полю горюшко катилось,
Стужей-инеем оно да там садилось,
90 Над зеленым лугом становилось,
Частым дождиком оно да рассыпалось;
С того мор пошел на милую скотинушку,
С того зябелъ на сдовольны эти хлебушки;
Неприятности во добрых пошли людюшках.²

95 Ты послушай же, крестовой милой кумушко:
Буде бог судит на втором быть пришествии,
По делам-судам душа да будет праведна;
Може, станешь у престола у господнего,
100 Ты порбскажи бладыке-свету истинному,
Ты про общество крестьян да православных;
Много множество е в мире согрешения,
Как больше того е в мире огорченья;
Хоть повыстанем по утрышку ранешенько,
Не о добрых делах мы думу думаем,
105 Мы на сонмище бесовско собираемся,
Мы во тяжких грехах да не прощаемся.
Знать, за наше за велико беззаконье
Допустил господь ловцов да на клян-море;
Изловили оны рыбоньку незнамую,

110 Повыняли ключи да подземельные,
Повыпустили горюшко великое;
Зло несносное, велико это горюшко
По Россиюшке летает ясным соколом,
Над крестьянами злодийно черным вброном,
115 Возлетат оно злодийно, само радуется:
«На белом свете я распоселился,
До этих крестьян я доступило,
Не начаются обиды, накачаются:
Не надуются досады, принавидятся».

120 Как со этого горя со великого
Бедны людюшки, как море, колыбаются;
Быдто деревья стоят да подсушены;
Вся досюльщина куды да подевалася,
Вся отчевщина у их нонь придержалася;
125 Не стоят теперь стоги перегодны,
Не насыпаны анбары хлеба божьего;
Нет на стойлы-то у их да коней добрых,
Нету зимных у них санок самокатных,
Нет довольных-беззаботных у их хлебушков;

130 Ты поросскажи, крестовой, милой кумушко,
Ты поросскажи бладыке многомилосливу,
Што неправедные судьи расселяются,
Свысока глядят оны да выше лесушку,
Злокоманно их ретливое сердечушко,
135 Точно лед как во синем море;
Никуды от их, злодиев, не укроешься,
Во темных лесах найдут оны дремучих,
Все доищутся в горах оны высоких,
Доберутся, ведь, во матушке-сырой земле;

140 Во конец оны крестьян всех разоряют.
Кабы ведали цари да со царицами,
Кабы знали все купцы да ведь московскии
Про несчастную бы жизнь нашу крестьянскую!³

ПЛАЧ О СТАРОСТЕ

- Спаси, господи, спорядных суседушек!
Благодарствую крестьянам православным,
Не жалеи што рабочей поры-времени,
Хоронить пришли надежную головушку —
5 Уж вы старосту-судью да поставленую!
Он не плут был до вас, не лиходейничек,
Соболезновал об обчестве собраном,
Он стоял по вам стеной да городской
О ртых мировых да злых посредников.
10 Теперь всё прошло у нас, миновалось!
Нет заступушки у вас, нет заборонушки!
Как найдет мировой когда посредничек,
Как заглянет во избу да он во земскую,
Не творит да тут исусовой молитовки,
15 Не кладет да он креста-то по-писаному;
Не до того это начальство добирает,
До судов этот посредник доступает;
Во потай у недоростков он выведыват,
Уже нет ли где корыстного делишечка;
20 Да он так же над крестьянством надрыгается,
Быдто вроде человек как некрещоной.
Он затопае ногама во дубовой пол,
Он захопае рукама о кленовой стул,
Он в походню по покоям запохаживае,
25 Точно вехорь во чистом поле полетывае,
Быдто зверь да во темном лесу порикивае;
Тут на старосту скрозь зубы он срыгается,
Он без разуму рукой ему приграживае;
Сговорит ему посредник таково слово:
30 «Што на ям да вы теперь не собираетесь?
Неподсудны мировому, знать, посреднику?»

Непокорны вы властям да поставленным?
Штобы все были сейчас же на ям согнаны!»
Как у этих мировых да у посредников
35 Нету душеньки у их да во белых грудях,
Нету совести у их да во ясных очах,
Нет креста-то ведь у них да на белой груди;
Уж не бросить же участков деревенских,
Не покинуть же крестьянской этой жирушки
40 Все для этих властей да страховитых!
Назад староста бежит да не оглядывает,
Под окошечко скоренько постучается
Он у этих соседей спорядовых,
Штобы справились на ям да суровешенько:
45 «Как наехала судья неправосудная,
Мировой да на яму стоит посредничек,
Горячится он теперь да такову беду;
Сами сходите, крестьяна, приузнаете,
Со каким да он приехал со известьицем;
50 Он для податей приехал ли казенных,
Аль казна его бессчетна придержалася,
Аль цветно его платье притаскалося,
Аль козловы сапоги да притопталися?»
Тут на скоп да все крестьяна собираются,
55 При кручинушке идут да при великой;
Тут посреднику в глаза да поклоняются,
Позаочь его бранят да проклинают;
Возгорчится как судья ведь страховитая,
В темном лесе быто бор да разгорается,
60 Во все стороны быв пламень как кидается,
Быто Свирь-река, посредничек свирецей,
Быто Ладожско великое, сердитое;
Тут он скочит из-за этого стола из-за дубового,
Да он сглянет тут на старосту немилым зглядом,
65 Тут спроговорит ему да таково слово:
«Вы даете все повольку мужикам-глупцам,
Как бездельникам ведь вы да потакаете;
Хоть своей казной теперь да долагайте-тко,
Да вы подати казенные сполняйте-тко».
70 Мужичоночки дробят да все поглядяют:
Ужель морюшко сине да приутихнет,

- Мировой скоро ль посредничек уходится,
За дубовым столом да приусядется?
Буде възыщется один мужик смелугище,
75 О делах сказать, ведь, он да все о праведных,
Уже так на мужика стане срыгаться,
Быдто зверь да во темном лесе кидается;
Да он резвыма ногама призатопае,
Как на стойлы конь копытом призастукае.
- 80 Стане староста судью тут уговаривать:
«Не давай спеси во бладю головушку,
Суровьства ты во ретливое сердечушко,
Да ты чином-то своим не возвышайся-тко—
Едины да все у бога люди созданы:
- 85 На крестьян ты с кулакама не наскакивай,
Знай — сиди да ты за столиком дубовым;
Удержи да свои белы эты рученьки,
Не ломай-ко ты перстни свои злаченыи;
Не честь-хвала тебе да молодецкая
- 90 Наступать да на крестьян ведь православных!
Не на то да ведь вы, судьи, выбираетесь!
Хотя ж рьян да ты, посредничек, уходишься;
Хоть спесив да ты, начальник, приусядешься;
Окол ноци мужики да поисправятся,
- 95 Наживут да золоту казну бессчетную».
- Сговорит да тут посредник таково слово:
«Да вы счастливы, крестьяна деревенский,
Што ведь староста у вас да преразумной!»
- 100 Сговорят да тут крестьяна таково слово:
«Мироеды мировы эты посредники,
Разорители крестьянам православным;
В темном лесе быдто звери-то съедучии,
В чистом поле быдто змеи-то клеучии,
- 105 Как наедут ведь холодныи-голодныи,
Оны рады мужичонка во котле варить,
Оны рады ведь живова во землю вкопать,
Оны так-то ведь над има изъезжаются,
До подошвы оны всех да разоряют.
- 110 Слава богу-то теперь да слава господу!
Буря-падара теперь да уходилася,

- Сине морюшко теперь да приутихло;
Нонь уехала судья неправосудная,
Укатилася съедуба мироедная!
- 115 Мы пойдёмте, мужики, да разгуляемтесь,
Ноньку с радости теперь да со весельида;
Настоялися ведь мы да надрожалися,
Без креста-то мы ему да все накланялись,
Без исусовой молитвы намолилися...»
- 120 Тут мы думали с надежной головушкой,
Как пропитывать сердечных малых детушек:
Накопилася станичушка детская.
Говорила я надежной головушке,
Да ты съезди-ко на малой этой лоточке,
- 125 Хоть во город да ты съезди Повенецкой,
Наживи да ты, надежа, золотой казны,
Да мы купим-то довольных этих хлебушков,
Мы прокормим-то сердечных малых детушек.
Как во ту пору теперь да в тое времечко,
- 130 Как по этой почтовой ямской дороженке
Застучало вдруг копыто лошадиное,
Зазвонили тут подковы золоченые,
Зазвенчала тут сбруя да коня доброго,
Засияло тут седёлышко черкасское,
- 135 С копыт пыль стоит во чистом поле:
Точно черной быдто ворон приналетывают,
Мировой этот посредник так наезживал.
Деревенский робята испугались,
По своим домам оны да разбежались.
- 140 Он напал да на любимую сдержавушку,
Быдто зверь точно на упадь во темном лесу.
Я с работушки победна убиралася,
Из окошечка в окошечко кидалася,
Да куда ж мою надежу одевают?
- 145 Я спросила у спорядовых суседушек,
Как суседушки ведь мне не объяснили,
Шгобы я бедна горюша не спугалася.
На спокой да легли добры эти людюшки,
Ужо я бедна в путь-дорожку отправлялася,
- 150 Штоб проведать про надёжную головушку;
Уж как этот мировой да злой посредничек,

Как во страдную, в рабочу пору-времечко,
Он схватил его с луговой этой поженки,
Посадил да он во крепость во великую,
155 Он на три садал господних божи дёнечка,
На четыре он на летных эты ноченьки.
Отлучился што без спросу на неделюшку.
Тошно плакали сердешны мои детушки;
Не могла стерпеть победная головушка,
160 Я глядеть да на детины горюци слезы;
Я склонилася в тяжелую постелюшку
С-за этого злодия супостатого,
Што обидел нас, победных головушек,
Присрамил да он при обчестве собраном;
165 Со бесчестья в лице кровь да разыгралася,
Со стыда буйна головка зашаталася...
Ворочалася как надеженька со крепости,
В чистом поле неможенье сустигало,
На пути злодий-смерётушка стретала. ..
170 Вы падите-тко, горюци мои слезушки,
Вы не на воду падите-тко, не на землю,
Не на божью вы церковь, на строеньице,
Вы падите-тко, горюци мои слезушки,
Вы на этого злодия супостатого,
175 Да вы прямо ко ретливому сердечушку!
Да ты дай же, боже, господи,
Штобы тлен пришил на цветно его платьиде,
Как безумьиде во буйну бы головушку!
Еще дай да, боже, господи,
180 Ему в дом жену неумную,
Плодить детей неразумных!
Слыши, господи, молитвы мои грешные!
Прими, господи, ты слезы детей малых! 4

ПЛАЧ ВДОВЫ ПО МУЖЕ

- Укатилось красное солнышко
За горы оно да за высокие,
За лесушка оно да за дремучи,
За облачка оно да за ходячи,
За часты звезды да подвосточные!
Покидат меня победную головушку
Со стадушком оно да со детиною;
Оставляют меня, горюшу, горе-горькую
На веки-то меня да вековечныи!
- 10 Некак растить-то сиротных мне-ка детушек:
Будут по миру оны да ведь скитатися,
По подоконью оны да столыпатися;
Будет уличка — ходить, да не широкая,
Путь-дороженька вот им, да не торнешенька;
- 15 Без своего родителя, без батюшка
Приизвиются-то буйны на них ветрушки,
И набаются-то добры про них людюшки,
Што ведь вольныи дети безуненныи,
Не храбры да сыновья растут безотнии,
- 20 Не красны да слывут дочери у матушки.
Глупо сделали, сиротны малы детушки,
Мы проглунали родительско желаньицо,
Допустили эту скорую смеретушку,
Мы не заперли новых сеней решотчатых,
- 25 Не задвинули стекольчатых околенок;
У ворот да мы не ставили приворогщицьков,
У дубовых дверей да сторожателей;
Не сидели мы у трудной у постелюшки,
У тяжела, крута-складного зголовьица;
- 30 Не глядели про запас мы на родителя, на
батюшка,

Как душа да с белых грудей выходила,
Оци ясныи с белым светом прощались.
Подходила тут скорая смеретушка,
Она крадчи шла, злодейка-душегубида,
35 По крылечку ли она да молодой женой,
По новым ли шла сеням да красной девушкой,
Аль калекой она шла да перехожею,
Со синя ли моря шла да все голодная;
Со чиста ли поля шла да ведь холодная;
40 У дубовых дверей да не стуцалася,
У окошечка, ведь, смерть да не давалася:
Потихошеньку она да подходила,
И черным вороном в окошко залетела.
Мы проглубали, сиротны малы детушки,
45 Опустили мы великое желаньице;
Кабы видели злодийную смеретушку,
Мы бы ставили столы да ей дубовыи,
Мы бы стаали скатерти да тонкобравные,
Положили бы ей вилки золоченые,
50 Положили б востры ножички булатныи,
Нанесли бы всяких ествушек сахарных,
Наливали бы ей питьица медвянова,
Мы садили бы тут скорую смеретушку,
Как за этыи столы да за дубовыи,
55 Как на этыи на стульица кленовыи,
Отходящи бы ей низко поклонялися
И ласково бы ей тут говорили:
«Ай же ведь, скорая смеретушка!
От господа распятого, знать, создана,
60 От бладыки на сыру, знать, землю послана
За бурлацкима удалыма головушкам;
Ты возьми, злодей-скорая смеретушка,
Не жалею я гулярна, цветна платьица;
Ты жемчужную возьми мою подвесточку,
65 С сундука подам платочки левантеровы,
Со двора возьми любимую скотинушку.
Я со стойлы-то дарю да коня доброго,
Со гвоздя даю те уздицу тесмяную,
Я седельшко даю тие черкасское,
70 Золотой казны даю тие по надобью;

- Не бери столько надежной головушки,
Не сироть столько сиротных малых детушек,
Не слези меня победной головушки».
- Отвечала злодей-скорая смеретушка:
- 75 «Я не ем, не пью в домах да ведь крестьянских,
Мне не надобно любимой скотинушки,
Мне со стойлы-то не надо коня доброго;
Мне не надо золотой казны бессчетной,
Не за тым я у бладыки света послана:
- 80 Я беру, да злодей-скорая смеретушка,
Я удалые бурлацкие головушки;
Я не брезгую, ведь, смерть да душегубица,
Я не нищим ведь есть да не прохожим,
Я не бедным не брезгую, убогим».
- 85 Тут спроговорит вдова благочесливая:
«Видно, нет того на свете да не водится,
Што ведь мертвыи с погоста не воротятся,
Хоть не дальняя дорожка, безызвестная,
Не лесныи перелески — мутарсливыи.
- 90 Глупо сделали сиротны малы детушки,
Не сходили мы во улочки рядовые,
Не дошли да мы до лавочки торговые,
Не купили лист бумаженьки гербовые,
Не взыскали писарев да хитромудрых,
- 95 Не списали мы родителя-то батюшка
На потрет да его бело это личушко,
На эту на гербовую бумаженьку
Его желты бы завивныи кудеряшки,
Его ясно развеселое бы личушко,
- 100 Прелестны бы учтивыи словечушки,
Велико бы родительско желаньице.
Как подрастать станут сиротны малы детушки,
По сеням да станут детушки похаживать,
Из окошечка в окошечко поглядывать,
- 105 На широкую на улочку посматривать.
Приходить стане разливи красна веснушка,
Повытают снежочки со чиста поля,
Повынесе ледочки со синя моря;
Как вода со льдом ведь есть да поразойдется,
- 110 Быстры реченьки с гор да поразольются,

Протекут да ведь мелки малы реченьки
Во это в окиян да сине морюшко.
Как пойдут наши суседи спорядовы
На трудну, на крестьянскую работушку;
115 Будут пахари на чистых на полюшках,
Севчи да на распашистых полосушках,
Малы детушки на мать станут поглядывать,
Сироту да меня вдовушку выспрашивать:
«Ты послушай, сирота же, вдова-матушка!
120 Уже где да есть родитель-то наш батюшка?»
Тут я б выняла гербовый лист-бумаженьку,
Показала бы сердечным малым детушкам.
Еще скажут-то сиротны малы детушки:
«Кто же поиде на распашисты полосушки?
125 Как у нас да, ведь, родитель, шаша матушка,
Нету пахаря на чистых полосушках,
Сенокосца на луговых нету поженках,
Рыболовушка на синем нет Онегушке».
Тут я спашнуса, кручинна вся головушка,
130 За свою да за надежную сдержавушку;
Ушибать стане великая тоскячюшка,
Унывать стане ретливое сердечушко,
Да как растить-то сиротных малых детушек? ⁵

Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
135 На тебя смотрю, спорядную суседушку,
На тебя да я, вдову благочесливую;
Отдали ходишь, суседушка, туляешься,
Со мной на речи, победнушка, не ставишься,
На сговор со мной, печальна, не сдаваешься.
140 Видно, в живности надежная головушка,
Ты в прохладной живешь да видно жирушке. ⁶

Знать, не растишь ты сиротных малых детушек,
Видно, нет в сердце великой кручинушки,
Нет обидушки в ретливом, знать, сердечушке!
145 Не попустишь ты, суседушка, зычен голос,
Не умильного, складного причитаньца,
Знать, боишься ты великова бессищаньца,
Уж какого е злодейна бесталаньца.

Знаю-ведаю, кручинная головушка,
150 Про твое да горе-горькое живленьице:
Ведь ты растишь-то сиротных также детушек,
Во маёгнуой, во бобыльской растишь жирушке;
Не одны родители хотя нас отродили,
Одным участью-галаном наделили;
155 Да ты слушай же, несчастная суседушка,
Хоть головушка твоя да безначальная,
Сердечушко твое да беспечальное;
Мы с тобой, да свет, спорядная суседушка,
Во несчастный день, во пятницу, засияны,
160 В бесталаный день, во середу, вспорожены;
Как во ту пору родитель спородила,
Когда кузнецы во кузницах стояли,
Часовые на часы да прибиралися,
Как булат это железо разжигали,
165 Как железны эти обручи ковали
На наши на несчастные сердечушка,
На нашу на победную утробушку.
Да ты слушай же, горюша бесприютная:
Кабы знала ты, спорядная суседушка,
170 Про мою да про велику бы незгодушку,
Про эту бы несносную обидушку!
Как сегоднишнем господним божьим денечком
Без воды да резвы ножки подмывает,
Без огня мое сердечко разгорается,
175 Ум за разум у несчастной забегает;
Буйна гблова без ветрышка патается. 7

Ты послушай же, спорядная суседушка,
Што ведь я скажу, кручинная головушка:
Тебе времечко, суседушка, выпрашивать
180 Про мое да про победное живленьице.
Мне и ввёшной день кручинушки не высказать,
Мне в осеннюю неделюшку не выпомнить
Этой злой, да все вдовиной обидушки;
Мне на вёшной лед досадушки не выписать,
185 Хитромудрым писарям да им не вычитать,
Как другой живу учетной, долгой годышек,
Как я рошу-то сиротных малых детушек,

Накопилось кручинушки в головушку,
Все несносные тоскичушки в сердечушко.

190 У меня три поля кручинушки насыяно,
Три озерышка горючих слез наронено;
Во победном сиротском живленьце,
Во бобыльной, во сиротской живу жирушке,
За бобыльским столом да хлеба кушаю;

195 Я не знаю же, победная головушка,
Кое — день, кое — темная е ноченька,
Кое светлое христово воскресеньцо.
Мы с тобой, моя спорядная суседушка,
Перед господом бладыкой согрешили, знать,

200 Видно тяжкого греха да залучили,
Мы в воскресный день во церковь не ходили,
Мы молебенов, горюши, не служили —
Как пречистой, пресвятой да богородице
Мы не ставили свечи да все рублевые,

205 Мы не клали пелены да все шелковые,
От желаньца мы богу не молилися,
От усердия бладыку не просили мы
От своих да про законных сдержавушек,
Штобы господи дал доброго здоровьца,

210 Он наставил бы им долгова бы векушку.
Знать, за наше за велико прегрешеньцо,
Дал им господи тяжело немощеньцо,
Прислал господи сам скорую смеретушку.
Укоротал господь долгой-то им векушко,

215 Осиротил нас, победных головушек,
Без своих жить без законных сдержавушек.
Да как растить-то сиротных малых детушек,
Надо поскаки держать да горносталевы,
Поворотушки держать да сера заюшка,

220 Надо полет-то держать да соловьиной, —
Наб на лавочке горюшам не посеживать,
Наб за прылочкой саженки не дотягивать,
У дубовой надо грядки не постаивать:
Уж как растить-то сиротных малых детушек

225 Резвы ноженьки у нас да все притопчутся,
Белы рученьки у нас да примахаются,
Сила могуча во плечушках придержится;

Без морозушку сердечко прирострескает.
Как живуци без законной сдержавушки,
230 Принакопится злодийской тут кручинушки:
Не высказывай во добрыи во людюшки, —
Ты повыбери слободну пору-времечко,
Ты выдь-ко там ко быстрой ко реченьке,
Сядь, победнушка, на крутой этот бережок,
235 Прибери да неподвижной синей камешок,
Тут повыскажи обидную обидушку,
Рути слезушки, горюша, в быстру реку;
Камушок от речки не откатится,
В добры люди кручина не расскажется,
240 Не узнают того добрыи-то людюшки. ⁸

Мне-ка сесть было печальной головушке
Мне ко этому спорядному суседушку:
Да ты слушай, спорядовый мой суседушко,
Да как сойдешь ты на иное живленьице,
245 На второе, на христово как пришествие,
Не увидишь ли надежной головушки?
Ты порасскажи, спорядной мой суседушко,
Про мое да про несчастье живленьице,
Про мое да про сирот малых возрастаньице;
250 Как во эвтых два учетных долгих годушка
Прискудалась вся сиротна моя жирушка,
Разрешетилось хоромное строеньице,
На слезах стоят стекольчаты околеники,
Скрозь хоромишки воронишки летают,
255 Скрозь тынишка воробьишечки падают;
Большака нету по дому — настоятеля,
Ко крестьянской нашей жирушке правителя;
Задернили вси распашисты полосушки,
Лесом заросли лугови наши поженки.
260 Ты порасскажи, спорядной мой суседушко,
Скажи низкое поклонно челобитьице
От меня скажи печальной от головушки,
От сиротного от малого до дитятка.
Глупо сделала, кручинная головушка,
265 Не писала скорописчатой я грамотки,
Я не клала-то по праву тие рученьку,

Ты бы снес ю на второе на пришествие;
Може, вольная была бы тебе волюшка
От эвтово бладыки от небесного,
270 Може, с ду-другом суседушки свидались бы,
Вы на стретушку бы шли да, ведь, сретались,
Ты бы отдал скорописчатую грамотку;
На словах скажи ж, спорядной мой суседушко,
Ты про мое про несчастное живленьцо,
275 Про бобыльную, сиротску мою жирушку;
У меня да сироты — нонь бесприютной —
Золотой казны на грех да не случилось;
Как по моему вдовиному несчастьицу
Были лавочки теперечко не отперты,
280 Нонь купцов да все во лавках не сгодилося,
Лист-бумаженьки в продаже не явилосся,
Писарев да подомам-то не случилось;
Все по моему несчастному живленьицу
Как у этых писарев да хитромудрых
285 Отчего у их чернильнички скатилися,
Как чернила по столу да проливалися,
Лебединые пера да притупилися;
Как бессчетная была бы золота казна,
Писаря-то бы меня да не боляся,
290 Написали б скорописчатую грамотку,
Не утай, скажи, спорядной мой суседушко,
Моей милоей законной сдержавушке:
Как после своей надежной головушки
Я по земским избам да находилася,
295 У судебных-то мест да настоялася,
Без креста-то ведь я богу намолилася,
Без исусовой молитовки накланялася,
Всем судьям, властям ведь я да накорилася. ⁹

Вы послушайте-тко, братцы богоданыи!
300 Не заприте-тко новых сеней решетчатых,
Не задвиньте-тко стекольчатых околенок,
Допустите до хоромного строеньица;
Вы возьмите-тко победную головушку,
Вы во двор меня, горюшицу, коровницей,
305 Вы во зимное гумно да в замолотцики,

Вы во летный меня да во работники;
Золотой казны вы мне да не платите-тко,
Только грубым словечком не грубите-тко,
К дубову столу меня да припустите-тко;
310 Не обидьте вы печальную головушку.
Не прошу да я, победна горепашаида,
Со полосыньки у вас да я долиночки,
Не со поженки у вас да я третиночки,
Половины со хоромного строеньица
315 И ни паю со любимой скотинушки;
Я о том прошу, победная головушка:
Вы обуйте столько резвы мои ноженьки,
Вы оденьте столько белы мои плечушки,
Вы подобрите победную головушку!¹⁰

ПЛАЧ ПО БРАТЕ

На допрос возьму, родитель, свою матушку:
Ты сидела ли, печальная головушка,
У роженного, сердечного у дитятка,
У трудной, у болезной у постелюшки?
5 Ты смотрела ли, горюшица победная,
Как душа да с белым телом ликовалася,
В другосветно как живленьце справлялася;
Могу знать-ведать печальная головушка,
Второпях да ты ведь время торопила,
10 Во обидушке смотреть, знать, позабыла.
Еще слушай же, родима моя матушка:
Ты спросила ли рожено свое дитятко,
Вам с кого глядеть довольны эти хлебушки,
От кого да ждать вам легкой переменушки.
15 У вас силушка придержалася,
Резвы ноженьки притопалися,
Белы рученьки примахалися;
Нет надежных у вас да тых детушек,
Не насыяно пшеницы у вас полюшко,
20 Не нарощена лядина ясных соколов;
Едино было сердечно у вас дитятко,
Едина была скаченная жемчужинка,
Столько изо ста был светушко из тысячи;
Как-то жить будет желанным вам, родителям!
25 Жаль тошнихонько, печальной мне головушке;
Изобьетесь вы на летной работушке,
Вы назябнитесь студеной, холодной зимой,
От любимой отстанете скотинушки —
От удалых ступистых лошадушек;
30 Ой, несчастное хоромное строеньцо!
Неталанна, видно, светлая ты светлушка!

Знать, на мшишечках бревнишка были смичены,
Знать, худыма топаренкамы иссечены,
Под дождевоей водой да бревна плавлены,
35 На угрюмо место дом да, видно, ставлен;
Тридцать сажен-то его да в землю вкопано,
Три сажени-то его да вверх подынуто;
Как сверлом окна просверлены,
Решетом свету nanoшено;
40 Супротив нашей страдомой хороминки
Пеке солнышко теперь да не по-прежнему,
Как светел месяц светит не по-старому. ¹¹

Глупо сделали, сиротны вы родители,
Попытаться к знахарям вы не ходили,
45 Не лечили вы сердечно свое дитяtko,
Не избыли от злодийной вы смеретушки;
Могу знать-ведать, горюша я победная,
Как от этой злодийки-душегубицы
И богатые куцды не откупаются,
50 И цари столько от ней не побираются;
Так ведь господом-бладыкой обзаконено,
Сколько на роду-то векушки уписано;
Мы подумаем, родитель, с тобой, матушка,
Поставим-ко столы да мы дубовыи,
55 Сготовим-ко мы питьица медвяныи,
Закупим всяки ествица сахарные,
Зазовем да мы молóдых красных девушек,
Запоют, как звон — унылы, они песенки;
Може, стане тут удалой доброй молодец,
60 Тут спорхнет наш соколочек златокрыленькый,
Ой, не ладно я горюшица удумала,
Я не хóрошо, победная, уладила,
Вдруг дубовыи столы да пошаталися,
Золотые яндовы да распаялися,
65 Вся конфорова посуда приломалася,
Тут медвяное питье да проливалосся,
Красны девушки того да испугалися.
Чего нет, да того на свете не водится,
Мертвой-то живому не товарищ;
70 Лучше сходим-ко, родитель, родна матушка,

Во эту с тобой светлую светелочку,
Мы возьмем да его цветно это платьецо,
Со гвоздя возьмем фуражки новомодные,
Со полу возьмем сапоженьки козловьи,
75 Говорить станем скаченой мы жемчужинке:
Ты оденься-тко во цветно свое платьецо,
Поезжай в гости любимое гостибище,
Взвесели там свою волюшку;
Поиграй во кружечках хоботистых,
80 Ты бери себе там ровню — милу парочку,
Выбирай себе любимую семеюшку;
Знать, не гостюшко будет нежеланной,
Быв убит — лежит удалой доброй молодец,
Наш подшибен соколочик златокрыленькой;
85 Отрекнуться от скаченой на-б жемчужинки.
Я схожу лучше во лавочки торговые
Закуплю лучше бумаженьки гербовой,
Тут попросим мы, родитель, с тобой, матушка,
Да ты — милое сердечко свое дитятко,
90 Я — братца, светушка мне-ка родимого,
Написать нам словечушка прелестныи,
Письмо-грамотку победным заветную;
Мы положим ю во светлую светелочку,
Мы запрем письмо в ларцы да окованыи;
95 После нашей скаченой жемчужинки,
Как на нашей на родимой родинке,
На прогульной славной уличке,
Во этом селе да деревенском —
Как краса-баса в деревне со убожеством,
100 Ко Москвы эта деревня применитая
Приходить стане бладычной, божий праздничек,
Соезжаться будут добры эти людюшки,
Прибираться буде род-племя любимое,
Мы сберемся на родиму свою родинку,
105 Не для хлеба приду соли наедатися,
Не для славного любима угощенья,
Засмотрить приду родителей желанньих;
Ты послушай же, родима моя матушка,
Не впадься в тоску, в великую кручинушку
110 По сердечном роженом своем дитятке;

- Тут мы сходим в мелкорубленные клеточки
Мы во эту во столову пройдем горенку,
Стопрем да мы ларцы тут окованыи,
Прочитаем мы писемко заблудящее,
Обольемся мы слезами горе-горькими,
115 Порозднем тут великую кручинушку;
Ой, несчастны мои думы, бесталанные!
Не по думушкам-то дело становилось,
Без писемка мы с рожоным порасстался. 12
- 120 Уж вы, облачки ходячие, туляйтесь-ко,
По поднебесью вы, тучи, разбирайтесь-ко,
Красно солнышко, на уличко повыстань-ко,
Белой светушко, в околенку повыглянь-ко!
Ой, смотрите-тко, народ вы, люди добрыи!
125 Не от корню старо дерево срывае,
Не от туци сыру землю поливае,
Не от ветра сине море расстонулося,
Не от сивера волна да расшумелася;
Как тоскуе сирота да горе-горькая,
130 Горекую по сердечном она дитятке;
Она падае родима о дубовой пол,
Слезы катятся у ей, да как река бежит,
Возрыдат она, победна, как порог шумит,
Ю великая кручина удоляе
135 Зла детиная тоска неугасимая.
Ой, держите-тко, родитель, мою матушку,
Вы под правую держите ю под рученьку!
Да ты слушай-ко, сиротна бедна матушка:
Не впадись в тоску, великую кручинушку,
140 Ты не трать да бедна ясны свои очушки,
Не скорби да бедна бело свое личушко,
Не круши свое ретливое сердечушко;
Все жива бедна в могилу не вкопаешься,
Со тоски да во сыру землю не скроешься.
145 Не видать больше дитятка сердечного
Не на полюшке тебе да не на морюшке;
Ты бы всячески, победнушка, годилася,
Родной матушкой бесщастна не родилася;
Толь таланна ты, родитель — моя матушка! 13

ПЛАЧ ПО СЫНЕ

- Дайволюте-тко, народ вы, люди добрыи,
Вси приближные, спорядные суседушки,
Мои милые вы сродичи — столько сроднички!
Не держите-тко под белы меня ручевьки,
5 Не жалийте вы победную головушку!
У мя личушко пристаршее — сиротское,
Текут слезы у горюши — холодна вода.
Хоть волосушки падают — седьи, надломлены.
Кабы знали про то, светушки, бы ведали,
10 Про мою жалость велику бы утробную,
Жаль тошнешенько сердечного мне дитятка.
О сыру землю рожденье укрывается!
Во глубок погреб рожденье опускается!
За горы нонь воспитанье отлетает!
15 Потеряла нонь талан да всю я участь.¹⁴
- Нонь повыду на крылечко переное,
Где делают колоду белодубову,
Где ладят кресты животворящи;
На допрос возьму я плотничков-работничков:
20 Ай же, плотнички-работнички!
Хто задал вам золоту казну бессчетную,
Што вы деете холодную хоромину — не мшоную;
Не обнесены брусовы белы лавочки,
Не прорублены косевчаты окошечка,
25 Не врезаны стекольчаты околени,
Не складена печенька муравленая,
Не устлана перинушка пуховая,
Не собраны утехи вси с забавушкой;
Ой, вы, добрыи суседи спорядовыи!
30 Не зорите тепловито наше гнездышко,

Не тешите вы колоды белодубовой,
Не пугайте вы несчастных нас родителей;
Уж мы клубышком, победный, катаемся,
Уж мы червышком, несчастный, свиваемся,
35 С одинокиим дитём да расставаемся. ¹⁵

Ты послушай-ко, сердечно мое дитяtko,
Не сдавайся со брусовой белой лавочки!
Не спешите-тко, сопрядныи суседушки,
Положить его во темную хороминку,
40 Укрывать его вы тонким полотенецком,
Укреплять его гробовой доской!
Дайволюте-тко, люди добрыи,
Поглядеть мне на вербу золочоную!
Я о том прошу, верба золочоная,
45 Сговори со мной хоть малое словечушко,
На память мне, победной головушке,
Во-потай скажи сестрице ты родимой,
Памятить будем позяблые обидушки...
Не забыть буде горюшам веки-повеки. ¹⁶

50 Повзыскать пойду сердечно свое дитяtko,
По всему пойду хоромному строеньицу;
Обойду да по селу я деревенскому,
Поспрошу я у любимых поровечников:
Дитё да не сидит ли на беседушке,
55 Он у точеных у пллушок,
Подле красных тых девушек,
Он не шутит ли с ними, сидя, шуточек?
Не могу найти, печальная головушка, —
Пойду с горюшка во чистое во полюшко:
60 Он не ходит ли в раздолье — во чистом поле,
Не гуляет ли он, свет, в зеленом саду?
Не могу прибрать, печальная головушка;
Я с тоски пойду ко быстрой этой речиньке:
Он не ходит ли по крутому по бережку,
65 Не стрелят ли водоплавных сзрых утушек,
Со этого оружия зарукавного?
Не могу найти, печальная головушка;
С горя кинуся ко синему Онегушку —

Ко пристаням кинусь корабельным,
 70 Обойду да я по крутому по берегу:
 Как не ездит ли рождёно мое дитяtko
 На славном синем морюшке,
 Не ловит ли уловной свежей рыбоньки
 Этым неводком шелковым?

75 Ловцы ездят на Онеге незнакомы,
 Молодцы, да столько ездят с другой волости:
 Не могла найти, печальная головушка,
 Не у быстрой найти да его речиньки
 Не на славном, синем на Онегушке;

80 Кабы крылышки, горюше мне, гусиньи,
 Да другии, горюше, лебединьи,
 Я бы поднялась, горюша, на сизо крыло,
 Выше горюшек, горюша, бы высокиих,
 Выше темных бы лесушек дремучиих,

85 Вровень с облачком, горюша, бы ходячиим,
 Облетела бы горюша подселенну всю,
 Я во первое бы Поле — во Лодейное,
 Во другой славной город Петербургской бы,
 Я во матушку слетела бы в большу Москву,

90 Повзыскала бы сердечно свое дитяtko,
 Во лакеях повзыскала у господ бы я,
 Иль во кучерах его да у священников;
 Не нашла бы тут сердечного я дитяtka,
 Обошла бы по казармам я казенным,

95 Повзыскала б по солдатам новобраным,
 По мастерским бы я искала по столярным;
 Куды-хоть брошусь, победная головушка,
 Не найти столько роженого мне дитяtka;
 Мне-ка во-веки, победной, не видать буде,

100 Мне-ка на-слухе, победной, не слышать буде;
 Хоть отпущено рожено у мя дитяtko,
 Хоть не в дальнюю дорожку безызвестную,
 Не в лесныи перелески мутарсливыи,
 Ко этой пресвятой да богородице,

105 Во матушку да во сыру землю,
 Во погреба он да во глубокии.
 Теперь все прошло, миновалося,
 Я на веки с дитем да порассталася;

Нè к кому, горяше, приютится,
110 Нè к кому, победной, пришатится;
К роду мне, горяшице, ко племени?
Аль к сердечным-любимым племянничкам?
От чужих людей не довольны эты хлебушки,
От плéмят невелика приберегушка,
115 Только на сердче великая зазнобушка.
Лучше жить буду, победная головушка,
Во своем я во строеньице унылом,
На печальной кирпичной своей печеньке.
Може, сдобрится род-племя любимое,
120 Сжалуются сродчи мои, сроднички,
До меня, горяши бесприютной;
Може, засмотрят победную головушку
О светлом христове воскресеньице,
Аль бладычном божьем праздничке.
125 Хоть вы цветно его платье разберите-тко-сь
Меж ду-другом, порода, разделите-тко,
Сироту меня посменно засмотрите-тко! 17

ПЛАЧ ДОЧЕРИ ПО МАТЕРИ

Порастроньтесь, люди добры!
Припаду я ко могилушке,
Я послушаю, несчастная,
Ночь не стонет ли сыра земля,
5 Не вопит ли моя матушка,
Не жалиет ли обиднушки;
Ой, не стонет мать-сыра земля,
Не вопит моя родитель жалосливая!
С гор катитесь, ручьи вешные,
10 Вы размойте пески желтыи,
Поднимите гробову доску,
Вы откройте полотенечка;
Дайте раз взглянуть горящице
На родитель мою, матушку!
15 Ой, не льются ручьи вешныи,
Не размоют песков желтыхи,
Не покажут моей матушки!
Возбушуйте, ветры буйныи,
Со всех ли четырех сторон,
20 Понеситесь вы к божьей церкви,
Размечите вы сыру землю,
Вы ударьте в большой колокол,
Разбудите мою матушку!
Не бушуют-то ветры с четырех сторон,
25 Не ударят оны в большой колокол,
Не разбудят моей матушки.
Налетите с небес, ангелы-архангелы,
Вовложите вы душу в грудь умершую,
В белы рученьки — маханыцо,
30 В быстры ноженьки — ходаныцо!
Не летят да с неба ангелы-архангелы,

Не влагают души в грудь умершую.
Знать, не выстать синю камешку с синя моря,
Не бывать в живых родитель—моей матушке.
35 Ох, тошным да мне тошнешенько!
Пройдет зимушка холодная,
Вот наступит весна красная,
Потекут да речки быстрые,
Зацветут в рощах деревьица,
40 Запогуркивают голуби,
Запосвистывают соловьюшко, —
У меня ж, бедной горюшицы,
Не сойдет с сердца кручинушка,
Не убавится обидушка.
45 Распекё да красно солнышко
Среди да лета теплого,
Не согреет сиротинушки,
Лишь притепляет меня, беднушку,
Зеленая дубравушка
50 На могиле моей матушки. 18

Пришло три пути-дороженьки
Мне, победной сиротинушке:
Как первая дороженька
На славное то буево,
55 Другая-то дороженька
К Миколе ко угоднику,
А третья тропиночка —
К муравчатой могилушке.
Мне пойти было, обидушке,
60 Ко могилушке муравчатой,
Мне припасть было, победнушке,
Тут ко матушке-сырой земле,
Побудить да все покликати
Мне родительско желаньицо.
65 Уж повийте, ветры буйные,
Раскатите белы камешки,
Расступись-ко, мать-сыра земля,
Покажись, бела колодушка,
Порасшейтесь, белы саваны!
70 Налетите с небес, ангелы-архангелы,

Вы смахните туман со ясных оцей,
Вовложите душу в белую грудь,
В резвы ноженьки — хоженьицо,
В белы рученьки — маханьицо,
75 Во язычок — говореньицо,
Во сердечушко — здыханьицо!
Да ты стань-восстань, красно солнышко,
Воспромолви хоть единое словечушко,
Словцо тайное — непроносное
80 Со мной да сиротиночкой!
Ты на кого да нас покинула,
На кого нас пооставила?
Ты оставила-спокинула,
На желанного на батюшка.
85 Уж как наш желанной батюшко
Молодым да молодешенек,
Уж он ходит по беседушкам,
Да по тихим вечериночкам:
Приберет себе молоду жену,
90 Молоду жену — люту мачеху;
Богоданна буде матушка
Не желанна, не ласкова,
Не ласкова, не упадчива
До победной сиротиночки,
95 До позяблой семяниночки.
Как на сем да на белом свету
Одно красно пеке солнышко,
Единó живет желаньицо.
Ой, не дай да боже, господи,
100 Земли-матушки — без пахаря,
Расти девушке без матушки.
Ветры виют потихошеньку,
Ан приходит холоднешенько
Сиротинкам, красным девушкам.
105 Ты пожалуй, моя матушка,
К горе-горькой сиротиночке,
Ко позяблой семяниночке
Во любимое гостибище;
У дверей стоят придвернички,
110 У ворот да приворотнички,

По дорожке — стережатыи,
 По пути да бережатыи.
 Дубовы столы поставлены,
 Яства сахарны наношены,
 115 Хоть не сахарнии — сиротскии.
 Ты когда придешь, — посулишься:
 По весне то ли по красной,
 Аль по летушку по теплomu,
 Аль по осени протяжной,
 120 Аль по зимушке холодной?
 Не могу, бедна горюшица,
 Пораскликать, поразговорить
 Я родитель, свою матушку;
 Знать, убралось-упокоилось,
 12 Тепловито мое солнышко,
 Во погреба да во глубокии,
 За лесушка за темныи,
 За горы за высокие,
 Заросла да заколодила
 135 Путь-дороженька широкая
 К тепловиту красну солнышку.
 Вот пройдет зима холодная
 И настанет весна красная,
 Разольются быстры реченьки,
 135 Налетят да птички-ластушки,
 Серы — малые загозочки;
 Запашут пахарьки в чистых полях,
 Затрубят пастушки в зеленых лугах,
 Засекут секарки во темных лесах;
 140 От тебя же, красно солнышко,
 Не придет вестка-грамотка
 К горе-горькой красной девушке.
 Не сплывать, знать, синю камышку поверх
 воды,
 Не вырастывать на камешке муравой траве, —
 145 Не бывать в живых родимой моей матушке.
 Как во эту пору-времечко
 Без тебя, да красно солнышко,
 Развилося, разорилося
 Наше вито тепло гнездышко;

150 Все столбы да пошатились,
Все тынишки раскатились;
Ночь не знаю я, не ведаю,
Мне куда да прикачнутися
Сиротинке горегорькой.¹⁹

ПЛАЧ О ДЯДЕ ДВОЮРОДНОМ

- Я гляжу-смотрю, обидна красна девица,
Как у нас, у победных головушек,
Все сменилось нонь в хоромном строеньице:
Приуныв стоит любимая скотинушка,
5 У добрых коней головушки наклонены,
Лошадины оци в землю приутуплены,
Што ведь нет де большака в доме — начальника,
На кониной нету стойлы управителя;
Хоть запряжены ступистые лошадушки
10 Во сбрую золоченую, во санки самокатныи,
Дубовое полозье порастрескалось,
Красивитая дуга вдруг разогнулася,
Золотая сбруя помедила,
Серебряны подковы пожелезили.
15 На улёте наш желанный родной дядюшка,
Уезжат да он, великое желаньице.²⁰

- Нонь пойдем-ко, свет желанна — мила дяденька,
Мы во свой дом, во хоромное строеньице,
Там повзыщем свет желанного мы дядюшку,
20 По светлой повзыщем его светлице,
По двору мы повзыщем колесистому,
По сараю ли повзыщем хоботистому,
Во дворе да у любимой мы скотинушки
И на стойлы у любимых мы лошадушек;
25 Не могу найти, победная головушка.
Не шол ли то к спорядным он суседушкам,
На совет да он на крепкую на лумушку,
Приложить совет о бедной своей жирушке,
О своей ли то крестьянской о работушке;
30 Знать, все думушки его да е обдуманы,

35 Все се-светно попеченьице отложено,
Во едину путь-дороженьку отправленось;
Пооставил нас, победных головушек,
Словно гусей в темном лесе заблудящих,
Водоплавных бытто утушек подшибенных.²¹

ИЗ ПЛАЧА О СВАТЕ

- Мне повытти на крылечко переное,
Мне-ка на эти новы сени решотчаты.
Как сказали многи добры эти людюшки,
Мне пробаяли суседы спорядовые,
5 Што со этого раздолья — со чиста поля,
По этому дугу да по зеленому,
Ко нашему крылечику переному,
Катит, жалые любима мила сватьяюшка;
Видно, из роду сыскалася из племени,
10 Как идет она в хоромное строеньице,
На последнее ко сватушку прощеньице.
Ты послушай-ко, любима, мила сватьяюшка:
Да как шла путем, широкою дороженькой,
Ты не стретила ль надежной там головушки,
15 Во темном лесу дремучем
Аль на чистом его полюшке?
Кругом шла да как ты малого озерышка,
По кругу ты шла да как по бережку,
Там не видела ль любима мила сватушка?
20 Он охоч ведь был — надежная головушка —
Ходить-издить к быстрым реченькам,
На реченьках стрелять серых утушек,
На озерышках ловить свежих рыбок.
Постою, бедна горюшица, подумаю,
25 Попрошу, бедна горюша, я доведаюсь,
Он не съехал ли в любимо к вам гостибище,
Ко своей белой, надеженька, лебедушке,
Засмотреть он баженых своих внучаток;
Подожду, бедна горюшица, подумаю,
30 Не расскажет ли любима мила сватьяюшка
О моей милой семеюшке,

- Не поведают ли доброго известьица.²²
Ты послушай-ко, любима моя сватьяшка,
На крылечушке меня не останавливай,
30 На прогулочке — на улочке не спрашивай;
Можешь знать-ведать, любима моя сватьяшка,
Што пристаршая — победная головушка.
Я дороженькой, ведь, шла да приустала,
У крылечушка едва я отсдыхалась.
- 40 У холодного вестей ты не выспрашивай,
На переднем крылечке не выводывай.
Допусти хоть до хоромного строеньица,
До своей ты брусовой белой лавочки.
- 45 Вы послушайте, народ да люди добрыи,
Приложите-тко совет-думу крепкую,
Да мне как назвать победную головушку,
Попрежнему называть ли милой сватьяшкой,
Аль назвать было победной этой вдовушкой?
- 50 Нелюбимое словечко — вдовиное;
Хоть я шла путем — широкой дороженькой,
Мимо это кругло малое озерышко,
Я по крутому шла там по бережку,
Я по тихим шла да все по заводям,
- 55 Столько видела, победная головушка,
На той стороны малого озерышка,
Што незнамый человек там шатается;
Невдомёк пришло победной головушке —
Посмотреть мне во бело его личушко,
- 60 Поглядеть да мне во ясны его очушки,
Заприметить по желтым кудерышкам,
Ночь сказала бы победным вам головушкам:
Да я шла, как кручинная головушка,
Через быстру я шла да эту реченьку
- 65 По этой дубовой по мостиночке,
По этой кленовой перекладинке,
За кустышком вдруг што-то схробысталосся,
Уловня вроде рыбонька там свежая;
Уж я так, бедна, победна, испугалася,
- 70 От реченьки бежала поскорешенько,
В путь-дорожку, горюша, поспешилася,
С переполоху я шла, взадь не ворочалася;

- Не глядела под ракитовой под кусточек,
Не смотрела под малиновой под листочек:
75 Аль под кусточком птица перелетная,
Под листочком человек ли е прохожий;
Извини в том, любима, мила сватьюшка,
Он не ехал на ступистой к нам лошадушке
Во любимое желанное гостибеще;
- 80 Поджидала я, кручинная головушка,
Не подъедет ли любимой милой сватушко;
Тут раздумалась победным своим разумом;
У нас спущена ветляная нештушка,
Она на свою родиму эту родинку. 23
- 85 Ворочусь да я, печальная головушка,
Я во этот во почестной, во большой угол,
Я ко этому, любимому ко сватушку;
Воскликать стану, победна, жалобнешенько,
Разговаривать попрежнему тихошенько:
- 90 «Да ты стань-восстань, любимой, милой сватушко,
Да ты сдй-ко со мной доброе здоровьцо,
Сговори со мной хоть малое словечушко;
Когда преж сего, до этой поры-времечка,
До сегодняшня господня божья денечка,
- 95 Как сретал да нас на широкой на улице,
Убирал наших ступистых лошадушек.
Были гостюшки у сватушка униманы;
Соболины, куньи шубоньки скидываны,
Как по стопочкам ведь платица развешены,
- 100 По гостям да были стульица расставлены;
Как сегодняшним господним божим денечком,
Не стаешь да ты на резвыи на поженьки,
Не розманешь свои ясны эти очушки;
От сердечка белых рук не отшибаешь,
- 105 От белой груди ты их не поднимаешь;
Што же гнев несешь, любимой, милой сватушко?
Знать, напрасно добры люди насказали што,
Аль голубушка-невестушка пожалилась
На меня да богоданую на матушку,
- 110 Как на эту свекрову — змею лютую?
Ты послушай же, любимой, милой сватушко:

- Кажись, дитятко твое да не обижено,
Все невестушка словамы не огрублена;
Я стеной стою по ей да городовою,
115 Заменяю на работушке тяжелой;
Сговори да хоть единое словечушко,
Ты при мылых спорядовых суседушках,
При всех сродчах сговори да ты при сродничках.
Злаю-ведаю, печальная головушка,
120 Поразгневался, родимой милой сватушко,
Што не спуцала любимой невестушки
Засмотреть тебя в тяжелом сголовице,
При злодийном твоём я неможеньце.
Можешь знать-ведать, родимой, милой сватушко.
125 Нынь сградня да пора-времечко рабочее,
Пришло времечко теперь да сенокосное;
Не одна живу, ведь, я да единешенька,
Е великая любимая семеюшка,
Есть ведь братья у меня да двуродимы,
130 Е племяннички у нас да все любимы.
Как спущать да ю на родинку частешенько,
Буде нелюбо братцам двуродимым,
Буде нелюбо племянничкам любимым;
Буде здор да во любимой во семеюшке,
135 Неприятности в крестьянской нашей жирушке;
Будут грубно светы-братцы разговаривать,
Не к лицу будет любимой невестушке;
Ты послушай, родимой, милой сватушко,
Ты прости меня, печальную головушку,
140 Ты во всем веку прости да меня в будущем. ²⁴

ПЛАЧ О ПОТОПШИХ

- Снарядились мы за славное Онегушко
Во углой малогребной этой лодочке,
С соседями несчастны не простилися,
Милосердному бладыке не молилися,
5 Воску ярова свещей не затепляли.
Знать, судинушка по бережку ходила,
Страшно-ужасно голосом водила,
Во длани судинушка плескала,
До суженых голов да добералась.
- 10 Тут от бережка победны откачнулись,
От крутова мы несчастны отпехнулись,
В руки брали мы веселышка дубовыи,
Отправлялися за сине это морюшко.
Выезжали как на славное Онегушко,
- 15 Повевать стали ветрышки способныи,
И мы мачты тут дубовы становили,
Тонки белы паруса мы распустили.
Вдруг по нашему великому несчастнйцу,
По судьбе, видно, нашей бесталанной,
- 20 За тяжкое великое согрешенье,
По божьему господню повеленью,
С подхолодной с подсиверной сторонушки
Вдруг облака скорешенько сходилися,
Наставала туча темна, неспособная,
- 25 Без дождя туча темная без молвии,
Подымалася погода непомерная;
Вкруте буйны эти ветрышки завияли,
С торокамы эти ветры да, ведь, с западом,
Со хоромышков соломы посрывало,
- 30 Со могилушек кресты все сокидало;
На синем море вода вдруг сколыбалася,
Очень страсть, как волна-то расходилася;

Пошла россыпь на синем море великая;
Тут дубова эта мачта приломалась,
35 Мала лодочка у нас да сколыбалась,
И склянешенька воды тут наливалась,
Добры людюшки во лодочке спугались,
Дубовы веселки с рук повыпали;
С этой страсти великой, с переполоху
40 Мы с дү-другом народ ведь не простилися
И ясных своих очь да не крестили.
Мы не знали того сами, добры людюшки,
Как смахнуло среди эта Онегушка —
Во эту воду во глубокую:
45 Утонул отец с дитём да со родимым,
Он со малым своим да недоросточком,
Единá бедна дочй я оставалася,
На синем море девица я шаталася,
Трое суточки, победна, колыбалася;
50 Со слезами тут молитовку творила,
Со горючима пречистой богородице:
«Ты спаси меня, царица, свет, небесная!
Сохрани меня, Микола многомилосливой!
Буйны ветры в чистом поле укротились бы,
55 На синем море волна да уходилась бы;
Да ты дай-ко теперь, боже, дай-ко, господи,
Тиху-тишиньку на синем на Онегушке,
Благодать да ты на круглом этом морюшке,
Мала лодочка теперь бы не шаталася,
60 Уже я, бедна девица, не пугалась бы,
Хоть прибило бы малу эту лодочку,
В острова хоть прибило не в бывалыи,
В берега бы стащило незнакомыи».
С этой страсти у меня, с переполоху
65 Обмирае моя зяблая утробушка,
Изменилось у победной бело личушко,
Красота с лица девочья потерялася,
У мя, стояци во малой утлой лодочке,
За эту за дубовую оклочинку,
70 Перетерло у мя тонки белы перески,
Приогёрпли тут девоцьи белы рученьки,
Приозябли у мя резвы эти ноженьки,

Задрожалось ретливое сердечушко.
От тошна горя горюша стала плакать,
75 Стала думать я, несчастна, своим разумом,
Поклонюсь на все четыре на сторонушки:
«Ты прости, прости теперь, да белой светушко!
Ой, ты, красное, прости да ноньку, солнышко!
Ты прости меня, родимая сторонушка!
80 Отдали прости, родитель, моя матушка!
Вы простите, спорядовы соседушки!
Тайны-милы простите, поровечнички!
Друг-советны простите, мои подружки!
Ты прости да на белом свете живленьице!
85 Прости, господи, во тяжком согрешеньи!»
Знать, судьба меня, девицу, повзыскала:
Для меня, видно, погода поднималась,
На синем море волна да сколыбалась,
Единá я в малой лодочке осталась;
90 Сговорю еще единое словечушко,
Сотворю да я исусову молитовку,
Да я крест кладу, победна, по-писаному:
«Ты повыручи, бладыко многомилосливой,
Ты повыздынь-ко победну со синя моря,
95 Не придай мне-ка смерти ты напрасной;
Буде, господи бладыко, свет, помилуешь,
Я ходить стану во дерковь посвященную,
Я ко заутреням ходить да ко воскресным,
Я к обеденькам ходить да ко христовьским,
100 По вечерёнкам ходить буду по троицким,
По измоге я свечи да ставить ярые;
Запродам да я любимую покрутушку,
Я придамся ко крестьянину богатому,
Я во летныи ему во работнички,
105 Я во зимныи ему во коровнички,
Я возьму да золотой казны бессчетной,
Попрошу да я попов, отцов духовных,
Я служителей, победнушка, церковных,
Прослужу да я молебен богородице,
110 Я другой да тут бладыке многомилосливу,
Отложу да я гульбища со весельицем,
Отменю да тихомерны все беседушки,

Я заброшу все унылы эти песенки».

Как на синем море победнущка шаталась,

115 Много страсти я, победна, превидала,
 Много странства я, победна, притерпела;
 Нерадию я победна во добры люди
 Этой страсти я великой на синем море,
 День и ночь да в малой лодочке шатаютца.

120 Знать, молитовки ко господу доходные,
 Сожалела пресвята мать богородица,
 Стала тишинька на синем на Онегушке,
 Белой свет да стал на широкой на уличке;
 Мала лодочка ведь вдруг да становилася,

125 К круту бережку она да пришатилася;
 Я никак да не могу тут образумиться,
 Взять я ум-разум во буйную головушку,
 Уже так, бедной горюше, мне все кажется,
 Быв на синем я на славном этом морюшке;

130 Тут исусову молитву сотворила,
 Я на крутой, красной берег выходила,
 Я сама того, победна, раздивилася:
 Знать, по моему девочьему моленьиду,
 По бладыкину, знать, нонь благословленьиду

135 Вдруг прибило тут ко крутому ко бережку;
 Я гляжу, бедна горюша, приодумалася,
 За како ж да это место незнакомое,
 Уж я во-всепи ведь здесь не бываютьца.
 Тут я села на катучий белой камушек,

140 Я под этот под ракитовой под кустышек,
 Я схватилася за родителя за батюшка,
 Я за светушка-братца за родимого,
 Во синем море оны, може, шатаются.
 Пораздумаюсь победным своим разумом:

145 Я пойду да по дубравушке зеленой,
 Я по темной этой роде по еловой,
 Я вокруг пойду по крутому по бережку,
 Я глядеть стану на все на три-четыре на
 сторонушки;

Примечать стану, печальная головушка,
 150 Я по буйному глядеть стану по ветрышку,
 Я по облачкам глядеть стану ходячим,

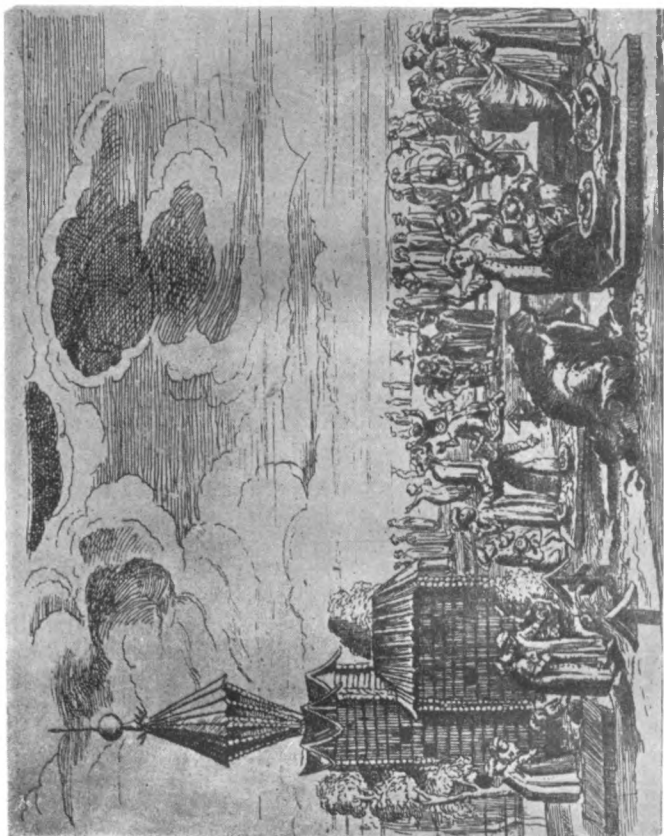
- В день покрасному смотреть буду по солнышку,
С какой стороны, ведь, ветры развеваются,
Куды темны леса да нагибаются,
155 В кою сторону идет да красно солнышко,
От востока ли оно идет ко западу,
Далеко ль моя родимая сторонushка.
Вокруг острова пойду я красным бережком,
Призагрию эти резвы свои ноженъки,
160 Розману да я бесщастны свои рученьки.
Распеки да теплое, красное ты солнышко,
Обогрей мое бесщастно-ретливо сердце,
Ты девоцьи победы мои плечушки!
Обумись, моя бесщастна буйна голова!
165 Оглядитесь на свет, ясны мои очюшки!
Повзыскать пойду родителя я батюшка,
Во-вторых, да светушка брата родимого,
Я сердечного повозничка любимого,
Не прибило ль ко круту красну бережку:
170 Погляжу, бедна кручинная головушка,
Межу этими катучима я камышкам,
На камышке ль оны да не терзаются?
У бережка оны да не качаются ли?
Черны вороны телесов их не таскают ли?
175 Собаки ихны костья не волочат ли?
Во тяжких грехах — без покаяния
Оны приняли смеретушку напрасную.
Телеса у их пойдут без погребения,
Не придавы ко матушке сырой земле;
180 Призавие буйным ветрышком,
Призагрие красным солнышком,
Западет тело снежечиком перистым.
Не знаем мы, победыные головушки,
Не умершей мы ихной там могилушки!
185 Лучше дал бы господь скорую смеретушку,
На своей белой, брусовой им на лавочке,
Во своем доме крестьянской бы во жирушке.
Мы попов-отцов ведь тут да попросили бы,
В божью церковь посвященну мы сносили бы,
190 Честно-именно, ведь, их похоронили бы;
Мы бы знали, где могилушка умершая,

На бладычной божий праздничек сходили бы,
 Спомянули тут мы их да попахали бы!
 Я пойду еще, печальная головушка,
 195 Я по славному по крутому по бережку,
 Я глядеть стану, сиротна красна девица,
 Малых лодочек на синем на Онегушке,
 Я ловцов глядеть на луды на подводной;
 Я кричать буду, горюша, тухлым голоском:
 200 Не убойгесь-ко, народ, не утрашитесь-ко,
 Вы возьмите сироту да переймите-тко,
 Души спасенье своей да залучите-тко.
 Знать, по моему талану по великому,
 Вдруг захопали веселышка дубовыи,
 205 Показалась малогребна эта лодочка;
 Вдруг наехали ловцы да добры молодцы:
 Хоть ко бережку оны да становилися,
 Оны в лодочке стоят да утрашилися,
 На меня, бедну горюшу, оглядилися.
 210 Сговорят да тут ловцы-то, добры молодцы:
 «Уже што это за чудо обчудилося,
 Человек стоит на крутом этом бережку,
 Што ведь горькими слезама уливається,
 Што великой кручиной утирається?»
 215 Тут повышли-то ловцы да добры молодцы
 Со этой малогребной оны лодочки,
 На этот на крутой-красной бережок;
 Тут я пала, горюша, о сыру землю,
 Приклонилася, победна, во резвы ноги,
 220 Стала клубышком во ноженьках кататися,
 Стала червышком, победнушка, свиватися,
 Горючима слезмы да их ножки обливать:
 «Не убойгесь-ко, народ, да не страшитесь-ко,
 Вы возьмите сироту да переймите-тко-сь,
 225 Вы свезите-тко в какое е селенье!»
 Оны подняли победну от сырой земли,
 Стали спрашивать победнушку, выведывать:
 «Ты откуль взялась теперь да с кем ты ездила,
 Вы за красными ль поехали за ягодмы?»
 230 Отвечала я, победна, слёзно плакала.
 Говорят еще ловцы да добры молодцы:

«Ты давно ль взялась на крутой здесь на бережок?»
 «Уже слушайте, народ да люди добрыи,
 Вы поверьте-тко победной мне головушке:
 235 Я не знаю-то, победная, не ведаю —
 От толкѹ сказать, победна, по-хорошему;
 Не за красныма поехали за ягодмы,
 Мы отправились за сине за Онегушко,
 Со родителем своим я, со батюшком,
 240 Во-вторых, да я со братцем со родимым,
 Как, в-третьих, да я с суседом спорядовым.
 Вдруг по нашему великому несчастью,
 Как по этому злодийну бесталаньцу,
 Вдруг поднялася погода непомерная—
 245 Призавияли тут буйны столько ветрышки,
 Потопило всех победных головушек,
 Милого спорядного суседушка,
 Желанного родителя батюшка,
 Сердешного света — братца родимаго;
 250 Я не знаю-то, несчастная головушка,
 Уж я как спаслась — победна — сохранилась,
 Трое суточки шаталась во Онегушке;
 Знать, не сужено, победной мне головушке,
 Потонуть да мне на синем на Онегушке;
 255 Малу лодочку теперь да пришатало,
 К кругу бережку ведь ю да прибывало;
 Сохранил меня господи, помиловал
 От беды-смерти победнушку напрасной,
 От воды меня, горюшу, от глубокой!
 260 Кабы знали про то, светушки, бы ведали,
 Сколько страсти приняла, я сколько ужаси!
 Вы возьмите-тко скорее, люди добрыи,
 Переймите-тко, ловцы да добры молодцы,
 Вы во эту малогребну меня лоточку,
 265 Холоднешенька, победна, голоднешенька».
 Меня взяли тут ловцы да добры молодцы
 Во эту малогребную во лодочку,
 Отвезли меня за синее Онегушко,
 На милую родимую сторонушку.
 270 Удивилися народ да люди добрыи,
 Устрашались суседи спорядовыи:

«Это што теперь за чудо причудилося,
 Со синя моря ведь диво объявилося:
 Как со мертвых она да восставала,
 275 На родимую сторонку доставалася».
 Все собралися суседи спорядовыи,
 Объявили тут властям да оны сельским.
 Приходили писаречки хитромудрыи,
 Садилися к столу да ко дубовому,
 280 Вынимали лист бумаженьки гербовой,
 Меня спрашивать тут стали да выведывать:
 «Где тонули, ведь, вы е да во синем море,
 Да ты как, красна девица, оставалася,
 На синем море ты в лодке сохранялася?»
 285 Допросушки от бедной отбирали,
 На гербовой лист бумагу обчинили,
 И становому-то начальству доносили.
 Тут боялася, победнушка, полохолася,
 Как прииде становой да все начальничек,
 290 Он куды кладет победную головушку,
 Меня сошлют со родимой, може, родинки,
 Буду странствовать, победна, слезно плакать.
 Уж как я, бедна кручинная головушка,
 По горям теперь, победнушка, по позорам,
 295 По допросам-то пошла да по великим.
 Умом-разумом, ведь, на-б да применится,
 На-б стоять да пред начальством не шататися,
 Говорить надо победной не мешатися.
 Отвечать буду, победна, таково слово:
 300 «Я не знаю, ведь, горюшица, не ведаю,
 Уже што да, ведь, над пама сочинилося;
 Буйны ветрышки ведь е да поразвиялись,
 Уже вкруте тут волна да расходилася,
 Пал ведь торог теперь да не удольной,
 305 Сильной сивер-то завиял тут свирепой,
 Мала лоточка у нас да сколыбалася,
 Дубова мачта на ней да и преломалася,
 Тонки белы паруса вдруг обрывалися,
 Утонул да тут родитель милой батюшко,
 310 Света братца тут смахнуло буйным ветрышком
 Середи да синя славного Онегушка,

Тут же бросило спорядного суседушка —
Их смахнуло разом в водушку глубокою.
Я сама себя, победнушка, не знала,
315 Уж я как да на синем море спасалась,
Трои суточкы я без вести качалась;
Тут прибило ко крутому ко бережку,
К темну острову меня да не к бывалому;
Тут повышла я на матушку-сыру землю,
320 Я на этот на крутой — красной бѣрежок;
Тут приехали ловцы да добры молодцы,
Отвезли меня, сиротну бедну девушку,
На родимую меня да на сторонушку;
Спорядовыи судеди собиралися,
325 Дива дивного оны тут дивовалися,
Сожалили все печальную головушку.
Ты помилуй-ко, судья да правосудная!
Ты спаси меня, власть да милосердая!
Не молила я родителю погибели,
330 Не топила света-братца я в синем море,
Не спустила я суседа в глубоку воду;
Знать, судьба да их такая сустигала,
Их судинушка голов да повзыскала;
По бладыкину господню повеленью,
335 Знать, им сужено ведь смерть принять потопная,
Потонуть да знать им сужено в синем море;
Я не знаю же, победнушка, не ведаю,
Може, прибило где к крутому ко бережку,
Телеса, може, на камышках терзуются,
340 Може, птиченька ведь их да натаскается.
Смилосердуйся, судья да правосудная!
Не изъянь-ко ты победную головушку,
Не зори меня, сиротну красну девушку,
У мян нет да золотой казны бессчетной,
345 Нету скатных, перебрагых отдать жемчужков,
Задарить тебя, судью неправосудную».
Не острастил-то начальник, не сполохал,
Потихошеньку подпал он к красной девушке,
Не свирепо он со мной да разговаривал,
350 Он погладил то по бладой по головушке,
Умильнешенько меня да он выпрашивал:

Русские женщины оплакивают своего покойника

«Ты по-своему скажи да по девичеству,
По душе скажи теперь да ты по правдушке,
Ты о страсти своей да скажи ужаси,
365 Што случилось у вас да сочинилось».
Удивился он судьбы моей несчастной,
Сговорил он мне, победной, таково слово:
«Верно, господу молилась от желаньица,
Богородице молилась с горячмы слезмы,
360 Не соробела, печальна, не сполохалась
Ты, шатаютца на синем на Онегушке;
Уж как этыма темныма-то ноченькам,
Торог-буйны очень ветры развеваются,
Страшно-ужасно вода да колыбается,
365 Шибко лодочка теперь да распатается;
Ты держалась за дубовую оклочинку,
Перетерло твои белы эты рученьки?»
Сговорил да становой еще начальничек,
Он народу сговорил да людям добрым:
370 «Да вы съездите за сине за Онегушко,
Поищите телеса да там бездушныи;
Буде найдите потопных, схороните-тко
Телеса, да ко сырой земле придайте-тко». 25

Вы послушайте, спорядные соседушки:
375 Как сегодням, учетным долгим годышком
На наше на хоромное строеньице
Прилетала лесова птича незнамая,
Как садилась на хоромное строеньице,
Она укала-то, птича, по-звериному,
380 Как свистала эта птича по-змеиному.
Уж мы тут, бедны горяужи, устрашилися,
Темной ночью от крепка сна прохватилися:
Это што у нас за зверь да сидит, укает
И стращат да нас победных, полохает;
385 Все я думала победным своим разумом,
Знать, беда приде, победным нам, напрасная,
Пожар там на хоромное строеньице,
Либо мор да на любимую скотинушку.
Не начаялась, победна, не надиялась,
390 Я над милым родителем над батюшком,

Я не думала про братца, про родимого,
Што потоп буде на синем на Онегушке.
Нонь у нас да у печальных головушек,
Така да е обидушка несносная,
395 Не радела бы, обидна красна девица,
Я бы ворону, победна, во темных лесах,
Не радела бы суседям спорядовым
Я потопу бы на синем на Онегушке;
Я привидела, победна, много горести,
400 Натерзалася, победна, нашаталася,
Со белым светом, победна, напрощалася;
Я не думала, несчастна красна девушка,
Што быть да мне, победной, на святой Руси,
Што ходить бедной горюше по сырой земле;
405 Нонь судил да боже господи
Мне-ка быть да на родимой на сторонушке,
Во победном во сиротском теплом гнездышке,
На своей мне-ка брусовой белой лавочке.
Знать, подружки обо мне да помолилися,
410 Видно, девушку, меня, да пожалили...
Вы послушайте, народ да люди добрыи,
Подойдите-тко, души да красны девушки,
Да вы ставьтесь-ко под праву ко мне рученьку!
С этой страсти у меня да с переполоху
415 Буйна голова у беднушки не гладится,
Прядка с прядкой в русой косы не сплетается,
Побусили жемчуги да перебраныи,
Изоржавели колечка золоченыи!
Быв с того свету горюша объявилася,
420 Со синя моря горюша выставала!
Не дай, господи, того да на белом свете,
Уж быть да, ведь, на страсти такой ужасты! 26

Ты послушай же, родитель моя матушка!
Хоть меня да ты, родитель, спородила,
425 Во несчастный день победнушку засияла,
Ты не участью-таланом наделяла,
Приносила хоть в хоромное строеньеце,
Не в большой угол меня да полагала,
На кирпичную, знать, печеньку ложила

440 И сосновую лучину подстилала,
Тут великим несчастьем награждала!
Столько жаль, бедной горюше мне, тошнешенько,
Великого родительска желаньица,
Светушка-братца родимого

445 И милого спорядного суседушка:
Как могучий я был бы богатырь,
Кабы силушка была у мя звериная,
Потяги да у мя были лошадиные,
Накатала бы катучих белых камышков,

440 Загрузила бы я славное Онегушко,
На синем море волна бы не сходилася,
Со желтым песком вода бы не мутилася,
Малогребных этых лодок не шатало бы,
Тонких белых парусов не обрывало бы,

445 Бесповинных голов да не топило бы,
Уж как мужних бы жен да не слезило бы,
Сирот, малых детей не оставляло бы!
Теперь все прошло у нас да миновалося,
Со тоской, горькой кручиной я позналася.

450 Талан-участь на синем море оставила,
Мое счастье в синем море утонуло все.
Нонь решилося великое весельице,
Миновалося любимо доброумьице;
Надо слыть да бедной дочере безотней,

455 Как печальной сестры да мне — безбратней,
Нонь не красит-то любимая покрутушка,
Не цветет да на мне цветно это платьице;
Как не жемчужком головка мзнасисяна,
Великою кручинушкой наделена,

460 Ясны очушки не сахаром насыпаны,
Горючима слезамы принаполнены,
Не несут меня, печальной, ножки резвые,
Уж как на этот на крутой красной бережок,
Не глядят мои несчастны очи ясны,

455 На синее на славное Онегушко.
Не радию я, победная головушка,
Уж я добрым, горюша, столько людюшкам
Ходить-ездить-то теперь да по синю морю,
Во этых малогребных во лодочках... 27

ПЛАЧ ОБ УБИТОМ ГРОМОМ-МОЛНИЕЙ

- Как о светлом бладычном божьем празднике,
На ранной на заутрену воскресной,
Пресвятой Илья-пророк — свет преподобной,
Пролетал он ко престолу ко господнему,
5 И проречет Илья бладыке многомилосливу:
«Уж я дам да эту тучу неспособную
Уж я на это на чистое на полюшко,
Я стрелу спущу в крестьянина могучего,
Заражу да я грудь-то его белую;
10 Не могу терпеть велика беззаконья:
Он не ходит-то, крестьянин, во божью церковь,
Он не молится-то богу от желаньца,
О души своей крестьянин не спашается,
Да он в тяжких грехах попу не кается».
- 15 Испроговорит бладыко свет тут милосливой
Преподобному Илье да он громовному:
«Што ты хочешь, Илья, — в волюшку все творишь».
Как по этой по разливной красной вёснушке,
На троицкой то было на неделюшке,
20 Накрывать стала крестьянская работушка,
Стали пахари на поле объявлятися;
Тут повыехал спорядный наш суседушко,
Он в раздольице повыехал в чисто поле,
На эти на распашисты полосушки.
25 С утра жалобно ведь солнце воспекало,
Была тишинка на широкой на уличке;
На часу вдруг тут е да объявилосся,
Стало солнышко за облака тулятися,
Наставала туча темна — неспособная,
30 Со громом да эта туча со толкучиим,
Вдруг со молвией-то тученька свистучей,

Со этим огнем да она плящим;
На горы шла туча на высокие,
Горы с этой тучи порастрескались,
35 Мелки камышки со страсти покатились;
Уже шла да грозна туча эта темная,
По лесам шла она по дремучиим.
Леса к зем с этой тучи приклонились,
По корешку они все приломались;
40 Уже так да шла грозна эта тученька.
В темном лесе дики звери убоились,
По своим местам звери убирались.
Становилась туча темна на сине море,
Сине море со дня все расходилося,
45 Страшно-ужасно тут море расшумелося;
С луды камня оно тут вырывало,
Волной на берег оно да их бросало;
В синем море белы рыбы убоились,
По своим станам рыбы разметались;
50 По селам пошла туча деревенским,
Знать, деревнями-то туча разгремелася,
Мать-сыра земля со грому надрожалася;
С тучи добрыи дома да пошатились;
Со чиста поля крестьяна убирались,
55 Во своих домах оны да сохранились;
С этой страсти крестьяна, с переполоху,
Затепляли свечи да воску ярова,
Тут молили оны бога от желаньца,
Онй кланялись во матушку-сыру землю:
60 «Спаси, господи, ведь душ да наших грешных,
От стрелы ты сохрани да нас от молвий,
Пронеси, господи, тучу на чисто поле,
На чисто поле тучу, за сине море!»
На чисто поле тут туча своротилася,
65 Страшно-ужасно тут туча разгромелася,
Очень плящии огни да разгорелись;
Все ведь думал-то спорядной наш суседушко,
Тороком да пройде темна эта тученька;
Становился под кудряву деревиночку...
70 Стрела божья тут вдруг да разлетелася,
Не на воду, ведь, стрелушка, не на землю,

Не на зверя в темном лесушке съедучего, —
Она пала на суседа спорядового,
Изорвала все ретливое сердечушко.
75 Заразил-побил Илья — свет преподобной,
Да он славного крестьянина могучего.
Туча темная зараз же уходилася,
Стрела-молвия зараз же приукрылася,
Вдруг пораспекло тут красно это солнышко...
80 Как схватилося спорядная суседушка
За свою она надежную головушку:
Где от тучи, от молвии сохраняется,
Под какой да деревиночкой спасается,
Под малым ли ракитовым под кустышком,
85 Аль сидит он на катушем белом камышке;
Тут, ведь, бросилася спорядная суседушка,
По селу она пошла да деревенскому,
Тут в раздольице бросилася во чисто поле,
Скоро шла да по распашистым полосушкам,
90 Вдруг увидела ступистую лошадушку,
Доброй конь стоит — головушка наклонена;
Тут ужახнулось ретливое сердечушко,
Не видать да все надежной головушки.
Тут глядеть стала по чистому по полюшку.
95 Как сглянула на курчаву деревиночку,
Стоит деревце теперь — в щепу разломано,
Ко сырой земле ведь деревце приклонено,
Тут бросилася к кудрявой деревиночке.
Как лежит ейна надежная головушка,
100 На матушке лежит да на сырой земле,
Бела грудь его стрелой этой прострелена,
Ретливо сердце все молвией разорвано,
Белы рученьки его да пораскинуты.
Задрожала тут победная семеюшка,
105 Испугалася надежной головушки;
Нету душеньки его да во белой груди,
Нету зренья у его да во ясных очах,
Во устах его язык да не воротится,
Как убит — лежит, надеженька, подстреленой
110 От страсти он, надежа, тучи темной...
Воротилася победная суседушка

Она взад да во село тут деревенское,
Со раздольица — победна — со чиста поля,
Объявила тут суседям спорядовым,
115 Как наделала тревоги всему обчеству,
Беспокойства-то крестьянам православным;
Караул да к телу мертву полагали,
К становому тут нарочных отправляли. 28

Ты послушай, спорядовая суседушка:
120 По суду ли то теперичко, по божьему,
По веленью ли то нунько по господнему,
Было множество народу на чистом поле;
Как увидли темну тучу неспособную,
По своим домам тут все, ведь, убиралися;
125 Твоя милая надежная головушка
Супротивник, знать, бладыке многомилосливу:
Он с бахвальства во чистом поле остался,
Со белым светом ведь он да порасстался,
Как убиту эту смерть получил, —
130 Душа грешная пошла без покаянья,
Телеса его лежат без поминанья,
Не предают да их ко матушке сырой земле.
Приедут как судьи неправосудныи,
Будут потрошить надежную головушку,
135 По частям резать, по мелким кусочикам;
Как распорют его грудь да эту белую,
Как повынут-то сердечушко ретливое,
У тебя тут, у печальной у головушки,
Обмирать да стане зяблая утробушка,
140 Буде жаль тошно надежной головушки.
Ты послушай же, спорядная суседушка:
Не жалий, бедна, любимой покрутушки,
Заложил-снеси крестьянину богатому,
Ты проси да золотой казны по надобью,
145 Запродай свою любимую скотинушку,
Набери да золотой казны бессчетной;
Как приедут дохтура да славны лекари,
Как со этого со города Петровского,
Попроси да, бедна, добрых ты людешек,
150 Своих сельских проси, бедна, начальничков,

Писарев проси, победна, хитромудрых,
Штоб вступились по победной головушке,
Уговорили б дохтуров да оны лекарей,
Задарили б золотой казной бессчетной,
155 Штоб надеженьку двюю не патрушили,
Штобы белой его груди не пороли,
Штоб сердечушка его не вынимали,
Штоб назолушки тебе не надавали,
Штобы придали ко матушке-сырой земле
160 Телеса-то бы его да без терзанья;
Не убойся ты, споряднал суседушка,
Говори, бедна горюшица, смелешенько,
Ты корись, бедна, с великою обидушкой,
Ты упрашивай, победна, с горючмы слезмы;
165 Може, сдобрятся судьи неправосудныи,
Ты сули им золотой казны по надобью,
Во потай сули без добрых ты, без людюшек;
Тут озорятся оны на золоту казну;
Как дают оны, ведь, може, приказанье
170 Сколотить эту колоду белодубову,
Приубрать твою надежную головушку
И покрыть до этой матушкой-сырой землей.
Тут зови, бедна спорядная суседушка,
Как попов-отцов зови, бедна, духовных,
175 Завови, бедна, служителей церковных;
Вы возьмите-тко со чистого со полюшка,
Вы во свой дом тело мертвое-убитое,
Сокрутите в тонко бело полотенышко.
На сдвильеньце ведь добрым столько людюшкам,
180 На среканьце спорядным суседушкам,
Он не вор, кажись, был, не мошенничек,
Он не плут, кажись, был, не разбойничек,
Не хлопотной был в суседах спорядовых:
Уж какой да тяжкой грех вы сочинили,
185 Што разгневался бладыка многомилосливой,
Он не спас его от грому да от молвии,
Не помиловал от тученьки от грозной.
Еще слушай-ко, спорядная суседушка:
Ты схоронишь как надежную головушку,
190 Ты во матушку схоронишь, во сыру землю,

Ты во погреба опустишь во глубокии,
Постановится крестьянска вся работушка,
У тебя да у печальной тут головушки
Разорится дом, крестьянская вся, ведь, жирушка;
195 Будешь слыть, бедна кручинная головушка,
Ты бобылочкой, победна, сиротиночкой;
Вдруг останешь от участков деревенских,
Отлишишься от луговых от поженок,
Ты воспомнишь, свет, надежную головушку,
200 Ты поплачешь на раздолье, на чистом поле,
Потоскуешь ты, победна, в зеленых дугах.
Ты послушай, спорядовая суседушка:
Не впадись в тоску, великую кручинушку,
Не забудь своей надежной головушки,
205 Ты зови, бедна, попов-отцов духовных,
Поминай часто любимую семеюшку;
Знаем-ведаем, спорядны мы суседушки,
Была в живности твоя да как надеженька,
Вы не знали, спорядовыи суседушки,
210 Вы ни светлого христова воскресеньца,
Ни бладычного господня божья праздничка;
Да вы в божью, ведь, церковь не ходили,
Да вы господу-бладыке не молились,
Все, ведь, гнались за крестьянской работушкой;
215 Удивлялись многи добрыи вам людюшки,
И срекались спорядовыи суседушки,
Уже вам да все победным головушкам. 29

ПЛАЧ ПО ПРИЕМЫШЕ

- Как со озера да со Онегушка,
Со того ли бурна ли что бережка,
Нашла тученька ли страховитая,
А и облачко ли гряновитое.
- 5 Пробралась ли эта туча-тученька
Во мою ль столову нову горенку;
Разрядилась туча грозным облачком,
Грозным облачком что туманным.
Принесла та туча во дом горести,
10 Во дом горести, в сердце ужести!
Не одна я жила, горемышная,
Был питомец — дите ли сердешное.
Он меня звеселял рано утрышком,
Летом помогал он мне работушкой.
- 15 Я взростила его с малых летушек,
Чтоб не жить одинокой без детушек.
Я любила его и ласкала,
На руках ли своих усыпляла;
Он забавой мне был — утешеньцем,
20 На него работала с раденьцем;
Покупала ему сладки прянички,
Одевала его в цветны платьци.
Белой рученькой он шею мне обвивал,
Зимни долги дни он со мной коротал.
- 25 Я чесала ему желты кудерки,
Омывала его резвы ноженьки,
Обувала я их во сапоженьки
И не чаяла в нем души-душеньки!
Я на торг ли пойду — все сторонются,
30 На названа сынка все любятся;
И разумен, пригож и забавлив-ко,

А коли запоеет — соловеюшко!
И подрост ведь дитя на подмогушку мне,
На работе крутой во поли, во гумне.
35 Дивовались все суседи уму-разуму
И его ли что ретливому сердечушку,
И его ли что головушке поклонной,
И его ли воле-волюшке покорной;
Николи он мне словечком не сгрубил,
40 Моей волюшке ничем он не претил;
Да злодейско облачко вдруг набежало,
И крестово дитятко-то захворало.
Знала б ведала про то, горюша, я,
Я бы дверечки покрепше заперла,
45 Я бы облачко отогнала,
Я б окошечко косевчато закрыла,
Чтобы облачком его не ознобило.
Долги ночи у постелюшки сидела,
Все я глазыньки на личко проглядела...
50 Как мое ли ненаглядно детушко
Все хирело и худело его личушко!
Когда личушко его пылало,
Я молитовку исусову шептала!
Когда личушко его белело,
55 Моя душенька по нем болела!
Говорила я мому сердешну:
«Уж ты сядь ли, сядь к косевчату окошку,
Ты надень свое цветное платьице,
Ты верни свое ли щебетаньице;
60 Аль ты с девушкам пойди гулять,
Песней их удамой звеселять!
Може, хворотьба от игр пройдет,
Може, тучу черную мимо пронесет?..
Говорило мне дитя-то хворое:
65 «Благодарствуй, матушка крестовая,
Ты меня, жаланная, вскормила,
Уму-разуму меня ты научила,
На руках ведь ты меня носила,
Николи мне словом грубным не сгрубила;
70 С малых летушек меня ласкала,
Матушку родную ты мне заменяла.

Наградит тебя господь да милосливый,
Он сиротушек отец ли жалосливый:
За твои заботы, ласки и уход
75 Снизойдет тебе он счастье с рода в род.
Не тужи же ты, родима матушка,
Знать такая моя доля-долюшка!
Как опреж сего меня крестила,
Как исусову молитовку творила,
80 Ты теперь меня перекрести-тко
Да исусову молитву сотвори-тко...»
Я исусову молитовку творила,
Я крестового мово крестила...
Его плечушки я приукрыла,
85 Свое горюшко я призабыла.
А оно ли, горе, тут как тут неожиданное,
Что неожиданное да нежеланное.
Ко постелюшке оно да пробиралось,
Надо мной ли, над горюшей, надсмехалось.
90 Я смотрю-гляжу, печальна голова,
Помутились оченьки крестового дитя;
На постелюшке оно да заметалось,
А смерётушка к нему все приближалась...
Ноне спи что мой крестовый детушко
95 Во большом углу на лавушке,
И уж я его не добужуся...
Уста сахарны не разомкнутся,
Ввек не станут ноги, ножки резвыи
На сапоженьки ли что козловыи!
100 Порастроньтесь-ко вы, люди добрыи,
Вы, суседи спорядовыи,
Вы, любимы споровечнички!
Вы принадле-тко ко белу личку,
Вы отриньте-тко гробову доску...
105 Вы, породушка ли родовитая,
Оторвите-тко вы мово дитятка
От злодейской смерётушки;
Уберите-тко дубовый гроб,
Утолите-тко мой слезный воп.
110 Красны девицы, вы поклоняйтесь-ко,
Умильнешенько вот умоляйте-тко:

Уж ты стань, восстань, да ненаглядный мой,
Мой крестовый сын, мой дитё родной!
Нет, не слышит меня, горе-горькую,
115 Одинокую покинул меня он, убогую...
Упокой же, господь, твою душеньку,
Свет крестово дитя мое, лапушку!³⁰

ПЛАЧИ О ХОЛОСТОМ РЕКРУТЕ

Я чего да сижу, мать бедна, несчастная,
Сирота теперь сижу да бесприютная,
И на брусовой сижу да белой лавочке,
И под печальным косевчатым окошечком,
5 И под туманной стекольчатой околункой;
Я сижу, бедна горюша, призадумавши,
И чужих басенок, горюша, приослухавши;
Подивуют мне-ка добры эти людюшки
И посрекаются спорядныи суседушки:
10 И, знать, на радости сидит да на весельице
И на великой, знать, господней божьей милости:
У ей вси вкупе сердечны, видно, детушки.
Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
И што, ведь, прибрались народ да люди добрыи:
15 И не весельице у нас да не забавушки
И не тихии смиренныи беседашки,
И не честное у нас да пированьице.
Нонь как этым учетным долгим годышком
И сочинилась грозна служба государева,
20 И сволновался неприятель земли русской,
И присылать стали указы государевы,
И собирать стали удалых добрых молодцев,
Как на сходку ведь теперь да не обчественну,
И тут писать стали удалых добрых молодцев
25 Да на этот на гербовый лист-бумаженьку,
И призывать стали судьи неправосудныи
И все ко этым ко жеребьям дубовым.
Уж как этии удалы добры молодцы
И перед господа глаза да ведь крестили
30 И богородице молитовку творили,
И они брали жеребия да тут дубовыи:

И пойти надо тут во службу государеву.
Как сегодняшним господним божим денечком
И хоть не скованы да резвы у них ноженьки,
35 Только сковано ретливое сердечушко;
И хоть не связаны бурлацки белы рученьки,
И обрестованы указом государевым.
Вот похаживат сердечно мое дитяtko,
И он по доброму хоромному строеньицу,
40 И да он буйной-то головушкой покáчивает,
Он жолтыма кудеркама потряхиват,
И молодецкими-то ручкама помахиват,
И он на память-то словечко спроговариват,
И говорит столько, скаченая жемчужинка:
45 «Знать, судьба моя теперь да все несчастная,
Сустигае, видно, жизнь да неталанная,
Сустигае грозна служба государева;
И на роду, да видно, служба мне уписана,
И, видно, на-делу бурлаку доставалася».
50 Тут он смáхне свои белы эты рученьки
И на бурлацку молодецкую головушку
И на завивныи на жолтыи кудерышка;
И на жалие молодецких кудер жолтыих
И с горя рвет да свои жолтыи кудерышка.
55 Тут он смáхнет молодéцки белы рученьки,
Он на эту на грудь да молодецкую,
И подождет свое ретливде сердечушко:
«И не тоскуй, да молодецкое сердечушко,
Не унывай, да молодецкая утробушка».
60 И он пройдет да по хоромному строеньицу,
И он спроговарит единое словечушко,
Всім приближным спорядовым суседушкам,
Всім дружьям да молодцам своим приятелям,
В собинú да душам красным, скажет, девушкам:
65 «Поглядите-тко, народ да люди добрыи,
И на печального бурлака да молодого!
И как хожу я по хоромному строеньицу,
И по светлой хожу да я по светлице:
И я не пьян, да с горя, молодец, шатаюся;
70 Без воды да резвы ножки подмывает,
Без огня мое сердечко разгоряется,

Без смолы моя утроба роскипляется,
 Дума-думушку бурлака пошибает,
 И ум за разум у бурлака забегает.
 75 Вы простите-тко, души да красны девушки!
 Как што сдеется над добрым над молодцем,
 Как возьмут да в грозну службу государеву,
 И вы вспомните, души да красны девушки,
 И спамятите-тко бурлака размолодого,
 80 Вы на этых горах да на искатных,
 И вы на тихих на смиренных беседушках!
 Помолитесь-ко, старушки стародревнии,
 Вы пречистой пресвятой да богородице,
 Штобы господи бладыко-свет помиловал,
 85 Как от этой бы от службы государевой,
 И возвратил бы на судиму бог сторонушку,
 И рыболовушкам на сине бы Онегушко,
 И меня пахарем на чисто бы на полюшко,
 И воскормителем желанным бы родителям.
 90 И не тоскуй, моя родитель, родна матушка,
 И ты не плачь, мое желанье, горячмы слезмы,
 И ты не дай тоски к ретливому сердечушку,
 И ты обидушки ко зяблоей утробушке».
 Я гляжу-смотрю, победная головушка,
 95 И на печальное сердечно свое дитятко:
 И, как не белая березка нагибается,
 И не шатучая осина разшумелася, —
 Добрый молодец кручиной убивается.
 Не дай, боже, ведь, того, да боже господи,
 100 Расставаться со сердечным со дитятком.
 Ой, тошнехонько ретливому сердечушку:
 Как детинная тоска — не угасимая,
 И как жива эта разлука пуще мертвой. ³¹

★

И прошел денечек теперь да не видаются,
 105 И красно солнышко ко западу двигается,
 И ко крылечку судьи да подъезжают:
 И тут подогнаны ступистыи лошадушки,
 И не по разуму любимы хоть извошнички,
 И про сердечное рожено мое дитятко.
 110 И по фатерушки судьи да все похаживают,

- И добра молодца оны все понаряживают:
«И ты справляйся, молодец, да поскорешеньку,
И одевайся-тко, бурлак, да суровешенько,
И у крыльца стоят ступистыи лошадушки,
175 И отправляйся в путь-широкую дороженьку
Ты ко славному ко городу Петровскому,
Ко приемной полате белокаменной».
- И как у мбега сердечного у дитятка
И подломились да тут резвы его ноженьки,
180 И подрожали молодецки белы рученьки,
И поблекло его белое тут личушко,
И приужахнулось бурлацкое сердечушко,
И красота с лица у светушка стерялася,
И с горя жолтыи кудерки развеваются;
- 185 И хоть одет да он во цветное во платье,
Хоть надеты ведь тулупы одинцовыи,
И не цветет да теперь цветно на нем платье
И не красит да добра молодца покрутушка,
Не согреват да кунья шубка соболиная.
- 190 Сдай волю-те-тко, народ да люди добрыи,
И смилосердуйтесь, судьи да милосердыи!
Вы возьмите золотой казны по надобью,
Вы увольте-тко на темну эту поченьку
Вы рожное сердечно мое дитятко.
- 195 Я удумаю, победная головушка:
Схичу-спрячу я скачоную жемчужинку
Я от этых властей немилосердых,
Я от этых судей неправосудных.
Я запру да, ведь, во светлу его светлицу,
200 Я на эту на тесовую кроваточку,
Положу да на пуховую перинушку,
Принакрою соболиным одеялышком,
Призадвину я ситцёвы занавесочки;
И отвечать буду судьям да я обманывать:
- 205 «Приотправила сердечно мое дитятко.
Он ко городу уехал, ко Петровскому,
И он не ждал да вас, властей, ведь, милосердых,
Он казеннаго не ждал да все извошничка».
- И пороздумаюсь победным умом-разумом:
210 Нынь не скроешь-то сердечного, ведь, дитятка:

Времена теперь пошли да все бедовыи,
Хитроумны стали власти страховитыи.
И дайволюте-тко, судьи вы правосудныи,
Уж как моему сердечному-то дитятку,
155 И с горя сить ему на саночки дубовыи
И попроехать на ступистой лошадушке,
И прокатиться по селу да деревенскому,
И по прогулушке по широкой по уличке
И со малыма ему да поровечникам:
160 Как спюют оны солдадку ему песенку
И воспотешат-то удала добра молодца.
И взвеселят его унылую утробушку.
Ой же ты, мое сердечно мило дитятко,
И укатись, да мое красное, ты на золоте,
165 И укатись да от родимой нонь от родинки,
И далеко да на чужую на сторонушку,
И ты на эты на уречныи неделюшки;
И в города да удались ты незнакомыи,
И ты за крепости уйди новгородский;
170 И не знали бы судьи неправосудныи
И не доведались бы власти страховитыи;
И тоей порушкой теперь да тым времечком
И принаполнятся наборы государевы;
И ты останешься, сердечно мое дитятко,
175 И во своей да молодецкой вольной волюшке.
И пораздумаюсь победным своим разумом:
«Никуда нынь не удешь да не упрячешься,
Времена теперь пошли да все бедовыи,
Хитроумны стали власти скрозекозныи. 32

★

180 И как у нашего хоромного строеньида,
Как у этого крылечика переного,
Как у этого столба да у точеного,
Есть подогнаны ступистыи лошадушки,
И под меня да под бесчастна добра молодца;
185 И все извошчыи крестьяна полномочныи,
И челом бьют да мне-ка судьи, поклоняются,
И со мной дият оны доброе здоровьеце.
И как до сегодняшна учетна долга годышка,
И в моем поросту да было в возрастаньеце,

190 И не знали меня добры эти людюшки,
И по изотчинке меня не нарекали,
И не били-то челом, низко не кланялись;
И столько знать да стали добры эти людюшки,
И примечать стали судьи да правосудныи
195 И как брать надо во службу государеву.
И охти мни да добру молодцу тошнешенько!
И лай волю-те-тко, судьи вы правосудныи,
И снаровите-тко вы, власти милосердыи,
И мне пройти да по хоромному строеньицу,
200 И по двору пройти, бурлаку колесистому,
И по сараю-то пройти да хоботистому,
И мни проститься со хоромным строеньицем,
И во двори да со любимой скогинушкой,
И во конюшеньке проститься с конем добрым. 83

★

207 И вы послушайте, удалы добры молодцы,
И уж вы, милыи любимы поровечники:
И да вы спойте хоть унылу ему песенку
И в веселите вы скачоную жемчужинку.
И ты пройди да, ведь, удалой добрый молодец,
210 И по прогулошке по широкой по уличке,
И ты меняй свою кручину на весельице,
И ты обидушку свою на доброумьипе;
И да мы поглядим, печальныи головушки,
И как ведут да дружье-братьица приятели,
215 И как тобя, нашу скачоную жемчужинку,
И под несчастныи молодецки белыи рученьки,
И воспевают-то солдацку жалку песенку
И уласкают-то скачоную жемчужинку.
И с деревенским селом да свет прощается
220 И сговорит наша скачоная жемчужинка:
«И ты прости, прости, село да деревенское,
И прости, уличка, бурлакушка рядовая,
И вси суседушки, простите, спорядовыи,
И вы простите вси, старушки ста одревнии,
225 Меня милыи бладенды-недоросточки,
И да вы, вдовушки, простите-тко, побелныи,
И меня, горькыи несчастныи вы сироточки;
И как ходил я по прогульной этой уличке,

Нам потешить свое сердче молодецкое».

И, зная, пришла да, ведь, пора да твое времечко,
 Из-за стола пойти бурлакушкам молодым,
 И от кушаньев пойти да от сахарных,
 270 И от питыцев пойти да от медвяных;
 И нынче долит да их великая кручинушка,
 И ушибат да их великая тоскичушка.
 И оны крест кладут, бурлаки, по-писаному.
 И перед господом, ведь, славу сотворяют.
 275 И загопляли тут свечи да воску ярова,
 И на бурлацкии колена становилися;
 И сговорят да тут рекрутика молоды:
 «Уж ты, спас да наш, бладыко многомилосливой!
 И ты спаси да нас, несчастных добрых молодцев,
 280 И ты от ятой от меры государевой!
 И ты, покров-мать пресвятая богородица!
 И ты покрой да нас, рекрутиков молодых,
 И от злодейской ты от службы государевой».
 И тут повыстали на резвы оны ноженьки,
 285 И приклонили свою буйную головушку
 И со бладой вышины да до сырой земли;
 И на все на три-четыре на сторонушки,
 Всем окольным суседам поклонялися.
 И в собину поклон желанным родителям,
 290 И во пристаршии да держат оны ноженьки.
 «И вы прости-тко, желанныи родители,
 И во всей глупости простите нас, во дурости,
 И благословите-тко, желанныи родители,
 И нам поехать во путь-широку дороженьку;
 295 И наделите-тко таланом вы нас участью.
 И всей великою господней божьей милостью».
 И вы смотрите-тко, народ да люди добры:
 И как не белыи березки нагибаются,
 И с отцом, с матерью рекрутики прощаются,
 300 И оны червышком, несчастныи, свиваются,
 И оны клубышком, победныи, катаются,
 И в безызвестную сторонушку снаряжаются;
 И не ясен сокол с тещи гнезда слетает,
 И добрый молодец из дому выезжает,
 305 И нынче по позднему теперечко по вечеру

И по закату тепло-красного ведь солнышка,
 Тут повыстали бурлакушки сердешными
 И как повышли со хоромного строеньица,
 И у крылечка оны обстановилися,
 310 И как зглянули на хоромное строеньице,
 И на светлую зглянули оны светлицу,
 И сняли шапочки со бладых со головушек,
 И на три стороны бурлаки поклонялися
 И со строеньицем оны да распростилися:
 315 «И ты прости, прости, хоромное строеньице,
 Прости, светлая тесова нова горенка,
 И не бывать да на родимой буде родинке,
 И не хаживать по хоромному строеньицу,
 И нам не сиживать во светлой буде светлице».
 320 И поклонилися несчастными рекрутики,
 И печальными удамы добры молодцы,
 И своим да все ступистыми лошадушкам:
 «И спаси, господи, ступистых лошадушек,
 И што возили нас, печальных добрых молодцев,
 325 Все по этим бладычным по праздничкам,
 И по тихим по смиренным беседушкам,
 И по унылым слезливым по свадебкам;
 И знае-ведае бесщастно ретливо сердце:
 И нам не еживать на ступистых лошадушках,
 330 И нам не сиживать на санках самокатных».
 И уж как тут эти рекрутики печальными
 И оны поджали ретливое сердечушко,
 И сговорили тут, несчастны, таково слово:
 «И ты не ной, наше сердечко молодецкое,
 335 И не тоскуй, наша утробушка бурлацкая,
 И жаль ро:статься со родимой со сторонушкой».
 И со тоски да тут пали рекрута о сыру землю.
 И подхватили да их судьи поставленными
 И взяли молодцев под правую под рученьку,
 340 И посадили во печальны дубовы сани,
 И приукрыли соболиным одеялышком;
 И приоттолкнули желанных родителей
 От своих оны сердечных милых детушек,
 И отпехнули сродчев-сродничков любимых;
 345 И тут извожички добрых коней понудили,

И добры конюшки пошли да суровешенько;
И быдто серый волк под кустышком поукиват,
И так бурлаки путь-дороженькой тоскуют,
И в дубовых санях оны да горекуют.
350 И не дали-то им судьи немилосердые
И со старыма старушкам им проститися,
И на все стороны рекругам поклонитися;
Как везут да их извошнички немилы,
И не по разуму ступистыи лошадушки;
355 И дале, дале от родимоей сторонушки,
И ускоряются ко городу Петровскому,
Как ко этому привёму государеву.³⁶

★

И ты послушай, бедна мать да горе-горькая:
Хоть снаряжашь свою скачоную жемчужинку,
360 И ты не в славны города да понизовыи,
И не в извошнички, горюша, ты в охотныи,
И не в бурлакушки, горюша, ты во вольныи,
И не по эту золоту казну довольную;
И погляди, бедна кручинная головушка,
365 Ты на эта златокрыла ясна сокола:
И по мостиночкам, наш свет, да он похаживат,
И он во цветном бурлацком во платье;
И не красят на нем да цветно это платье,
И со кручинушки головушка не гладится,
370 И со обиды волос к волосу не ладится,
И со печали жолты кудри растрепалися;
И не темны леса ко зени приклонилися,
И добры людюшки бурлаку сдивовалися:
375 И до сегодняшня господня божья денечка,
И как до этой до студеной холодной зимы,
И быв свеца у нас была да нетопленая,
И как верба, да был, наш свет-то, золочонан,
И быв сахарная он был да деревиночка,
380 И как налимная изюмна ягодиночка.
И уж как этою студеной холодной зимой
И наша милая скачоная жемчужинка,
И быдто деревцо, наш свет, да подсеченое,
И во сыром бору береза подсушоная,

- 385 И не дозревша как теперь да ягодиночка,
И быдто вѣшная земля да ворошоная,
И на лугах трава, наш свет, да подкошоная,
И быдто рыбинка во сетку изловленная,
И как ясен сокол во клетку посаженой;
- 390 И как сегоднешним господним божним денечком
И скрозь туман да пече красно это солнышко,
Скрозь-то темный лес светлеет млад светел месяц
И скрозь облак-то течет да наша милая звезда
да подвосточная.
- И ты гляди-смотри, сестрица сдвуродимая,
395 И на сердечное рожоно свое дитягко;
И нынь не годышек ведь с им да годовать,
не уречная неделя красоватися;
И прошла зимушка студена — не видаютца,
И вдруг неделя миновалась — не слыхаютца;
- 400 И на часу наши бурлаки одеваются,
И во злодийную палату снаряжаются.
ты послушай, свет-сестрица сдвуродимая:
И как ночесь да было темной этой ноченькой,
И у тебя да про сердечно мило дитягко,
- 405 И было убрано хоть складнее зголовьице,
И хоть ложился спать по позднему по вечеру,
И сговорил да тут скачоная жемчужинка:
«И я последнюю-то сплю да темну ноченьку
И на этой на пуховой перинушке,
- 410 И на убраном я на складнем на зголовьице;
И ты послушай же, родитель-родна матушка,
И не клони да в сон победной буйной головы,
И подле сядь да на тесовую кроваточку
И супротив да ты обидного сердечушка.
- 415 И ты гляди-смотри, родитель, во бело лицо
И ты погладь да по несчастной буйной головы,
И подроци ты по несчастным по белым грудям,
И не жалей—зажги свечи да воску ярова».
И темной ноченькой свечи горят-туманятся,
- 420 И как несчастной добрый молодец печалится;
И не спокойна была темна ему ноченька;
И знать, што ведае ретливое сердечушко,
И нынь над молодцом великую невзгодушку;

И он не сном да темну ночь коротает,
425 И он горючима слезама обливається;
И от победных молодецких его слезушек,
И потонувши круто-складнее зголовице,
И полинявши наволочечки шолковыи;
И с тоски смахне молодецки свои рученьки
430 И на печальную молодецкую головушку,
И с горя рвет да свои жолтыи кудерышки,
И подает да он родимой своей матушке:
«И ты возьми, моя родитель жалосливая,
И мои жолтыи завивныи кудерышки,
435 И ты клади да во гербовый лист-бумаженьку,
И положи кудри во правую во пазушку,
И прижимай да ты к ретливому сердечушку;
И знаю-ведаю, горюи да я печальной:
И што забудешь ты, родитель-родна матушка,
440 И ты меня — свое сердечно мило дитятко;
И ты, ведь, поясок носить будешь слабешенько,
И ты обронишь мои жолтыи кудерышки,
И подойдут да светы братьица родимыи
И мои жолтыи завивны там кудерышки,
445 И повыкинут с хоромного строеньица,
Иль сожгут оны в огни да в этом плящем».
Еще слушай же, сестрица двуродимая:
Уж как эту скачоную жемчужинку
И ты в бесчастный день во середу засияла,
450 И в бесталаный день во пятницу в спородила;
И, знать, не в ту пору на свет ты попустила,
И когда божи были церкви притворены,
И во церквах да божи книги приотомкнуты,
И двери царские в церквах были приотперты;
455 И в бесталаный час по вечеру родила,
И когда кузнецы во кузницах стояли,
И как булат это железо разжигали,
И ко оружицам замки да прилагали;
И на роду служба ему, свету, уписана,
460 И на делу ему от братьев приделалася.
Еще слушай же, сестрица двуродимая:
И хоть ты думаешь, печальная головушка,
И поостанутся сердечны у тя детушки,

И то гордливы тыи детушки спесивыи.
465 И поению при всех добрых я людюшках,
И посрекаюсь при спорядных суседюшках:
И ты не матушка была да ему — мачеха,
И быдто у сердча его ты не носила;
И не слыхал да он, любимо наше племятко,
470 И как от вас, своих желанных родителей,
И он ни ласкова прелестного словечушка,
И не видал да он, скачоная жемчужанка,
И от вас да он великого желан ица,
И ненавидли светы-братьица родимыи,
475 И за столом его сидеть да за дубовым,
И на стульицах его да на кленовых.
И возрастал как он, любимо наше племятко,
И он не нашивал сапоженьков козловых,
И он не держивал бурлацка цветна платьица,
480 И была не дана ступистая лошадушка
И ходить-издить по бладычным по праздничкам;
И его кушаньем ведь вы не наважали,
И всё крестьянской работой утружали;
И вы держали-то его вместо подворничка,
485 И почитали-то его да как работничка.
И говорит тебе, сердечно мило дитятко,
Он пеняет жалосливой тебе, матушке:
«И попустила што великое желаньице,
И по гол»вушке, родитель, нонь подрачиваешь:
490 Я не дитятко тебе да не сердечное,
И ты солдатушком меня да ведь засияла,
И ты солдатушком меня да ведь спородила;
И не на красном да я солнышке повырощен,
И уж я рос да на катучем синем камышке;
495 И не дитятко ты растила, изменушку;
И надсмехались светы-братьица родимыи,
И надрыгались желанныи родители;
И удивляюсь я, удалый добрый молодец,
Уж как этюей студенной ноньку зимушкой,
500 И стали светушки, ведь, братьица ласковыи,
И родима моя матушка спацливая;
И кругом около родитель-то подхаживат,
И хоть во ясны мне-ка очушки поглядыват.

И уласкают светы-братьвица родимы,
505 И все милыма прелестныма словечушкам,
И утешают-то бесщастна добра молодца.
И я того, бедный бурлак, да обиждаюся,
И при последи я скажу да поры-времечка:
И мне-ка не было, бурлаку, преберегушки,
510 И от родителей великого желаньца;
И уж как мне-кова бесщастну добру молодцу
И мне-ка не было ведь сладка уяданьца,
И мне медвяного бурлаку упиваньца;
И не настроено да мне-ка цветна платьца,
515 И все вы ладили на милых других детушек.
И я повыстану по утрышку ранешенько,
Я обуясь в сапоженка поскорешенько,
Я одену хоть шубенку стозаплатнюю,
И подпояшусь я, победной, хоть веревчонкой,
520 И снаряжусь да на крестьянскую роботушку,
Я во эти во темны леса дремучии,
Я за этима травама за зеленыма;
И мои братьвица в домы да оставаются,
И на пуховой перинке проклаждаются;
525 И хоть прииду со темных лесов дремучих,
И я повыпрягу ступистую лошадушку,
И приведу да я на стойлы на конинны,
И задам лошадям яденья со питемьцем,
И я приду да во хоромное строеньце,
530 И у моей да у родителя, у матушки,
И произведены обеды полуденны;
И отдыхают-то сердечны у ней детушки,
Как мои да милы братьвица родимы;
И по избы стану, бесщастной, я похаживать,
535 И говорить стану родителю я матушке:
«И вы накройте-тко на стол да на дубовой,
И вы дайте мне яденья со питемьцем».
И по избы станешь, родитель, ты похаживать,
И ты несвесела на молодца поглядывать,
540 И ты неласково со мной да разговаривать.
И уж как этоей студеной холодной зимой
И сдивовалися ведь добры эти людюшки;
И хоть стала нонь близешенько подхаживать,

И в устах держишь хоть прелестный словечушка,
545 И во сердцы нету великого желаньица,
И лицемеришь нонь при добрых столько людюшках,
И обиждашь столько удала добра молодца;
И мис-ка из ролу ведь было да из племени,
И все желанная родитель была — тетушка,
550 И на любимое была да краснословице,
И на сердечное великое желаньице,
И на заступушку была на приберегушку;
И у меня нонь, у несчастна добра молодца,
И так победное сердечко разгорелось,
И так обидушка с досадою расходилася:
И не ласкайте, светы-братьица родимьи;
И ты не плачь да понапрасну, родна матушка,
И не диви да многих добрых столько людюшек:
И я не дитятко тебе да не роженое;
560 И, знать, не трудничек я вам да не работничек,
И не старатель был крестьянской, видно, жирушки,
И не рачитель до участков деревенских;
И знае-ведае ретливое сердечушко,
И што вы растили удала добра молодца,
565 И во людюшки вы растили казенныи,
И на убойну эту службу государеву,
И на измену светам-братьям родимым.
И высоки да, знать, вы терема постройте,
И, знать, зеленыи сады да принасите,
570 И винограду, видно, в садику наростите;
И как послы меня, несчастна добра молодца,
И принаскопите казну да вы бессчотную,
И будут детушки стоять ваши любимьи,
И во уличках стоять оны рядовных,
575 И во лавочках стоять оны торговых;
И уж как я, да горе-горькой е детинушка,
И единешенек удалый добрый молодец,
И отрешон да от крестьянской я от жирушки,
И приотказан от хоромного строеньица,
580 И быдто птиченька в лесах да заблудящая.
И так же я, бедной несчастной добрый молодец!
И прости-извини, родитель-родна матушка,
И што попенял да я при добрых тебе людюшках,

И посудячил при спорядных суседушках.
535 И я клоню тебе бесщастну буйну голову
И молодецко бесталанное сердечушко».
И я скажу тебе, сестрица сдвуродимая,
И гля людей — зря рушишь горьки свои слезушки,
Как вестимо всем спорядным суседушкам
591 И про его да молодецко возрастаньде,
И какова была от вас да приберегушка;
И он гневен да наш сдвольной белой светушко,
Што говорят да его братьнца родимы:
«И мы возростили себе да все изменушку»,
595 И оны ходя светы-братья — взвеселяются
«И славу богу-то теперь да славу господу:
Е замена в грозной службе государевой». ³⁷

★

И ты послушай, спорядовая суседушка:
И ты проглупала скачоную жемчужинку,
601 И прозабыла ты, печальная головушка,
Как в досюльны времена да было годышки,
И были людюшки ведь е да запростейшин,
Уж как прежний-то народ да был, ведь, спацливой,
И новгородский крестьяна не баловливы,
605 И как судьи да в тую пору правосудливы,
И как власти да тогды были милосердны,
И были времечка в ту порушку спокойныи.
И прозабыла ты, печальная головушка,
И што, ведь, времечко идет да ускоряется,
610 И пошли людюшки, ведь, е да все баловливы,
И судьи-власти-то пошли-да скрозекозныи,
И начальнички пошли да все бездельныи,
У их женушки пошли да белорукии,
У их дочушки пошли да нечевухи:
615 И не ткиюшки оны да не прядеюшки,
И одно у их в умы да одно в разуме
И все белила-то у их да со румянами,
И как хвостом вертеть да как ногой тряхнуть;
И не знают-то, бесщастныи, не ведают,
620 И што, ведь, дом вести — не головой трясти;
И как от этого велика беззакония,
И как от ихного теперь неправосудия,

И на часу да все законы составляются,
И на минутой вси статьи да рассуждаются;
625 И мужиков-то все судить да добираются,
И их наглядко бесщастных разоряют.
И как за наше за велико согрешенье
И пошли годышки ведь нонь да все бедовыи,
И зачастую неприятель все волнуется,
630 И под Русию подселенну подбирается,
И пошли часты нонь наборы государевы.
И ты послушай, спорядовая суседушка:
И да ты властна всем сердечным своим детушкам,
И ты бы ладила в урчны их во годышки,
635 И ты бы славным купцам да все богатыим,
И ты бы нажила золотой казны бесщотной;
И не спала бы ты по темным по ноченькам,
И ты ездила б к судьям неправосудным,
И ты по эгым писарям да хитромудрым,
640 И на безлюдье золотой казной дарила бы,
И штоб подальше жеребьям да сложили бы
И твою милую скачону бы жемчужинку;
И нынь схватилася, спорядная суседушка,
И жалить да все сердечно свое дитятко,
645 Как по близешеньку в бумажку записали;
И ты проспала-то по темным по ноченькам,
И нынь проглупала по божьим по денечкам;
И на-б вдруг спустить сердечно нонько дитятко.
Из очей да ведь скачоную жемчужинку,
650 И единешенька удала добра молодца,
И от доброй крестьянской от жирушки.
И вам укор да от спорядных суседушек.
И обижаться-то сердечно буде дитятко,
Што поотдали во службу государеву,
655 Пожалили светушков-братцев родимых.
И, звать, так сужено скачонной жемчужинке,
И на роду судьба бесщастному уписана,
И на делу да, видно, служба доставалася
Твоему да все печальну милу дитятку.
660 И как на этой на урчной на неделюшке
Я заметила, печальная голоушка:
И как поедет-то бесщастной доброй молодец,

Он на доброй на ступистой лошадушке,
 И на хороших на санках самокатных,
 665 И он на славном коври новгородском,
 И принаклонит-то булацкую головушку;
 Я повыду на крылечико переное,
 Я гляжу да на путь-широку д роженьку,
 Я в раздольце, горюша, во чисто поле,
 670 И на бе-счастливого удала добра молодца;
 И он иде путем-широкой дороженькой,
 И он раздольцем, победной, все чистым полем,
 И он глядит да ва четыре вси сторонушки,
 И молодецки горьки слезы проливает,
 675 И он с головушки фуражечку снимает,
 И кашемировой платочик вынимает;
 Им подмахиват бессчастно бело личушко,
 И утирает, бесталанной, горючи слезы,
 Знать — што ведае ретливое сердечушко
 680 И над собой да злу великую невзгодушку;
 И прогляжу, бедна горюша я, бессчастливая,
 И как на светушка я братца, на родимого.
 И ты послушай, спорядовая суседушка:
 И ты бы взяла золотой казны по надобью,
 685 И ты сходила бы во улички рядовыи,
 И ты во лавочки зашла бы во торгоньи,
 И закупила лист бумаженьки гербовой
 И наняла бы писарев да хитромудрых;
 И ты списала у скачоной бы жемчужинки
 690 И его ласковы, прелестны бы словечушки.
 И ты учливу бы умильню поговорюшку,
 И ты цветно бы бурлацко его платьице,
 И бессчастно молодецко его личушко,
 Бесталанны бы слезливы я ны очушки.
 695 И ты держала бы во правой белой рученьке,
 Прижимала бы к ретливому сердечушку,
 И прилагала бы ко блеклому ко личушку;
 Ты на светло бы христово поскресеньице,
 На стопочке держала бы точеной.
 700 Как во нашем селе да деревенском,
 Как у нашей божьи церкви посвященной,
 И во приходе буде праздничек годовой;

Как приезжать да станут сродчи-милы сроднички,
И соберется вся порода именитая,
705 И да вы сладите обеды полуденныи,
И тут сходила в мелкорублену бы клеточку,
И ты бы принесла патрег да личе белое
И становила бы за стол да за дубовой
Ты на это бы косевчато окошечко;
710 И сродчи-сроднички глядели-любовались бы;
И ты сама села, победна бы головушка,
И супротив бы ты пагрета лича белого,
И ты дровича по гербовой бы бумаженьке,
И тут вспомнила сердечно ты бы диятко;
715 Все бы род-племя любимо вспамятили бы
Как за ртым столем да за дубовым;
И нагляделась бы, спорядна ты суседушка,
Как на сердечное рожоно свое диятко;
И ты бы причетью, горюша, причитала,
720 И сговорила бы, несчастна, таково слово:
«Хотя ж прибрались вы, род-племя любимое,
Хотя ж все вкупе — порода именитая,
И единой нету скачоной жемчужинки;
И мы не знаем-то, победнушки, не ведаем,
725 Где победной дитё да обрещается;
И светы-братыца с породой угощаются,
И за дубовым столем да проклаждаются,
И едино, може, несчастно это диятко
И трои суточки ведь, дитё, не сдаютца,
730 И неделюшку спокою не видаютца;
И, может, на страсти, наш светушко, на ужастн,
И на сраженьице наш свет да на великом;
Не до бладычного господнего да празднича
И не до сладкого ему да уеданьца;
735 И, может, горькими слезама обливается,
И ретливо сердце, ведь, кровью запечаталось,
Как во этой грозной службе государевой,
И во несчастных солдатушках походных.
И в слезах вспомнит он родиму свою родинку
740 И сговорит, столько несчастной доброй молодец
И между братией-солдатамы походными:
Как сего дня, скажет, денечка господнего,

Прина Андреевна Федосова

Как на моей на родимой, скаже, стороне,
 И как у нашей пресвятой да богородицы,
 745 И е престол да ведь господень божий праздничек,
 И е гулянице на широкой на улице,
 Как собраньиде душам да красным девушкам,
 Все гульбищечко удалым добрым молодцам;
 Уж как мы, бедны, несчастны солдатушки,
 750 Не на гульбищечке ведь мы да проклаждаемся,
 С завоенным мы оружием забавляемся
 И нас не носят с горя резвы ношько ноженьки,
 И не глядят да на свет ясны наши очушки».

И ты послушай, спорядовая суседушка:
 755 И пожалела золотой казны бессчетной,
 И не пожалела ты сердечно свое дитятко;
 И те не наняла писаречка хитроумного,
 И не списала еще, победна ты головушка,
 Как ведь дитятко тебе да выговаривал,
 760 И скрозь обиду при добрых людях высказывал,
 Што ублаждали-то его да как нанемщика;
 И обиждалося сердечно мило дитятко,
 И на тебя, да на родитель, все, на матушку,
 И он на светушков на братьицев родимых.

765 И не списала на спамин свой скачоной
 жемчужинки,
 И на роздий своей великой кручинушки.
 И молча схватишься, спорядная суседушка,
 Да как поживешь с любимыма со детушкам,
 И не будет-то победной приберегушки,
 770 И уваженьица от милых своих детушек;
 И тут вспомнишь ты скачоную жемчужинку,
 И ты печальное сердечно свое дитятко,
 И скрозь обидушку, горюша, ты великую.
 И да ты дождешься разливной весны красной,
 775 И ты повыдешь все на широку на улочку,
 И с горя сойдешь ты к крутому ко бережку;
 И быстры реченьки теперь да поразобьются,
 И сине славное Онего порасполется,
 И ты глядить станешь за сине за Онегушко,
 780 И ты наглядать будешь черных больших кораблей
 Издалека, бедна горюша, из спня моря,

Не забеляют ли там тонки белы парусы,
И не покажутся ли черны больши корабли,
И не подъедет ли сердечно мило дитяtko,
785 И он ко пристани, наш свет, да корабельной,
И он на тихии, наш светушко, на заводи;
И не дождешься ты, печальная головушка;
Взад воротиться в хоромное строеньице.
И ты патрет взяла б — бело его личушко,
790 И ты ходить стала б по хоромному строеньицу,
И ты во светлую сходила бы во светлицу,
И ты носила бы патрет да бело личушко,
И супротив очей во белых своих рученьках,
И ты клала бы на стол да на дубовой,
795 И, обходя ж, да ты патрету поклонялася,
И ты горючима слезамы обливалася,
И тут разделяла велику бы кручинушку,
И тут спромолвила едино бы словечушко:
«Наглядитесь-ко, несчастны мои очушки,
800 И вы на эту на гербовую бумаженьку,
И как на милое, сердечное на дитяtko».
И пораздумайся победным своим разумом:
И твои ноженьки, победна, притопталися,
И твои белыи-то ручки примахалися,
805 И ясны очушки твои да притомилися,
И твоя сила у несчастной придержалася,
И твой век да у горюши скоротался, ведь,
И пристарела ты, спорядная суседушка,
И не видать, може, сердечна буде дитяtko,
810 И, може, наслыхе, горюше, не слухать буде;
И быдто вёшная вода со льдом разойдется,
И так же ты, бедна, со дитяtkом расстанешься:
И поразлучат-то победную головушку,
Как во этом тебя городе Петровском,
815 Во приемной палате белокаменной,
Уж как эти судьи непровосудны,
Уж как эти власти немилосерды:
И отведут этих несчастных рекрутиков
Как во эти во казармы во казенны;
820 И вы без спросу к ним, победны, не сходите.
И без доклада вы в глаза да не увидите;

И как их выпустят на широку на улочку,
 И впереди да у их будут провожатели,
 И позади дают солдата-караульщика;
 825 И хоть пойдешь, бедна, в казармы во казенныи,
 И золотой казной, ведь, надо подаритися,
 И угостить надо, ведь, дядков-то со старшма,
 И угостить надо, горюшице, употчевать.
 И ты послушай, спорядовая суседушка:
 840 И я порасскажу печальной все головушке,
 И накажу тебе, спорядной суседушке:
 Я сама была, печальная головушка,
 И во злодийном была городе Петровском,
 Я со светушком со братцем со родимым;
 855 Я сама знаю, горюша, про то ведаю,
 И как ходить да во казармы во казенныи
 И по часам ходить туда да по минуточкам.
 Я ходила как ко братцу ко родимому,
 У дверей да я дарила все придверничков
 870 И угождала его крепких караульщиков;
 И придержала золоту казну бессчотную;
 И хотя ж придем мы по утрышку ранешенько,
 И крепко-накрепко воротушки призаперты,
 И плотнешенько решоточки задвинуты;
 885 И кругом-около, горюшицы, похаживаем,
 На часовых этых солдатушков поглядываем,
 И поскорешеньку ль ворота поотложатся,
 Што решоточки в казармы приотдвинутся ль,
 Скоро ль выпустят скачонных жемчужинск —
 890 Прогуляться их на широку на улочку,
 И повидать да нам, победным головушкам:
 И ты вспомнишь, спорядовая суседушка,
 И мое бедное, уныло причитаньице;
 И не радела бы, печальная головушка,
 905 Порасстаться-то с сердечным тебе дитятком.
 И все не верят-то судьи неправосудныи,
 Не разумиют все власти немилосердыи,
 Што нам жаль-тошно сердечных милых детушек.
 Я гляжу-смотрю, печальная головушка,
 920 И на твое да на сердечно-милу дитятко:
 И быдто вёшная земля да ворошенная,

И твое милое сердечно сидит дитятко,
И вдруг подзяблая изюмна-ягодиночка,
И вдруг подсохшая сахарна деревиночка;
865 И скрозь туман да пече красно это солнышко
И на несчастного удаля добра молодца,
И долит его великая заботушка.
Ушибат его злодийная незгодушка;
И жаль расстаться-то словольну белу светушку,
870 И ему с добрым хоронным строеньицем,
И со светлой ему да все со светлицей.
И как сего дня, сего денечка господнего,
И как у вас да во столовой новой горенке,
И хоть расставлены столы у вас дубовыи,
875 И на столах да самовары хоть шумячии,
И хоть садилися сердечны твоя детушки
И на стульица садилися на кленовыи,
И дружьев-братьицев садили все приятелей,
И своих милых садили поровечников,
880 И мы глядили все, победныи головушки,
И со сторон да на скачонных жемчужинок,
И у единого сердечного у дитятка
Как дрожат да молодецки белы рученьки,
Как поднять да эта чайна столько чашечка,
885 И он не чаю столько, свет, да искушает
И он горючи-бедны слезы проливает:
И твои детушки, ведь, тут сильно расплакались:
Да за дубовым столом да разобиделися,
И оны ду-другу тут братья покоряются,
890 И одну да свету-братцу покланяются,
И наливают ему чару зелена вина.
И говорит эта скачонная жемчужинка,
Он своим да светам-братьицам родимым:
«И што за чудышко теперь да причудилось,
895 И што за дивно в доме диво проявилось?
Што дубовые столы да порасставлены
И тонки, гладкии сукна да поразостланы,
И што собраньице народу-людям добрым;
И я взгляну да на косевчаты окошечка —
900 И прикручинивши косевчаты окошечки,
И на слезах стоят стекольчаты околеники

И при печали самовары-то шумячи;
И што почтеньице от братьев, угощеньице,
Уж как мне-кова удалу добру молодцу.
905 И не честное ведь у нас да пированьице:
И не веселое у нас да столованьице:
И за столом да я не князь сижу молодой,
И сижу молодец теперь я под неволюшкой,
И при досадушке сижу да я несносной.
910 Уж вы слушайте, дружье-братье приятели,
Уж вы пейте чай, кофеи горячи,
Взвеселите-тко победную головушку,
Вы воспойте-тко унылу жалку песенку:
Я менять буду кручину на весельице;
915 И как послы меня дородня добра молодца,
И вы пойдите, бурлаки, на гуляньице,
И вы на тихии смиреннии беседашки,
И вы вспомните бессчастна добра молодца,
И во шестерочках, бурлакушка, веселых;
920 И столько не-весто, дружье-братье приятели,
Не могу да звать удалой доброй молодец
И мне-ка быть ли на родимой на сторонушке.
И сговорит еще удалой доброй молодец:
«И супротив стояшь, родитель-родна матушка,
925 И хотя ж рушишь ты, горюша, горючи слезы;
И как послы меня, родитель жалосливая,
Буде жалуешься да бессчастна добра молодца,
И ты гляди, моя родитель-родна матушка,
На моих дружьев гляди да на приятелей,
930 И на любезных гляди да поровечничков:
И зазови моих любезных поровечничков,
Хоть на бладычный ты господень божий праздничек
И угости, моя родитель, их употчевай,
Будто своего, родитель, да ты дитятка».
935 И ты послушай же, спорядная суседушка,
И примечай его ласковыи словечушка,
И прилагай слово к ретливому сердечушку,
И поплотнее ты ко зябллой утробушке. ³⁸

★

940 И ты послушай, златокрылой наш ясеи сокол,
И да ты милой, спорядовой наш суседушко!

И не забыть буде, победным нам головушкам,
 Все тебя да нам удала добра молодца.
 И мы сберемся как, спорядныи суседушки,
 И на сидиму, на прядимую беседушку,
 9 5 И хоть придут да твои милы поровечники,
 Не забудем мы, печальныи головушки,
 Все тебя да златокрыла ясна сокола,
 И все печальных словечушек слезливых
 И все обидных наказов молодецких;
 И скрозь обиду доброй молодец высказывал,
 950 И скрозь злодийную кручину выговаривал, —
 И жаль тошнешенько, победным нам головушкам,
 И тебя, милую скачоную жемчужинку;
 И поговорюшка была твоя учливая,
 955 И разговорюшки-то были чваковитыи;
 И ты шутил да все на широкой на улчке,
 И не обидел ты ведь добрых-то людюшек,
 И не грубил да спорядовых суседушек,
 И не кливил да ты, ведь, малых этых детушек;
 960 И шугя времечко у света проходило.
 И сожалием мы, печальныи головушки,
 И за твое да за велико доброумице,
 И за прелестныи твои ласковыи словечушка;
 965 Все жалиют многи добрыи тебя людюшки,
 Все окольныи спорядныи суседушки,
 И желиют тебя малы недоросточки.
 И за столом да сидит молодец дубовым,
 И хоть на стульицах, наш свет, да на кленовых,
 И молодецкой буйной головой покачиват,
 970 Он бесчастныма кудеркама потряхиват,
 И он горючима слезама обливается,
 И великой кручиной утирается;
 И не в любимую дороженьку справляется,
 И не по разуму извошички молодыи:
 975 И не везите-тко, ступистыи лошадушки,
 И вы бесчастного удала добра молодца,
 И ко злодийному ко городу Петровскому,
 Ко прицемной палате белокаменной;
 И на пути да, добрыи кони, становитесь-ко,
 980 Уж ты взад да со дорожки воротись-ко;

И возвратись да, наш спорядной ты суседушко
И ты взад да на родимую сторонушку,
На утехушку ты нам — на доброушьице. 39

★

Вы послушайте, народ да люди добрыи,
935 И вси суседушки мои да спорядовьи!
Как утрось было, с по ранному по утрышку,
Как до раннего цетунья воспеваньица,
И до уныла соловьиного жупляньица,
И красно солнышко в тумане выкаталось;
990 И добрый молодец с кручинушки ставает,
И со обиды резвы ножки обувает,
И со печали цветно платье надевает,
Горючмы слезмы личё да обмывает,
И стоворит да он, победной, таково слово,
995 И он мни да все родимой своей матушке:
«И благослови да на сесь день меня господней
И ты, желанная родитель-моя матушка».
И стоворит еще бесщастной доброй молодец,
И он в обидушке, победной, таково слово:
1000 «И я спал да ведь бесщастной доброй молодцу,
И, знать, последнюю господню божью ношеньку,
И во своей да я во светлой во светлице,
И на этой на тесовой на кроваточке,
И на своей да на пуховой на перинушке,
1005 И на этом крутом складнеем згольвице,
И я под теплым соболиным одеялышком;
И не сном-то коротал да я, ведь, темну эту
ношеньку,
И думал думушку, бесщастный, во бессоньице,
И обливался я слезами во кручинушке,
1010 И ретливо мое сердечко подмывало,
И бесщастная утроба обмирала,
И, знать, приходит та пора да это времечко,
И как последние часы да со минуточкой,
И как мне-кова, удалу добру молодцу,
1015 И на-б поехать со хоромного строевица,
И разлучиться со родителю со матушкой,
И порасстаться с родом-племенем любимым,
И на век бросить да родиму эту сторону.

Ой, тошнехонько, родитель жалосливая,
1020 Мни, несчастному удалу добру молодцу».
И не поверите, народ да люди добрыи:
И не в могушку слезливыи словечушка,
И не по летушкам великая ознобушка,
Уж как мни, да ведь кокоше горе-горькоей;
1025 Вдруг как треснуло ретливое сердечушко,
И перелопала несчастная утробушка,
И от тошна́ долит великая кручинушка,
И на глазах слезы у беднушки не ставятся,
И не в моготу мни се-светное живленьице. 40

★

1030 И ты послушай, спорядовой наш суседушко:
И за тебя да вси бладыке мы помолимся,
И мы пречистой пресвятой да богородице,
Штобы господи, бладыко-свет, помиловал,
Дал бы господи, ведь, доброго здоровьица,
1035 И ума-разума во буйну бы головушку,
И понятия в ретливо бы сердечушко,
И тебе мудрости в бурлацкую утробушку,
И за твое да за великое смиреньице,
И за твое да за велико доброумьице;
1040 Ведь смиреньице у тя было со кротостью,
И всим челом да было низко поклоненьице;
Ты по уличке ходил да свет тихошенько
И ту головушку носил да понизешеньку;
Поговорюшка была твоя ровнешенька,
1045 И сердечушко, ведь, было не спесивое,
И добрый молодец ты был да не гореливой;
И да ты старого суседа не огрубил,
И да ты малого бладенца не обидел.
И быде сойдешь ты во службу государеву,
1050 И спаси, господи, удала добра молодца
И от побоев-то тебя да от тяжелых,
И от страстей-властей тебя да страховитых;
И ты послушай, спорядовой мой суседушка,
И не поставь во гнев, сдвольной белой светушко,
1055 Што понáкажу, кручинная головушка,
И не шали да ты там, дитё, не сбалуйся-тко,
Не упивайся во хмельны да там наиточки;

И, может, даст да господь службу не тяжолую,
И раскрое бог науки вси великии,
1050 И тебе да все во службе государевой;
И ты повыслужишь уречны свои годышки,
И, може, судит бог, бладыко многомилосливой,
И побывашь да на родиму ты сторонушку,
И с родом-племенем, несчастной, увидаешься;
1055 И издалека да, ведь, солдаты ворочаются,
И на великих сраженьицах спасаются.
И еще слушай, спорядовой мой суседушко:
И как катучей этот камень не мѣхнатеет,
И так походной-то солдат да не богатеет.
1070 И ты запродал бы любимую скотинушку,
И да ты взял бы золотой казны по надобью.
И как во этой в грозной службе государевой,
И вы придержитесь, победны, притаскаетесь,
И там износится солдацко у вас платьеце,
1075 Вся притопчутся казенны сапоженьки;
И вы к начальству появиться не посмиете;
И вам, ведь, не нажить мундеров — сукон сѣрых,
И вам, ведь, не обуть несчастных своих ноженек.
И еще слушай-ко, спорядной наш суседушко:
1080 И не могу да знать, кручинная головушка,
И увидаем ли, спорядныи суседушки,
И мы тебя, да златокрыла ясна сокола,
И как на сем да мы, горюши, на белом свете
И хоть через три да вы учетных этих годышка,
1085 И хоть как да ни е весточку послали бы,
И хоть три строчки вы, победны, написали бы,
И мы бы знали хоть, горюшицы, да ведали:
И вы в какой орды, несчастны, во коей земли,
И в сухопутном ли вы, светы, прохожденьице,
1090 И у сня моря ль вы, светы, на сраженьице,
Аль на крутом вы, ведь, светушки, на бережку.
На жолтых песках стоите ль на сыпучних;
И уже где да вы, победны, сохраняетесь,
И от злодией-неприятелей спасаетесь,
1095 И в раздолъицах степях ли во великих,
Аль в долинушках, победныи, во диких;
И упишите нам, сдовольны белы светушки.

- И у вас, може, несчастных у солдагушков.
 И золота казна на тот час не случается,
 1100 И хитромудры писаря будут призаняты,
 Аь не будет у вас вольной столько волюшки;
 И тут приде да как разливна красна веснушка,
 Как повытают снежочки со чиста поля,
 И повынесе ледочки со синя моря,
 1105 И будут корабли в синем море шататися.
 И вы на кораблях, несчастный, скитатися,
 И там увидите да малу эту птиченьку,
 И как летит она в родиму вашу сторону,
 И понизешеньку вы птице поклонитесь-ко,
 1110 И словечно перелетной накажите-тко,
 И все ко родушку теперь да вы ко племени,
 И хоть по низкому поклону челобитному,
 И со обиды об солдацком живленьице;
 И мы глядять будем, кручинныи головушки,
 1115 И на печальну перелетну малу птиченьку,
 И коя летит ниже облачка низешенько,
 И она машет столько крылышком тихошенько,
 И она голосом ведет да унылешенько,
 И она жалобно, ведь, птичка розговаривае,
 1120 И она бьет челом тут нам да покланяется,
 И порасскаже тут печальным нам головушкам:
 «И лечу птиченька с-за гор я с-за высоких,
 И с-за лесушков лечу да с-за дремучих,
 И я со дальною со чужой со сторонушки,
 1125 И с-за славного с-за синего с-за морюшка,
 И мы ведь летячи дорожкой приустилаи,
 И в синем морюшке корабль да увидали,
 И на покой да мы на отдых становилися,
 И мы на корабли на мачты тут садилися,
 1130 И много ужасно солдатов мы смотрели,
 И как один столько солдагушко несчастной,
 И он по кораблю, солдагушко, похаживат,
 И он печальну меня, птиченьку, высматриват:
 «И ты откуль летишь, ведь, птича, куды путь
 держишь,
 1135 И на мою ль летишь родиму на сторонушку?
 И ты лети, да эта птиченька, тихошенько,

И ты, ведь, слетишь на родиму мою родину,
И ты под северну холодную сторонушку,
И ты за славное за сине за Онегушко,
1140 И увидашь моих желанных родителей,
И всех спорядных моих да ты суседушек;
И скажи низкое поклонно челобитьице
И от меня, да от солдатушка несчастного». 41

★

Быдьте прокляты, злодии супостаты!
1145 Вергай скрозь землю ты, нехристь вся поганая;
И секите вы кудри поскорая,
И точите вы бритвы повостряя,
И уж вы брийте его да побеляя.
Охти мни, да мне тошнехонько!
1150 И кабы мне да эта бритва навостренная,
И не дала бы я злодийной этой нехрести,
И над моим ноньку рождением надрыгаться;
И распорола бы я груди этой нехрести,
И уж я выняла бы сердче тут со печенью,
1155 И распластала бы я сердче на мелки куски,
И я нарыла бы корыто свиньям в месиво;
А я печень я свиньям на уеданьице. 42

★

Как сегодняшним господним божьим денечком,
Во несчастный час, во злу эту минуточку,
1160 Уж как приняли бурлакушков молодых
Во приемную палату белокаменну,
И их подбрили-то, удалых добрых молодцев,
И во злодийную во службу государеву;
Тут им дали этих крепких караульщикова,
1165 Да им дядьку становили-то со старшим;
И тут сводили в божью церковь посвященную,
И приводили их к присяге вековечной;
И выше головы кресты оны вздымали,
И свою сторону солдаты забывали,
1170 И отца, матушку рекруты проклинали:
«И мы служить будем царю-богу россейскому,
И мы стоять будем за веру христианскую;
И мы не сделаем измены в каменной Москве,
И мы спасать будем Россию подселенную,

- 1175 Мы оружице держать да на правом плече,
И саблю вострую держать да во правой руке». —
И тут повыдали солдатикам молодым,
Как молодым солдатам новобранным,
- 1180 И не по ноженькам сапоженьки козловыи,
И не по плечушкам мондеры сукон серых;
И на головушку им шляпы не пуховыи —
И да им киверы солдаткии — пудовыи.
И тут соймут да молодецку вольну волюшку,
И тут повыдадут им ружьица тяжолыи,
- 1185 Их отправят в путь-дорожку незнакомую;
И во поход сошлют удалых добрых молодцев
И как во эты горожа да не в бывалыи,
И дале-дале от родимой от сторонушки.
И оны пойдут путем-широкой дороженькой,
- 1190 Хоть студеноей пойдут да холодной зимой,
И как повыстанут на гору на высокую,
И оны брякнут тут оружием завоенным,
И оны топнут правой белой этой ноженькой,
И спюют с горя унылу жалку писенку;
- 1195 И оны, стоячи на горы на высокой,
И вспомянут-то родиму свою сторону:
И ты продай, наша рсдимая сторонушка,
И ты, гульливая сторонка, щегольливая.
Уже слушайте, солдаткии молодыи,
- 1200 Да вас сошлют как на чужу на сторонушку,
И на-б у будочки стоять да студеной зимой,
И на часах стоять, несчастным, на всеночных;
И от земли да зябют резвы ваши ноженьки,
И от оружица зябют да ручки белыи,
- 1205 И как от ветра подвеват да блекло личенько,
И от морозушку сердечко порастрескает;
И вы у будочки-то будете полаживать,
И сапог о сапог, ведь, вы да поколачивать,
И с руки на-руку ружье да перекидывать;
- 1210 И глядеть да вы будете, несчастныи,
И выше лесушка глядеть да по поднебесью;
И ты смотреть будешь, солдат, да на светел месяц
И на эты часты звезды поднебесныи:
И по-скорешеньку ль светел месяц закатится,

- 1215 И часты звездочки в минуточку стеряются ль,
И скоро ль свет да ясна зоренька просветится,
И распечет ли это красное, ведь, солнышко
И обогреет ли солдацкое сердечушко,
И приоттает ли несчастная утробушка.
- 1220 И тут вспомните родиму свою сторону,
Игут сговорите единое словечушко:
«И лучше были б мы, солдаты, не спорожены;
И как родитель нас, бурлаков, попустила,
И нас не участью-таланом наделила,
- 1225 И злой несчастной этой службой наградила».
И не дай, господи, на сем да на белом свете
Ужо жить да в грозной службе государевой:
Как еденьце солдатускам — сухарики,
Как питемьце им — водушка со ржавушкой.
- 1230 И вы послушайте, несчастныи головушки!
И как вас сошлют в безызвестную сторонушку,
Хоть за синее за славное за морюшко,
И как на этых на черных больших кораблях,
И буйны ветры в чистом поле развеваются,
- 1235 И непомерная погода подымается,
И на синем море волна да сколыбается,
И как вода да со желтым песком смешается,
И черны корабли ведь в море раскачаются,
И мачты о воду со брызгом ударяются,
- 1240 И сговорят да тут дядьки им пристаршии:
«И вы идите-тко, матросики молодые,
И не страшитесь-тко погоды непомерной,
И поднимайтесь вверх по мачтам по дубовым,
И вы держитесь-ко за снасти за смоленыи,
- 1245 И убирайте тонки белы эты парусы».
И тут сердечушко у вас да приужахнется:
И тут вспомните, несчастныи солдатуски,
И вы желанныи своих да все родителей;
И на молитвах оны да вспомянули бы,
- 1250 И за матросов оны бога помолили бы.
И столько не-весто победным не вестимо:
И поставаете по мачтам по дубовым,
И вы по этым по снастям по смоленным,
И с переполаху-то сбудут белы рученьки,

- 1256 И тут падете вы во сине во морюшко,
И во этую вы воду во глубокою.
И, буде господи вас, светушко, помилует,
И спасет нас пресвята мать богородица,
И на этом на большом да черном корабле,
1260 И вас прибьет да там ко крутому ко бережку,
И хоть не к знамым к островам да не к бывалым.—
И, може, буде вам, несчастным, воля вольная —
И как повытти-то на крутой красной бережок;
И ты по бережку иди, бедной, тихошенько,
1265 И ты гляди да выше лесу по поднебесью,
И выше гор гляди, наш светушко, высокиих,
И вровень с облачкой гляди да ты ходячей,
И примечай да перелетну малу птиченьку;
И не гусей гляди, наш светушко, не лебедей:
1270 И гуси, лебеди-то — птиченька гордливая,
И на речах да эта птиченька спесивая,
Высоко да она летит по поднебесью,
И хоть полетит по родимой твоей родинке,
И на косовчато окошко не рассядется,
1275 И про походных солдатов не рассказется.
И ты гляди-смотри, сдвольной белой светушко,
И ты печальну перелетну малу птиченьку
И горе-горьку кокошу из сыра бора:
И та птиченька ведь е да не гордливая,
1280 И на речах-баснях она да не спесивая;
И ты пиши, свет, скорописчатую грамотку,
И ты со чужеей со дальней сторонушки,
И ты со этих полков новобранных,
И ты с-за синего с-за славного с-за морюшка
1285 И ты со большого со черного со корабля,
И упиши, наша скачоная жемчужинка,
И про несчастну свою жизнь да про солдацкую,
И не пером пиши, наш свет, да лебединым,
И не черным пиши да ты чернилами,
1290 И ты письмо пиши, наш свет, да все кручиною,
И запечатай ты его да, ведь, тоскичущкой;
И хоть ты выйдешь, свет, на крутой этот бережок,
И увидашь да перелетну бедну птиченьку.
И ты клади да ей под правое под крылошко

- 1295 Уж ты эту скорописчатую грамотку;
И по этой по разливной красной вёснушке,
И мы ходить будем по широкой по улчке,
И мы глядеть будем, горюши, по поднебесью,
И мы смотреть да перелетной малой птиченьки;
- 1300 И как увидим мы кокошу перелетную,
И воскликать станем мы малу эту птиченьку
И на отход да на крылечико переное,
И на рассказ да на косевчато окошечко:
«И ты иди, да перелетна сюды птиченька,
- 1305 И ты откуль летишь, да куда путь держишь,
И со которой ты летишь да со сторонушки,
И ты с-за славного ль с-за синего Онегушка,
Ты с-за этого ль клян да синя морюшка?»
И тут птиченька ко зени ведь преклонится,
- 1310 И супротив дому она да приусядется,
И принесет да скорописчатую грамотку,
И тут смахнет да она правым этим крылышком,
И тут уронит скорописчатую грамотку,
И супротив наших косевчатых окошечек;
- 1315 И тут мы возьмем скорописчатую грамотку,
И мы сходим к писарям да хитромудрым,
И рассмотрим да скорописчатую грамотку:
Как тоской да е письмо ведь запечатано,
И с горячми слезми с кручинушкой написано;
- 1320 И прочитаем мы, печальныи головушки,
И тут узнаем про несчастного солдатушка,
И про злодийну бедну жизнь да про солдацкую.
И не поставь во гнев, скачоная жемчужинка,
Што понáкажу, печальная головушка:
- 1325 И как служить будешь во службе государевой,
И ты писать да на родиму свою сторону,
И не уписывай, сдвольной белой светушко,
И нам, ведь, низких поклонов-челобитьицев,
И упиши, наша скачоная жемчужинка,
- 1330 И про несчастно горе-горькое живленьице.⁴³

ВОПЛЬ ПО ТРЕХЛЕТНЕМ СЫНЕ

- Подойти мни-ка, кручинной, победной головушке
К своему-то к сердечному, дорогому-то дитятку;
Как сегодняшнего раннего-то утрышка,
Как сегодняшним господним божьим денечком
5 Как лежит-то дорогое, сердечно, мило дитяtko,
Крепко спит-то он сегодня, не пробудитце,
С крепка сну да не прохватитце.
Хоть личико смотреть его бумажное —
Не бежат-то слезушки жемчужный
10 И не упрашивает есвушек сахарных,
Не просит-то он питвидев медвяных
И не подходит ко мни, беднушке,
К моим-то, ко белым ко рученькам.
Рассердилсе ты теперь на нас, знать, поразгневалсе:
15 Не хорошее было тебе смотренъице
И не нежное было да воспитанъице
И побоялсе ты нашей бедной жирушки.
Как ходила я по крестьянским по работушкам,
Оставляла со чужима тебя со людюшками,
20 И тебя-то оны да обижали;
Верно, за наше-то большое прегрешеньицо
Не наставил тебе господи.
Все я думала, кручинная головушка,
Што повырошу хоть удалую головушку,
25 Хоть может будет мни-ка сменушка-надеюшка,
А то как продлитца нам долгий векушко,
Пристареют наши младыи головушки —
Нету нам великой надеюшки,
Не с кого ждать нам хлебушков.
30 Нет житья у нас, живленьиця,

- Нет хормного строеньця,
Нету скотушка рогатого,
Нет ступистых лошадушек,
Не наскоплено у нас да золотой казны.
- 35 Пристареют наши млади голушки,
Мы страшимсе своей-то волокидной, победной
жирушки.
- Што по всему миру мы, бедны, пошатаемса,
По подоконьям мы, бедны, наскитаемса.
Мы на имечко христово набираемса,
- 40 Ты послушась-ко, рожно, сердечно, мило дитятко,
Я не к праздничку тебя да отправляю,
Не в гостебищо тебя да снаряжаю,
Я на уую, бесконечну, вековечную на жирушку.
Ты послушай-ко, рожное дитятко,
- 45 Што спрощу-то я, кручинная голушка,
Теби по любви ль теперичу, по разуму
Наладила вековечно, последнее одеяньице?
Хоть не славное, не дорого —
По своему да возможеньицю;
- 50 По недугу ли тебе хормное строеньице,
Вековое тебе да домовищечко?
Хоть покрашено оно, да не побашено:
Нету терема высокого,
Не прорублено косивчата окошечка,
- 55 Не врезано хрустальное стеколышко.
Как схороним тебя во матушку-сыру землю,
Как я буду ходить к тебе на буяву-могилушку,
Я частешенько буду похаживать
Да долго буду посиживать;
- 60 Мне стоснетце, стоскуетце
По теби-то, рожно, сердечно, мило дитятко,
Посижу хоть на буявой могилушке.
Может, убудет великой кручинушки.
Послушай-ко, рожно мое дитятко,
- 65 Што скажу, бедна кручинная голушка,
Аще тайное скажу одно хоть словечушко:
Как было бы именье у нас, богачесьво,
Не так бы мы тебя похоронили бы:
Мы со славой тебя бы со духовной,

70 Мы с петьем божьим тебя бы со церковным,
Мы со звоном бы тебя да колокольным,
Мы от самой от церкви богомольной
До самого погоста постанливого.
Ты послушай-ко, рожно мое дитятко,
75 Как прибудешь ты на уной, вековечной ты на
светушко,
Как увидишь свое род-племя любимое,
Своих-то соколов, братцев родимых,
И свою-то сестриц-то ты родимых
И свою-то крестову увидишь маменьку,
80 А мою ту сестрицу родимую,
И моего-то кормильца света-батюшка, —
Уж ты сделай с нима доброе здоровьице,
Уж ты низкое поклонно челомбитьеде,
Ты скажи-тко им, пожалуста,
85 Будет есь-то им вольная волюшка,
Пусть-ко умаливают анделов,
Попросят пусть арханделов
И царицю ту попросят пусть небесную,
Самого Христа помолят пусть небесного
90 Об нас-то, о победных, кручинных головушках,
Не дал бы нам господи трудную, хворую постелюшку,
Штобы прислал-то бы к нам скорую, непосульную
смерётушку,
Штобы приубрал нас, милосливой господи,
95 От сесветной, волокидной, от шатающей от
жирушки. 45

ПЛАЧ О ДОЧЕРИ

- Подойти мни вот, спобедной, кручинной головушке
Ко своему-то к роженому к сердечному дитятку,
Ко своей-то мни-ко белой к лебедушке,
Ко умершей, ко бывшей, к подстылой головушке.
5 Не от резвых от ноженек, не от младой
головушки —
Супротив-то сесть любимого ретивого сердечушка,
И как смотрю-то я, победная головушка,
На свою-то я на белую лебедушку,
На своего-то на роженого, на сердечного на дитятка.
10 Как сегодняшним господним божьим деницьком,
Да этым-то ранним-то утрышком
Всё я думала, кручинная головушка,
Уж я думала своим да умом-разумом:
Верно, дали-то слободну пору-времечко,
15 Пожалели, знать, белу ту либедушку,
Пожалел, верно, крестовой твоей батюшко
Да желанны твои тетушки
И не будили тебя, белая либедушка,
С крепка сна оны сегодня не будили
20 И на работушку тебя не разряжали.
И также я, бедна кручинная головушка,
Поблизешенько тебя не воскликкала,
С крепкого сна-то тебя да не будила,
Ко порядни я тебя не разряжала.
25 Как раздумалась своим да умом-разумом:
Я спрошу теперь, кручинная головушка,
У тебя-то, моя белая лебедушка:
«Долго спишь ты вот теперь, да не прохватиссе,
С крепка сна-то што-то долго не пробудиссе?
30 А не по-старому, знать, спишь да не попржнему:
Нет во белых во рученьках маханьдця,

- Нет во резвых во ноженьках стояньица,
Нет во ясных оях да мигованьица,
Застоялсе-то речист язык во младой во головушке;
35 Хоть и лиденко, смотрю, есте бумажное —
Не бежат-то все, ведь, слезушки жемчужныи.
Как смотрю, бедна кручинная головушка, —
И по фатерушке она не похаживае
И на лавочке она да не посиживае,
40 И в окошечко она да не посматривае,
И по сенечкам не ходит да решетчатым,
Не выходит на любимое перёно на крылечушко
И во светлу не заходит она во светлицю,
Во столовыи не входит новы горницы
45 И за пъяльца не садитце за точеныи,
За узоры не садитце за мудренныи,
За шитьидем не сидит за рукодельным —
За любимым девицьим щепетенъицем,
Не спевает-то жупливых, жалких песенок,
50 Не веселит-то свою младую головушку,
Не потешает-то ретивого сердечушка,
У порядни не видать да ей кресьяньскойей,
У поводу домоводького:
У блинного не видать да ей пеценьица,
55 У столового не видать да сыченъица,
У удоистых коровушек смотренъица».
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Што спрошу-то я, кручинная головушка:
«Ты чего-то все теерь да побояласе,
60 Ты чего да пострашиласе?
Ты сосветнойей, безотней, верно, жирушки
И обидного победного девочесьва?»
Убралась ты на уную вековечную жирушку
Не во порушку-то ты да не во времечко —
65 В прекрасных молодых да ты во летушках,
В настоящее в прекрасное девочесьво.
Без надежной, без отнейей ты жирушки
Как была-то тебе хворая, тяжелая постелюшка
Умом-разумом была не устижимаа,
70 Добрым людюшкам была да на сдвляеньице,
Роду-племени была да на сумляеньице,

Мни вот бедной кручинной головушке
На великую тоску да на досадушку.
Ты во трудной постелюшке сбиваласе,
75 С ума с разума срекаласе.
Всё я думала, кручинная головушка,
Размышляла я своим да умом-разумом:
Попрошу-то я бога от желаньица
Да святых я от усердия,
80 Поовещаю-то я свеченьки рублевьи
И посулю-то я пелены шелковыи,
Может, пройдет-то худая пора-временчко,
Может, станет-то рожено мое дитятко
Со трудной с тяжелой со постелюшки,
85 Может, справитце по-старому, попрержнему.
Вот пришла то тебе трудная постелюшка,
А пришла-то тебе скоро, непосульная смерётушка,
Подошла она к тебе тихошенько
И убрала она тебя скорешенько,
90 Во юных, в молодых тебя во летушках.
Как ты была-то все, голубушка, в живности,
Хоть в сиродьком во прекрасном девочесьви,
Была девушка во чести да во славушке.
Добры людюшки тебя да все хвалили,
95 Называньице было тебе очимое,
Похвала тебе всегда да позаочная,
Было росту у тебя да все пригожесьва,
А красы-басы было да все угожесьва.
Добры людюшки срекалисe,
100 Все красотушки тобой да дивовалисе
И жирушка была тебе сиродькая —
Только волюшка твоя была господькая.
Уж ты жила, моя белая либедушка,
Ты в безотней, в обидной во жирушке,
105 Со своим-то со крестовым жила батюшком
Да свои были желанны твои тетушки,
Не влагали-то сердечного желаньица
До тебя-то, до красной девушки:
С благословеньица-то не было ложеньица,
110 Со исусовой молитовкой буженьица.
Будили-то по утрышку ранешенько

Все тебя до праведного солнышка,
И разряжали на крестьянскую работушку,
Не по силушке давали-то работушку,
115 Не по размыслу тебе оны заботушку:
Гди работушка та им не прилюбиласе,
Да тогда оны тобой да заменилисе,
Огрубляли тебя грубныма словечкамы,
Ударяли-то ударама ведь больныма,
120 Обижали-то тебя, да красну девушку,
Изнауряли меня, бедную горюшицю.
Тогда вилосе, свивалосе
Мое тогда победное, ретивое сердеченько.
И не посмела я, победная головушка,
125 Я взаступ сказать единого словечушка.
Была волюшка твоя да не улажена
Да головушка твоя да не учесана,
Мелка косынька-то не была ушлетена,
Тебе не было слободной поры-времечки
130 По гульбищам ходить да по прокладницам,
По веселым тебе да все по игрищам,
По годовым владычним по праздничкам,
Тебе не было любимых да гостинных неделюшек
Во почесном побывать тебе гостебщи
135 Вешных неделюшек красивых
Да осенних тебе да сербетливых,
А зимних тебе да все гульливых.
Как имели-то заботушку в головушке
Над тобой да распоряживать,
140 А не имели той заботушки
Да тебя оны улаживать:
Обувать-то твоих резвых ноженек,
Одевать твоих девочих плеченок,
Тебе не было все, белая либедушка,
145 По ноженькам-то не было обуточки,
А по плеченькам-то не было одеточки,
Каждой праздничек-то не было покупочек
Да кажимо воскресеньице — обновочек,
Тебе не было-то летних украшеньицев
150 Да зимних тебе да согриваеньицев,
Не справлены-то куньи были шубоньки.

Приходили всегда празднички годовые —
У тебя-то были слезушки готовы,
Ты садилась под косивчато окошечко,
155 Пропликала ты горючи-горьки слезушки.
Как ходили-то советны твои подружки
Ко владычному годовому ко праздничку,
А говорила ты победной мни головушке,
Што заверну свою я младую головушку,
160 Завихну свое ретивое сердечушко —
Нет по разуму мне цветных-то платицев,
Не пойду лучше к владычному ко праздничку,
Пойду лучше в дремучии во лесушки
Я по сладки по розовы по ягодки,
165 И не уходитце ль обидушка в головушке,
Не закрепитце ль там ретивое сердеченко.
Ты послушай-ко, рожонное дитяtko,
Сокрушилась моя младая головушка.
Уж как ростятчи рожонны вас детушки
170 Посли своей-то законной семеюшки,
Посли вашего кормильца света-батюшки.
Прошло десять-то учетных круглых годышков,
Как преставилась законная семеюшка,
Как осталось-то победная головушка
175 Во вдовиной, в горе-горькой во жирушке
Со своим-то со малыма с рожонныма со детушкамы
Я со глупыма со малыма осталась недоросткамы,
Я со стадышком осталась со гусиным,
А со другим — с лебединым.
180 Уж думала своим да умом-разумом,
Размышляла своей младой головошкой:
Уж я как-то стану жить теперь, победнушка,
Во большой да не в одольней семеюшке
И как возвращивать рожонных детушек?
185 Не разрушить бы мни великой семеюшки,
Не рассердить-то мни бы братца богоданого,
Вашего крестового бы баюшка,
Не разгневать бы нетлянных нешуточёк,
Мни своих-то богоданных невестушек,
190 Поприбавить бы мни разума в головушку,
Не распустить бы мни рожонных своих детушек

Мни по всим бы по сторонешкам.
 Говорил мни вот крестовый да ваш батюшко:
 «Наступила вот пора тебе не прежняя:
 195 Нынь, ведь, время тебе будет не по-старому,
 И распорядки все твои да не попрежнему —
 Если думно жить с нами во семьеюшке,
 Надо иметь много заботушки в головушке:
 Ставать надо по утрышку ранешенько
 200 Да и по вечеру ложитце спать позднешенько.
 Ты не будешь теперь да нас разряживать,
 Мы тебя теперь да будем распоряживать».
 Тут раздумалась, победная головушка,
 Я своим да умом-разумом,
 205 Уж не знала тут, победнушка,
 Применитце как к горе-горькой, к сиротской ко
 жирушке,
 Уж мни как-то жить на сем свите на белом,
 Не стерпеть будет великой кручинушки,
 Не сносить будет злодейной обидушки.
 210 Потом раздумалась опеть да умом-разумом,
 Што закреплю свое ретивое сердечушко:
 Стану горюшка во людюшки не сказывать,
 Про обиду добрым людям не рассказывать,
 Штобы горюшко мое бедно не плакало,
 215 На меня бы то оно да не судьякало,
 Приклоню свою я младую головушку.
 Приклонила я головушку низешенько,
 Покорила я сердеченько милешенько
 Своей-то я любимой всей семьеюшке;
 220 Говорила я, спобедная головушка:
 Хоть не по-старому держите, не попрежнему,
 Хоть работушкой меня да огрузите-ко,
 Да словечками меня да не грубите-ко.
 Тут я стала жить, спобедная головушка,
 225 Тише водушки я стала жить ключевой,
 Ниже травоньки-то стала жить шелковой,
 Клонить-то стала младую головушку
 Всим любимым спорядным да и запольным
 соседушкам.
 Тут не хозяйкой стала да распорядчицей —

- 230 На работушке была да за работницю,
На двори-то я была да за коровницю,
На гумни-то я была да за молотчицю;
Гди работушка та им не прилюбиласе,
Тут и мной оны всегда да заменилисе.
- 235 Тут жила, бедна кручинная головушка,
Я не знала в году праздничка годового,
Воскресеньицев не знала я христовых,
Всё ходила я по темным по лесушкам,
Я по разным всегда да по работушкам.
- 240 Уж мы жили-то, рожоны, с вами, детушки,
Вы росли-то все безотнии, сиродькии,
Вам от солнышка-то не было согревушки,
Вам от ветра не бывало заборонушки,
Вам от частого от дождицька покрышечки,
- 245 Вам от добрых от людюшек заступушки.
Слыли вольнии-то вы да самовольнии,
Безунемные вы слыли безнаряднии,
На работушку-то слыли малосилян,
У стола-то слыли больше вы едучин,
- 250 Огрубляли вас вот грубныма словечкамы
Да стращали меня, бедную горюшидю,
Угрожали все победную головушку
Оны хлебамы всегда да вот особыма,
Да столамы-то стращали все отдельныма.
- 255 Не дай, господи, на сем свите, не приведи
Во сиродькоей, в обидной жить во жирушке!
Лучше не были бы дети тыи рожены,
Лучше не были бы на белый свет попушены!
Ты послушай, моя бела лебедушка,
- 260 Ты любимое рожоно мое дитятко,
Что скажу, бедна кручинная головушка:
Как сегодняшнич господним божьим денецком
Как прибераютце народ да люди добрыи,
Собрались-то вси споряднии, запольнии суседушкии
- 265 И вси сосецьки малы детушки, —
И вот не шолковый клубок теперь катаетце,
Вся породушка вот к нам да прибераетце.
Как пришли теперь да сродци наши сроднички,
Пришли-то наши тетушки-добротушки

- 270 Да сестриченьки пришли да двуродимыи,
Да жаланныи пришли-то твои дядюшки —
Не по-старому пришли да не попрержнему.
Уж как преж сего ходили да до этого —
Как ты была, головушка, во живности,
- 275 Выбегала на перёно ты крылечушко,
Выходила ты на широку на уличку,
Ты встречала-то своих да дорогих гостей,
Ты с покорным стретала да с почтеньицем,
Ты вводила во хоромное строеньице,
- 280 Проводила-то во светлы их во светлицы,
Ты в столовы проводила новы горницы,
Угощала ты своих да дорогих гостей,
Кипятила самовары ты лужевыи
С чаями, кофиямы завареныма.
- 285 И закусочки были всегда наложены,
Были есвушки всегда да приготовлены.
Уж как нынечу, теперичу,
Как сегодняшного денечку
Наши гостюшки пришли не веселешеньки,
- 290 Совсим-то заунылы да скучнешеньки.
Не к владычному пришли да к нам ко праздничку,
Не в любимое в почесно к нам гостебище.
Оны к нам теперь пришли не на поминочки,
Не на твою пришли обидную на свадебку,
- 295 Не принесли то чесных дорогих подарочек.
Спасет бог да благодарствуйте
Вы, мои да сродцы-сроднички,
Уж вы пришли к моей ко белой лебедушке.
Вы не перьвое пришли теперь, последнее,
- 300 Вы к последнему пришли да с ней свиданьицу,
Да и ко послему пришли теперь прощеньицу.
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Ты любимое рожоно мое дитятко!
Я за честь прошу, кручинная головушка,
- 305 Уж ты встань-ко все пожалуста скорешенько:
Развернись-ко ты теперичу смелешенько,
Ты по-старому-то встань да все попрержнему,
Сделай доброе теперечу здоровьице,
Заговори-тко вот любимыи, все ласковыи,

- 310 Хоть последни вот словечушка
Со своей-то со породой с имянитою,
Проведи-тко их по-старому, попрежнему,
Ко столам-то ты веди да ко дубовым,
315 Угощай-ко ты своих да дорогих гостей,
Угощай-ко всех спорядных соседушек,
Ты сама садись-ко, белая лебедушка,
Звеличать мы тебя будем не по-старому,
Почитать да тебя станем не попрежнему;
- 320 Хоть лебедушкой мы белой называем,
За госейку любиму тебя да почитаем.
Уж ты сядь-ко все теперь да угощайсе-ко,
Уж ты досыта с гостями наедайся-ко,
Уж ты долюби-то теперь да напивайсе-ко.
- 325 У нас все есте теперь для вас прилажено,
У нас все есте теперь да приготовлено.
И налажены вси есвушки сахарнии
Да и разведены вси питвиця медвянии.
Ты не перьвое вот кушай — все последнее.
- 330 Послий разичек ты, белая лебедушка.
Мы не пивши-то тебя да не отправим,
И голодной-то тебя да мы не справим.
Охти мни, бедной кручинной головоушке!
Хоть я много-то стала у ней выспрашивать,
- 335 Ничего она мни стала не рассказывать,
Хоть сказала бы, рожоно мое дитятко,
Хоть одно мни вот любимое да ласково словечушко.
Ты словечка никакого не сказала,
Ты ответа мни совсем не подавала.
- 340 Рассердилась на меня, знать, поразгневалась,
Аль, сама знаю я, кручинная головоушка:
Нету душеньки в твоих да во белых грудях.
Ты последнии была у нас денечики,
Уж ты послии живешь у нас часочки.
- 345 Мы справляем-то тебя да снаряжаем—
Мы не к праздничку тебя да отпускаем
И не в любимое почесное гостебище,
Не на гулянку мы тебя, не на прогулочку—
Мы справляем тебя, белая либедушка,

- 350 На вековечную, бесконечную на жирушку.
Как прибудешь ты на уную на жирушку,
Ты пошли-ко нам письмо да пошли грамотку,
Скорописчатое нам пошли известьице,
Ты куды будешь, голубушка, положена,
355 Куды место-то тебе да уготовано.
Извести-ко нам про будущую жирушку,
Теби худо ль там покажетца,
Аль хорошо, может, понравитца.
Ты послушай-ко, голубушка,
360 Што скажу тебе, кручинная головушка,
Хоть мы справили теперь тебя, наладили —
По недугу ль тебе, любушка, по разуму
Мы одели-то тебе да цветны платьица,
Вековецьное тебе да одияньице.
365 Мы не пышно положили, не нарядное,
Мы не цветно, не особянно,
Мы не славно да не дорого —
По своему-то мы, победныи, возможеньицу,
По своей-то по несчастной по силушке.
370 Сама знаешь ты, голубушка, все ведаешь,
Не осуди-ко, моя белая лебедушка,
Извини-ко ты, рожоно мое дитятко,
Не в шелки тебя одели не в московскии,
Не в материи тебя дорогоценныи,
375 Мы не в новы ситци да в питенбургскии —
Мы в простую-то одеженьку кресьяньскую,
Мы не в новую тебя да — во поношену.
Сама знаешь ты, голубушка, всё ведаешь —
Не моя ведь есте вольня все волюшка
380 Справлять-то тебе цветных платицев
И наладить вековое одеяньице.
Как была бы то моя да вольная волюшка,
Как бы в моих руках бессчетна золота казна, —
Я бы справила тебе бы, все наладила,
385 Я не в эдаки бы платьица одела бы,
Да и не в эдаку обуточку обула бы —
Положила бы во платьица во цветныи,
Да в нарядныи тебя бы в подвенечныи,
В рубашечку во травчату,

390 В душегреечку тебя бы голоевой парчи,
А на ноженьки шелковые чулочики
Да в сафьянныи башмачики.
Я бы убрала головушку в цветочки,
На головушку — жемчужну мелку сеточку.

395 Вот бы так бы тебя справила, наладила
И еще бы я тебе да положила бы
Я на косыньку лазуревы цветочки,
А в косыньку тебе бы алу ленточку,
Я во правую во рученьку злачны престешочки,

400 Я бы убрала тебя бы да наладила
По недугу-то было бы да по разуму.
А как нету-то именьяца-богачесьва
И нету-то у нас да золотой казны —
Дак не справишь-то все по-люби, по разуму.

405 Как бы был бы то растителек во живости,
Тебе все было бы справлено,
Тебе все бы приналажено.
То, ведь, жирушка-то наша небогатая,
А житье-то не слаутное.

410 Хоть осталось твоих дветных платицев,
Дак остались-то сестриченки родимыи.
Три-четыре по фатерушке патаетце,
Да головушка с головушкой ровняетце.
Ты послушай, моя белая лебедушка,

415 Я еще спрошу, победная головушка,
У тебя-то все, рожно мое дитятко:
По недугу ли тебе да все по разуму,
Тебе вечное хоромное строеньяце,
Вековое-то тебе да домовищецько?

420 Оно просто-то совсим есте налажено —
Не покрашено оно да не побашено,
Не поставлены-то теремы высокии,
Да не врублены косивчаты окошечка,
Да не вложены хрустальныи стеколышка.

425 Со простых досок со еловых налажено.
Совсим просто-то тебе да домовищечко.
Ты послушай, моя белая лебедушка,
Как было бы именьяце-богачесьва,
Как была бы золота казна бессчетная,

- 430 Как бы был-то все во живности кормилец тв.й батюшко,
Как была то моя да вольна волюшка —
С чесью, славою тебя да мы отправили.
С великатнем тебя бы скоронили бы:
Мы со звоном бы тебя да колокольным,
435 С попом-отдом дуловным
Да с петьем божым церковным.
Как скороним тебя, белая лебедушка,
Во матушку-сыру землю
И во буюву, холодную могилушку,
440 В вековечну, бесконечну тебя жирушку,
Закроем тебя матушкой-сырой землей,
Замуравим тебя травонькой шелковою.
Ты прощайсе-ко вот, белая лебедушка,
С родом-племяню прощайсе-ко любимым,
445 Со породушкой прощайсе с именитою.
Вы простите, вся порода именитая,
Вы простите-ко, спорядныи соседушки,
Ты прости прощай, хоромное строеньице,
Нам последнее с тобой теперь прощеньице.
450 Вы простите мою белую лебедушку:
Как была она, голубушка, во живности,
Во прекрасном, сиродьком хоть девочесьве,
Хоть и жирушка-то ей была сиродькая,
Только волюшка была у ей госпоцькая.
455 В шутках, в баснях вы простите, в прибадурочках.
Уж как больше-то не будет да живешенька,
Дак могилушка хоть будет да близешенько, —
Будет буде мни слободной поры-времечки,
Уж я буду на могилушку похаживать,
460 Уж я подолгу-то буду да высиживать,
Я в осеннии во ноченьки
Буду обидушку выбрасывать,
А во вёшныи денечики
Буду обиду всю высказывать.
465 Мни вот стоснетце, победнушке, стоскуетце,
Как расходитце обидушка в головушке,
Сколыбаецце зазнобушка в утробушке —
Уж я брошу всю крестьянскую работушку
И пойду к тебе на буюву могилушку. ⁴⁶

ВОПЛЬ ДОЧЕРИ ОБ ОТЦЕ

- Не осудите-ко, народ, да люди добрыи,
И пропущу теперь унылой зычной голосок,
И объявлю я свою причеть неумильною.
Я не знаю все, спобедная головушка,
- 5 Как подойти мни-ка к кормильцю свету-батюшке,
Мне по-старому подойти теперь, попрержнему,
Мне от резвых зайти теперь от ноженек,
Аль ко молодой ко буйной голове,
Аль супротив теперь итти ретивою сердеченька,
- 10 С коего бочку теперь мни-ка подшаптывать,
С коего личка теперь да разговаривать?
И мы приехали, спобедныи головушки,
Не по-старому к тебе да не попрержнему,
Мы не знаем-то самы теперь, не ведаем,
- 15 Што сделалось у нас теперь, подеялось,
Ново чудушко у нас да обчудилосе,
Ново диво объявилосе,
Велико несчасьеде случилосе.
Што же ты, кормилец-родной татенька,
- 20 Уж мы ждали-то, победные головушки,
Мы тебя домой по-старому, попрержнему,
Уж мы день ждали по праведному солнышку,
Уж мы ночью-то по светлому по месяцу,
Вечеру-то по зари ждали вечерней,
- 25 Утром рано по луны ждали небесной;
Не клонил сон наши млади головышки.
Уж мы сидели под косивчатым окошечком,
Мы смотрели во хрустальные стеклышки,
Выходили мы на широку на уличку,
- 30 Мы смотрели-то во чистое во полюшко,
По путистой мы смотрели по дороженьке —

Не увидим ли ступистой лошадушки,
 Не прикатятце ли санки самокатныи,
 Не приедет ли кормилец-родной батюшко;
 35 И не могли дождать победной головушки.
 Тут приехали-то к нам добрыи людюшки,
 Привезли-то к нам весточку нерадосну,
 Што нет во живности кормильца-света татеньки.
 Тут подрезало у нас да ножки резвыи,
 40 Задрожали-то у нас да ручки белыи,
 Сужахнулося ретивое сердеченько.
 Тут мы не поверили-то людям добрым,
 Мы приехали самы к тебе, победныи головушки.
 Уж ты што же, кормилец родной батюшка,
 45 Рассердилсе-то на нас да распрогневался,
 Крепко спишь-то ты теперь да не прохватишьсе,
 С крепка сну ты долго не пробудиссе?
 Уж ты встань-ко всё на резвыи на ноженьки,
 Поедем-ко, кормилец родной батюшка,
 50 Домой в свое хоромное строеньице,
 По-старому жить с нами, попрежнему;
 У нас все теперь тебе есте прилажено
 И все есь приготовлено:
 Есь налажены кушанья сахарнии.
 55 Уж как смотрю, бедна победная головушка —
 Не по-старому ты спишь, да не попрежнему!
 Нету душеньки в твоих да во белых грудях,
 Нет во резвыих во ноженьках стояньица,
 Нет во белых во рученьках маханьица,
 60 Нет во ясных очах да мигованьица,
 Уж застоялсе-то речист язык в устах да во сахарних.
 Мы не знаем, все свободныи
 Кручинныи головушки, не ведаем —
 Теби богом ли смерётка эта сужена,
 65 Аль от добрых людей да напущенная,
 Аль сама твоя головушка на суд пришла,
 Не такая, как пришла да добрым людюшкам:
 Добрым людюшкам смерётка на сдвляеньице,
 Роду-племени всему да на сумленьице,
 70 Нам-то, бедным несчастным горюшицям,
 На велику тоску да на досадушку.

Настася Степановна Боданова

Не привел-то тебя милостивой господи —
Как бы был ты при трудной постелюшке,
Как на своей бы лежал брусовой белой лавочке,
75 Тут пришла бы к тебе скорая непосульная смерётушка,
Дак не так бы нас брала тошная тоскичушка,
А то случилась тебе скорая, неначаемая смерётушка
Не в своем да во хоромном строеньице —
На открытой на даче на казенной,
На пустистой широкой, на зимней дороженьке;
Случились злы недобрыи людюшки,
Погубили твою младую головушку;
Толкнули ступистую лошадушку
Во пушистыи снежочки за пушистую дороженьку;
85 Может, был тогда ростителек во живности,
Не могла привести ступистая лошадушка;
На тую на пору, на времечко
Не случились добрыи людюшки
Спроводить нашу ступистую лошадушку
90 На путистую дороженьку —
Может, привезла бы домой по-старому, попрежнему,
А то остались мы теперь бедныи,
Круглыи несчастныи сиротушки
В горе-горькой, в сиродькой во жирушке.
95 Не привел-то многомилосливой господи
И не наставил верно долгого векушку
Пожить на сем свите на белоем
И не доростил нас до полного до возраста.
Уж мы как станем жить, победныи головушки,
100 После тебя теперь, роститель-родной батюшка?
Уж мы теперь да нелюбимое
Сиродькое словечко получили.
Не осталосе именья-богачества,
Не осталосе бесчетной золотой казны.
105 Уж кто теперь будет нас доращивать,
Уж кто же нас теперь будет устраивать?
Мы без ветрушка остались шатающии,
Мы без дождичка теперь да уливающии,
Быдто в полюшке шатучи деревиночки,
110 Мы победныи теперь да сиротиночки:
Нам от солнышка не будет-то сугревушки,

Нам от ветрушка теперь да заборонушки,
 Нам от частого от дождичка покрывешки,
 Нам от добрых от людюшек заступушки.
 115 Уж мы как станем жить, победный, кручинный
головушки,
 Как справлять крестьянскую любимую роботушку?
 Как попройде-то холодная-студеная зимушка,
 Как наступит-то гульвивая разливна-красна веснушка,
 Как потают-то пушистыи снежочки,
 120 Рознесет-то хрустальнии ледочки,
 Поразольютце крутыи бережочки,
 Придет птично прилетаньице,
 Придет рыбное тогда да нарастаньице,
 Загошечкам-то серыим кукованьице,
 125 На нашем сердце-обида сколыбаньице:
 Как пастушки в лесах затукают,
 На полянушках-то пахари занукают,
 Как пойдут-то тут многии добрыи людюшки,
 Все любимыи спорядныи соседушки
 130 На любимую крестьянску на роботушку.
 Вся роботушка у их тогда обяввитце,
 Колесом у их тогда дело покатитце;
 А как нас-то, кручинных победных,
 Несчастных головушек
 135 Одолять станет великая обидушка
 И ушибать станет злодейная кручинушка:
 Полянушки у нас да не запашутце,
 Поженки у нас да не покосятце,
 Водушки у нас да не наловятце.
 140 Опустеет наше житье-живленьце
 И опустеет хоромное строеньце,
 Все застынет-то у нас да захолонеет.
 Как после тебя-то теперь, раститель-батюшко,
 Карпичная печенька не топлена;
 145 В одном уголочике пушистыи снежочки,
 А во другом морозушки трескучии.
 Все пустым у нас стало теперь пустешенько,
 Холодным да холоднешенько.
 Мы сидим-то тут, победный головушки,
 150 Бытто зимний уцалы малы заюшки,

Дожидаем все кормильца домой, батюшка.
Верно, во-веки того да все не водитца —
Живой с мертвого на сем свите не родитце,
Народ со погоста не воротитце...

155 Уж как нунечу, теперичу,
Как было бы именьичо-богачество,
Как была бы золота казна бессчетная,
Мы бы наняли, кручинныи головушки,
Мы пятнадцать бы подвод да лошадиных,
160 Развозили бы великую кручинушку,
По дремучим развозили бы по лесушкам...
Нас страх долит, победных головушек:
Как жить теперь в сиротской,
В победной, не в надежной во жирушке:
165 Как приходить-то будут празднички годовыи
У меня-то будут слезушки готовыи.
Наступило-то теперь мое несчастное прекрасное
девичество.

Как пойдут-то советны мои подружки,
Как пойдут-то души-красны девушки
170 На гульбища пойдут, на прокладища,
На веселыи на игрища,
Ко любимым владычними годовым праздничкам,
А у меня-то, у кручинной головушки,
Не будет-то по ноженькам обуточки,
175 По плеченькам по разуму одеточки,
Зимних не будет согриваньцев
И летних не будет украшеньцев. 47

ПЛАЧ СЕСТРЫ ПО СЕСТРЕ

Как пропустить-то вот

Мни победной кручинной головушке,
Свой унылой пропустить-то жалкой голосок,
Объявить мни свою причеть неумильною

5 Мни по этеой, по широкой по уличке,

Мни по этому погосту по станливому,

Мни по этеой по буйвой могилушке.

И мы не знаем все, победныи кручинныи головушки,

Как подойти ко этеой холодной к зеленоей, ко

буйвой могилушке.

10 Хоть мни сказать-то все теперь да тяжелешенько,

Ко сердеченьку принять да обиднешенько,

Подойти-то нам ко любимой сестрице, ко родимой,

И нам с котореой зайти-то все теперь сторонушки:

Нам от южной, аль от северной,

15 От восточной ли от западной,

Аль супротив ли сесть ретивого сердечушка?

Охти мне-шеньки, нам бедным тошнешенько,

Не можем мы стоять на резвых на ноженьках.

Подломились-то у нас да ножки резвыи,

20 Задрожали-то у нас да ручки белыи!

Приадем теперь ко матушке-сырой земли

И ко буйвой холодной, ко сестрицыной могилушке,

Будем клубышком теперь да мы кататися,

Червушочком да будем мы свиватися,

25 Мы желаньиця от ей будем добератци.

Вы повеите теперь, буйныи ветрушки,

Размуравься-тко, травонька шелковая,

Вы розвейтесь-ко, лазуревы цветочкии,

Пораздвиньсе-ко ты, матушка-сыра земля,

30 Вы рассыпьтеь-ко, жолтыи песочкии,

Раскатитесь-ко, валучи камешечики,
 Покажись-ко ёйно вековечно хоромное строевнице,
 Прилетите-ко вы, птичёнъки небесныи,
 Повытяните гвозди шеломчатыйи
 35 И откройте-ко сестричёнъку родимую.
 Покажись-ко, ёйно белое личико,
 Вековое ёйно одеявнице,
 Прилетите с небес, ангелы-арханделы,
 Вы вложите душёнъку в белы груди,
 40 Вы по-старому вложите-ко, попрержнему,
 В резвых ноженъках-то сделайте стоявнице,
 В белых ручёнъках-то сделайте маханвнице,
 В ясных очёнъках у ёй — да мигованвнице,
 Речист язык в уста да во сахарнии!
 45 И ты повыстанъ-ко, сестричёнъка родимая,
 Уж ты встанъ теперъ на резвыи на ноженъки,
 Уж мы сделаем-ко доброе здороввнице,
 Мы покорное теперъ с тобой почтёнвнице,
 Ты обрадуй-ко нас, бедных головушек.
 50 Мы по-старому с тобой теперъ, попрержнему,
 Уж мы сядем-ко с тобой да рядом-поряди,
 Заговорим мы любимыи, потайвыи, ласковы
 словечушки,
 Уж мы вдавное с тобой да не видалисе,
 Мы давнешёнъко с тобой да не стречалисе,
 55 Как прошло-то пять учетных круглых годышков,
 Как схоронили тебе, белую любимую лебедушку.
 Одна ты была у нас да одинешёнъка,
 Уж ты милая ведь нам была, любимая,
 Быдто свет была во ясных во очёнъках;
 60 Хоть сестричёнъкой всегда тебя я называла —
 За роженого дитя тебя да почитала.
 Как пришла тогда тебе скорая, непосульная смерётушка,
 И не пришлось быгъ при послейей твоей нам при
 кончинушке,
 При последнеем не пришлось да быть прощёнвнице,
 65 Не пришлось-то слышать последниих
 Ласковых твоих, любимых словечушек.
 Не забыть тебя нам будет век-по-веку
 И от виной (ныне) не забыть да будет до веку.

Ты послушай, наша белая лебедушка,
70 Ты любимая сестриченька родимая,
Как пришли мы, победные, кручинные головушки,
Мы со нашей со родителью со маменькой,
Со победной вдовой благочесливой,
Уж мы пришли-то все к тебе да по-дорожному,
75 Уж как сумочки у нас да по-походному.
Как расстались тогда с тобой-то, белая лебедушка,
И как пришла-то нам тогда скорая, нечаянна
разлукушка;
Посли видом мы тебя да не видали,
Уж мы весточки никакой не получали
80 И извесница от тебя да не бывало,
Письма-грамотки ты нам не посылала,
Во сне ты нам совсем да не казалась
И наяву ты нам не объявилась:
Рассердилась, зная, на нас да поразгневалась.
85 Ты чего, наша голубушка, на нас да рассердилась?
Или нету тебе вольной там волюшки,
Иль того да рассердилась,
Що мы взяли твои цветные платица,
Не благословленные были тобой да не приказаны?
90 Хотя мы взяли все, спобедные головушки,
Мы не для-ради все взяли украшеньица
И не для-ради согреваньица —
Уж мы для ради взяли посмотриньица:
Как расходитце обидушка в головушке,
95 Сколыбаютце зазнобушка в утробушке,
Как посмотрим на твои на цветны платица,
Как на тебя быдто, белая лебедушка.
Аль того да поразгневалась,
Що не почаству на могилушку ухаживаем,
100 И не подолгу у тебя да мы усиживаем,
И частых тебе нету от нас поминочек,
Да почаще того не было годиночек?
Как мы в дальнеем живем да расстаньице
Не в частом живем свиданьице.
105 Как была бы то могилушка близешенько,
Мы бы частенько на могилушку похаживали,
Мы бы долго бы посиживали.

Ты послушай-ко, любимая сестриченька, родимая,
Што скажу, бедна кручинная головушка.

110 Уж я много раз к тебе да все справляласе,
Не один-то раз к тебе да снаряжаласе,
Уж я сдумала-отдумала,
Я три раза-то все к тебе да снаряжаласе,
Да четыре раз с дорожки ворочаласе.

115 И теперь да мы придумали,
И неотложно мы теперечу отправились.
И уж как шли мы путем-широкой дороженькой
И поспешали к тебе, белая лебедушка,
Уж мы в день-то шли по праведному солнышку,

120 Уж мы в ночь да шли по светлому по месяцю,
В вечеру-то по зоре мы шли вечерней,
Утром рано по луны да шли небесной,
По деревенкам мы шли да по станливым,
Мы по волостям-то шли да по красивым.

125 Всяки стретушки нам бедным стречались;
Инны стретушки-то нам да поклонялись,
Инны стретушки-то нам да покорялись,
Инны стретушки над нами надсмехались,
Говорили други добрые нам людюшки:

130 «Вы идете на холодную на буяву-могилушку,
Поспешайте-ко итти да вы скорешенько.
Вы идите-ко скорешенько, не стойте-ко,
Вы назад да не смотрите-ко,
Поспешайте-ко на буяву-могилушку:

135 Как ведь там теперь на буявой
Зеленой на могилушке
И у вашей у сестриченьки родимой
Чудо чудное там да обчудилосе,
Диво дивное-то там да объявилосе —

140 Со мертвых живы родилисе,
Есть во живности сестричуска ваша родимая,
Дождидает вас в почестное гостебищо,
Призадвинуты есть столички дубовыи
Да приусланы-то скатерти забраныи,

145 Да налажены есть есвушки сахарнии,
Приразведены есть питьца медвяныи».
Говорила я народу-людям добрым:

«И не говорите-ко вы, добрые людюшки,
Таких нам не умильных словечушек,
150 Не давайте-ко великою назолушки
Нашему ретивому сердеченьку:
Мы не для-ради идем да угощенья,
Уж мы для-ради идем да побыванья».
Уж обманили-то народ да люди добрыи,
155 Обманили-то нас да облукавили:
И вот пришли теперь на буяву могилушку —
И нет сестриченьки совсем теперь во живности!
Все мы думали кручинныи головушки,
Как побываем мы на буявой,
160 Холодной зеленой на могилушке,
Дак убудет-то обидушки в головушке,
А как на могилушке теперь да побывали, —
Мы сестриченьки в глаза да не видали,
Не убавили обидушки, — прибавили:
165 Мы не знаем, все победныи головушки, не ведаем,
Аще ль то судит милостивый господи
Побывать еще на буявой холодной,
На зеленой на могилушке. 48

ПЛАЧ ВДОВЫ ПО МУЖЕ, ПОГИБШЕМ В КИВАЧЕ ПРИ СПЛАВЕ ЛЕСА

- Села-то я, бедная, подумала,
Я раздумалась своим да умом-разумом:
Как на исходе-то холодная, студеная зимушка,
Наступает-то гульлива да разливна красна веснушка,
5 Приходит-то тепло красное вот летушко.
Как потают вот пушистые снежочки,
Рознесет-то хрустальныи ледочки,
Порозольютце озера, бережочки;
Как пойдут да добры людюшки, пойдут да поразьедутце
10 По всем-то по разным сторонушкам,
По всяким-то оны да по наживушкам;
Как мой-то законная семеюшка
Куды удалитце ли отправитце, али при доме останеце?
Подходил-то мой законная семеюшка ко косивчату
окошечку,
15 Он садился на бросову белу лавочку,
Он садился, призадумавши,
Приклонил-то свою младую головушку,
Утопил да свои ясныи он одивьки.
Говорила я, кручинная головушка:
20 «Ты чего сидишь теперь да призадумалсе,
Чужих басен ты чего же прислушалсе,
У молодухек ли ты да разговорушек,
Ли у девушек жупливых жалких писенок,
Ли у старушенек ли ты да повестушечек?»
25 Отвечал в ответ удалая головушка:
«Ничего я не ослушалсе, уж я только призадумалсе.
Как тебе-то нет заботушки в головушке;
А у мяя много есть заботушки в головушке.
Как долит-то вот великая заботушка

30 И крушит мою младую головушку,
Холодит мое ретивое сердечушко.
Вот зима теперь кончается и весна да приближаетце.
Денежки теперь да придержались,
Хлебушки у нас теперь приелисе
35 И наживушки теперь да не привидитце, а работы не
прислышитце.

Я не знаю сам теперичу, не ведаю,
Мни куды итти теперь да на наживушку,
Мни в которую отправитце сторонушку.
Уж я слумал-то своим да умом-разумом:
40 Теперь люди-то на сплав да отправляютце,
Да на выгонку бревенну снаряжаютце,
Либо мне туда вот с нима да отправитце.
Там работушка ведь срúчная,
Там ведь платв есь хорошая,
45 Там есь хлебушки готовыи,
Ли отправлюсь добрый молодець».
Говорила я, кручинная головушка:
«Не ходи-ко ты на эту наживушку —
Хоть много-то туда да отправляютце,
50 Да много и назад не возвращаютце.
Там нажива есь не славная, а работа там задорная,
Там ведь служба беспокойная;
Та работушка тебе будет несручная,
К той работушке-то вы да непривычный,
55 Там да никогда вы не бывали,
Той работки и в глаза вы не видали,
Там по утрышку вставать надо ранешенько,
До красного до праведного солнышка,
А по вечеру ложиться спать поздешенько
60 Не на мягкую постелюшку, а на матушку-сыру землю;
А постелюшка та — травонька муравая да мягкии
мошочкии,
А сголовнице-то — сини камешечики.
Надо цельный день по бережку похаживать,
По всим-то по сторонушкам посматривать,
65 Скорешенько поскакивать, поскорее-то подбегивать;
Надо бегать по холодной ключевой воде,
Скакать надо прискакивать по лесам да по бревешечкам,

За порядком-то посматривать
Да бревешечки направлять по ключевой свежей

водушке,

20 Их от бережков отпихивать, по реки их вход налаживать.
Там хоть реки не широкии — есте длинныи, безмерныи,
Там места есте опасныи,

Переплавы есте узкии, места да каменистыи;

Там пороги есте свирепыи,

75 Там вода бежит сердитая.

Вода бежит, сыгратце, сердито колыбаецце,

В падуны она стекаетце;

В падунах места топучии,

Подходы туда трудныи.

80 Бревна идуг по водушке, задеваютце за камешки,

Бревно с бревном стричаетце,

Там заломы набиваютце, те заломы есте страшныи.

Подходить надо со трудносю, избавлять да их — с

опасносю.

Подбегать надо смелешенько, избавлять надо

скорешенько,

85 Не стоять да не постаивать, другиих да не поджидывать,

Не дорожить своей младоей головушкой,

Своей жизнью да сесветноей.

Поскорешенько канат надо подхватывать,

Ко деревцам на бережках привязывать,

90 Сквозь люлечку канат надо протягивать,

Поспешать надо во люлечку взаскакивать,

Крестить надо глаза да на святителей,

Избавлять надо бревешки поскорешенько со залама-то

великого,

Поддевать надо баграми да умнешенько!

95 Тут осмелить надо младую головушку.

В тую пору, в тое времечко много силы надо — ловкости,

Много удати прибавити — со залама бревна сбавити,

Впредь по водушке отправить.

А как и то есте случается, что головки там кончаются.

100 Как задрожат да ручки белыи,

Как не выхватит-то силушки в могутных во плечушках,

Как, может, скружит ихну младую головушку —

Тут повернетце-то люлька на канатике,

- Тогда падают удалыи головушки
 105 В кипучую, в сердитую во водушку.
 Тогда жизнь да их кончаетце и головушки решаютце». Отвечал в ответ удалая головушка:
 «Везди-то всегда люди вот бывають,
 А без суда-то смертей не получають.
- 110 Я на реченьку пойду да не на дальнюю, я на самую
 на ближнюю,
 Я на сплавку Кондопожскую, на реку пойду на
 Суньскую.
 Я пойду туда близешенько, придет весть да вам
 скорешенько».
- Снарядила я удалую головушку, отправила законную
 семеюшку.
- Пошел-то он в путистую дороженьку,
 115 Он пошел-то на добычу, на наживушку;
 Уж мы с им да расставалисе, уж мы с им да
 распрощалисе...
- Туды сошли наши удалыи добрыи молодци,
 Поступили-то оны да на работушку,
 На спешную работку, не на свычную;
- 120 Стали оны, молодчики, работати,
 Денечки вечериком коротати.
 Там длинешеньки денечки казалисе,
 Им работка там не нравилась.
 По реке Суне отправилися, по быстрой оны наладилисе,
 125 Как по бережкам стали оны похаживать, леса стали
 направлять.
- Подходили ко местам оны опасным,
 Ко крежам они ко крутым, ко порогам ко быстрым,
 К падунам семисаженным, ко Гирвас под названием.
 Тут они заломы избавляли, впредь леса оны по Суны
 отправляли,
- 130 Вдоль по речке продолжалисе, к Пор-порогу
 приближалисе;
- Тут вода да разыграласе,
 Встрету бревна да стреталисе и заломы набивалисе,
 Тут молодчики спешилисе, за багры оны хваталисе,
 Тут оны да подловчилисе, за заломы принималисе,
 135 Вдруг леса да избавлялисе, вниз по реченьке спускалисе.

- Тут пошли оны по-старому, погнали леса попржнему;
Шли по крутым по бережкам, шугили разны шуточки,
Сневали-то оны да разны песенки,
Шли по реченьке, смеялисе, к Кивачу да приближалисе.
- 140 Как Кивач — место опасное:
Тут река бежит свирипая, а вода есте сердитая,
Тут есть место кряжевитое, тоё место каменливое.
Как тут бревна поверталисе, тут заломы набивалисе,
Заломы ты великии, леса да тут бессчетныи, на сумму
ту огромную.
- 145 Как молодчики в тот час да ужасалисе,
Круг залама-то оны стали побегивать,
В головах стали оны почесывать,
Стали оны багорики похватывать.
«Вы, робятушки, старайтесь-ко, вы за трости
принимайтесь-ко,
- 150 Вы за люлечку хватайтесь-ко!»
Хватали-то канатики скорешенько, брали-то они
люлечку живешенько,
Протягали сквозь люлечку канатики смоленыи,
Причаляли они трости да ко бережкам,
Скакали-то скорехонько во люлечку,
155 Стали люлечку близешенько подваживать,
Самы стали «дубинушку» покрывать,
Самы стали багорца-то направлявать да за деревци
захватывать.
- Хоть было-то у их ловкости,
А не хватило только силушки.
- 160 Как подрезало у них да ножки резвыи,
Задрожали-то у них да ручки белыи,
Закружилисе-то младые головушки,
Тут упали-то багорышки со рученек,
Тут свернулась-то у них да эта люлечка,
165 Тут упали-то удалые головушки
В кипучую, в холодную во водушку,
Тут тонули-то наши добрые-то молодци,
Тут пришла им скоро, неначаянна смерётушка.
Видно, богом та смерётка им да сужена
- 170 Да самы ихны головушки на суд пришли.
Их забило во глубокую, во холодную во водушку,

В глубину их утащило непомерную;
Приломало им тут белыи-то рученьки,
Придавило ихны младыи головушки,
175 Протащило их по быстрей по реченьке,
Их бросало-то на крутыи на бережки.
Тут нашли да их товарищи,
Поднимали их на белыи на рученьки,
Уж как што-то на себе да пригодилосе,
180 В том в земелюшку молодчики ложилисе.
Им — ни гроба и ни савана, ни досок да посторонниих,
Не наладили векового-то им да одеяньица,
Домовищечка не сделали векового,
Ни петья божья церковного да ни звону колокольного,
185 Да не призвали поца-отца духовного.
Как пришло нам письмо-грамотка нерадостно,
Извесьице пришло да невеселое —
Нет во живности нашей-то удалой головушки,
Што пришла ему скорая, неначаянна смерётушка.
190 Тут сужахнулось ретивое сердечушко.
Как-то стану жить я, беднушка-горющица,
Как возвращивать рожонных, сердечных малых детушек
Во вдовиной, во победной, в сиродкой во жирушке?
Хоть жирушка была да мни-ка нужная,
195 Дак я жена да была мужняя;
А уж как нынечу-теперечу сказать да тяжелешенько,
Ко сердеченьку принять да обиднешенько —
Нелюбимое вдовиное словечко я теперь да получила,
Я осталась вот, победная головушка,
200 Я во скудной, во нужной во жирушке:
Не осталосе именьяца, богачесьва,
Не осталосе у нас да золотой казны;
Уж как быдто с корабля да с безызвестного
Мы осталисе победны беспоместныи,
205 Быдто в полюшке шатучи деревиночки
Мы победныи осталисе сиротиночки,
От бережка отчалили — ко другому не приехали.
Не поверю я, победнушка, ни письму да я ни грамотке,
я ни верному извесьицю,
Я сама туда отправлюся, на место на погибшее,
210 К Кивачу да ко названному, к паду ну да ко утоплюму;

Стану я по реченьке похаживать

Да у людюшек выпрашивать, у товарищей выведывать:
«Вы скажите-ко, пожалуйста, говорите, не маните-ко,

Ужель есть еще во живности

215 Моя-то законная семеюшка да удалая головушка?»

Охти мни, бедной горюшице, сама знаю, сама ведаю —

Письмо-грамотка неложная, а извесье не подложное;

Уж как век того не водитце — со мертвых живы не
родятце. 49

ИЗ ПЛАЧА МАТЕРИ ПО СЫНЕ

Ты послушай-ко, рожоно мое дитятко,
Ты пошто, пошто от нас да укрываешься,
И пошто ты с нами расставаешься?..
Аль не видишь ты моей печали-горюшка,
5 Аль не ведает кручинная головушка,
Что сердечушко мое ли оторвалось,
С горя-горького оно да надрывалось?...
И, ведь, я тебя, горюша-то, вскормила,
Под сердечушком тебя я, ведь, носила...
10 А теперя сердце мое приужахнулось,
Грусть, злодей-тоска со мной, кручинной, сдиялась.
Распахни ж свои ты руки, ручки белые,
Ты, дитя мое рождено, ненаглядное;
Ты открой свои ли очи, ясны очушки
15 На мое ли горюшко, что безотрадное.
На крыльце стоят любимы поровечнички,
У ворот стоят упряжены лошадушки,
А ты спишь, все спишь, сыночек ненаглядный мой!
Я пойду, пойду к крылечику перёному,
20 Я скажу твоим любимым поровечничкам:
«Уж вы подьте ли, любимы поровечнички,
Вы ступите ль на крылечико перёное,
Вы войдите ли во сенички решетчатые;
Уж вы сдыньте свою руку, ручку правую,
25 Что на дверь вы сдыньте ли да на дубовую,
Вы на тягу сдыньте на железную;
Вы войдите в мою горенку ль столовую,
Побудите вы родимо мое дитятко:
Поднимите его буйную головушку,
30 Вы спустите его ноженьки со лавочки,
Вы обуйте их в сафьянные сапоженьки,

Сварядите вы его в цветное платьице,
 Проведите ли да на широку уличку
 Вы мое дитя рождёно на прогулочку».

35 Аль не чуешь ты, мое дитя ли милое,
 Как болит мое сердечушко унылое?
 Пожалей свою горюшу — родну матушку,
 Взвесели мою несчастную утробушку!
 Как расстаться мне с своим любимым детушкой...

40 Ты зачем меня оставил одинокою?
 Кто со мной пойдёт что летом на работушку,
 Кто раздиет вековешную заботушку?..
 Ты приди ко мне, к кручинной головушке.
 И с какой мне ждать тебя да со сторонушки:

45 Ты по утрышку ль придешь да во раздольице,
 Ты в хоромное ль свое придешь строеньице?..
 Али в полдень что во чисто поле-полюшко,
 Аль на синем ждать тебя горюше морюшке?
 Уж я выбегу к тебе, мой свет, на сретушку,

50 Я прижму тебя к ретливому сердечушку,
 Сваряжу тебя я в ново платьице,
 Я во платьице тебя во цветное,
 С тобой сдию я тут доброе здоровьице,
 Провожу тебя в строеньице хоромное,

55 Я во дом тебя, в палаты гряновитые,
 Посажу тебя за столики дубовые;
 Учешу твои завитны желты кудерки;
 Я обую твои ножки, резвы ноженки,
 Во сапоженьки обую я козловые;

60 На головушку дам шляпочку пуховую,
 А на грудь подвешу цепку золоченую.
 Ох, не слушает рожоно мое дитятко,
 Что моей ли, ведь, заботушки кручинной!
 Расставалася-то с телом его душенька,

65 Унеслась она далеко ли за облачко...
 Не избыть мне ввек свою ли горя-горюшка
 Без мово-то ненаглядного ли детушка!
 Мне остатний век как будет доживати,
 Горе-горькое как мыкать-изживати?

70 Ох, не держат меня резвые ли ноженки,
 Подточила грусть-тоска ретливое сердечушко!.. 51

ГОЛОШЕНЬЕ ПО ВЗРОСЛОЙ ДОЧЕРИ

- Отлетела наша чистая ли горличка,
Отлетела щебетунья наша птичечка,
Что ко господу ли богу ее душенька,
К милосливому Иусу на живленье,
5 Во его врата святые во спасенье!
Ты простилась со любимой своей горенкой,
Ты со мной ли, со родимой своей матушкой...
Ты великое мне горюшко да сдияла,
Вон из телушка мою ты душу выняла...
10 Я ль тебя, горюша-мать, да не любила?
Николи тебе я грубным словечком не сгрубила,
А и утрышком раным я рано не збудила.
Я взлелеяла тебя, мое дитя родное,
Ты мое желанное ли чадо дорогое;
15 Я тебя вскормила кушаньем сахарным,
А пошла-то я питвицем медвяным.
Аль покрутушек я для тсбя жалела,
Аль тебе моя заботушка да не довлекла?..
Ты покоилась на мягкой на постелюшке,
20 Ты валялась в пуховой перинушке, —
Так почто же нас ты рано покидаешь,
На кого нас, дитятко, здесь оставляешь?
Аль тебя подруженьки да разобидели,
Аль поклон тебе на уличке не сдияли?
25 Али добры молодцы тебя да обошли,
Что тебе забавушки во ум давно не шли?
И простилась ли на век с своим ты гнездышком,
А позалася семья твоя вся с горем-горюшком,
Как тебя из избы унесли, нашу лапушку!..
30 Ты прости ли на век, девынька родимая,
Ты мое рожоно ли дитя любимое!

- Уж не держут меня ножки резвы,
Подкосились оны, что трава под косою;
В ясных оченьках помутилось,
35 Во мыслях ли моих распалился...
Красно солнышко мое закатилось...
Ясны звездочки за облачки туляются,
Громы-молнии на небе разряжаются;
На могилушке-то матушка убивается,
40 Она горькими слезьми что заливается!..
Не воротится что красное-то солнышко
Со киян-моря да после-то закатушка,
Не вернуть и мне, горюше горе-горькоей,
Что своей ли ненаглядной дочи родной!
45 Буду я да на могилушку учащивать,
Буду зде-ка долго по-долгу угащивать:
Я по дитятке творить ли поминание,
Для ее ли душеньки во вечное спасение.
А подруженькам твоим раздам я покруги,
50 Раструбисты сарафаны шелком вышиты,
Чтоб оны за твою душеньку молилися,
Чтобы свещи в болтаре тебе теплилися;
Чтоб ходили на могилушку частешенько
Ранней порушкой, что утрышком ранешенько;
55 Чтобы все тебя подруженьки не забывали,
На беседушках горюшу б вспоминали.
А меня пускай возьмет скорей смерётушка,
Без тебя мне жизнь не в жизнь, рожона
детушка:
- Уж я старая стала, совсем старёшенька,
60 Во кресьянскую работу негоднёшенька;
Мне бы преж тебя, белой лебедушки,
Что лежать да спать в дубовой ли колодушке:
Никому на свете я теперь не нужная,
Ни на што про што теперя и негодная!
65 А придет как мне-то скорая смерётушка,
Кто закроет мне-то тусклы мои очушки
Без тебя-то, дочи-то моей родимой,
Без тебя, рожоно дитятко, любимой?..
Ох, уймись, уймись ли, сердце бедное,
70 Образуься ли, головушка победная;

Отвались от грудей что тяжел свинец,
Дай закрыть глаза ты мне на белый свет!
Расступись, развались, мать-сыра земляшка,
Дай мне место не сомножечко в своих недрушках! ⁵²

ПЛАЧ ПО ЖЕНЕ ⁵³

- Ох, пройти-то нету мочи, нет мне моченьки
Через эту мостинку — что мостиночку,
Через эту опасну деревиночку:
Надседает ли мостиночка дубовая,
5 Надломилась перекладинка кленовая...
Протяну я руку белу, ручку белую
Я на дверь ли затворёну, затвореную,
А и дверюшка сама вдруг как распахнется,
Мое сразу тут сердечко приужахнется...
10 Не сестрица-то мне на срету среталася,
Детвора в избе-то мала убивалася...
Горько-жалобно слезьми-то заливалася,
Ох вы, детушки, детушки, малы лебедушки,
И с чего вам горе горькое ли приключилося,
15 Что за бедушка в дому да солучилася?..
Али матушка за балосьва бивала,
Аль не по летам работушкою угнетала?
И пошто вы все немываны, нечесаны,
По плечам косицы мохрами разбросаны?..
20 Расступитесь-ко, народ да люди добрыи,
Дайте место мне, спорядныи соседушки,
Мне не конюшком проехать, — ко сестре пройти,
Во новые сенички решётчаты войти.
«Что ж нейдешь ко мне, сестрица, на сретаньце?»
25 Сдй-ко ты со мною доброе здоровьце!» ⁵⁴

- Кто же там лежит да во большом углу?..
Перед кем теплятся свечи воску ярова?
То пред образом ли бладычным свечи топлятся,
Перед спасом ли милосливым да молятся?..
30 Нет, не образ там бладычный проявляется,

- То по матушке робятки сокрушаются!
Во лежит она в почётном во большом углу...
Много изжила горюша на своем веку:
Ты и горестей видала и напастей,
35 Ты и болей, и страха, и ужастей;
А теперь лежишь спокойно в горенке столовой,
На брусовой лавочке в избе ты новой.
На груди-то белы рученьки сложены,
А уста и глазоньки навеки что смыканы...
40 Я поклон тебя чиню, горюша, по-ученому,
Я и крест тебе кладу, горюша, по-писаному
Что на три да на четыре ли сторонушки,
А особину поклон тебе, белой лебедушке,
Малых детушек родимой ли матушке.
45 И что сдijалось-то здесь да случалось,
Что душа-то с телом расставалась?
И кака болей гнетучая сестрице приключилась,
Что душа её-то с телушком протилась?
Ох, сестрица ли моя ты родная,
50 Горе-горюшка моя ли ты болезная,
На кого ты малых детушек оставила,
И на чью заботушку ты их покинула?
Аль тебя робятушки твои да прогневили,
Словом грубным тебе ли согрубили?
55 Ты згляни, згляни, как детки убиваются,
Как оны слезьми горючьими заливаются:
Что же будут диять малые-то детушки
Без своей родимой ли матушки?
И кто детушек-то стане снаряжати,
60 Лички белые кто стане умывати?
Кто же детушек твоих ли вспоит-вскормит,
Кто головушки победны приголубит?
Ты была-то, ведь, горюша, неспеслива,
К детворе была ты жалослива;
65 Ты с умом да разумом семью водила,
Словом грубным николи ты мужу не сгрубила:
Безответна, на работушку проворна,
Ты во всем была ему во век покорна.
Горячо ты в церкви по бладычным дням молилась
70 И широким крестом ли ты крестилась;

- Почитала в девках ты родителей своих,
Свою батюшку и матушку родных;
Ты с суседами жила да по-хорошему,
Говорила речи с ними да по-ласкову;
- 75 И с невестушкам своими ты не вздорилась,
И с золовучками ты не брòнилась.
Ты дарила всем богатые подарочки:
И жемчужны серьги со подвосточки,
И колечки с яхонтам что позлащенные,
- 80 И узорчаты платочки левантёровы;
Им на памятки ли шубья соболиные,
На подкладочку ли перья лебединые.
А пойдешь как на господень божий праздничек
Ты во церковь в сарафане раструбистом,
- 85 Белы плечушки ли изукрашены монистом,
Ты идешь-плывешь, что пава, вдоль по уличке,
А усмешка прикрашает белое твое что личко.
Детвора твоя идет да вся умывана,
Чисто платьице на них надевано...
- 90 А теперь кому свою заботушку отдашь,
Ты сиротушек своих кому-то передашь?
Ты згляни, згляни, хозяин твой как убивается:
Он без ветру-ветрышку в избе шатается!
Он ведь думает свою ли крепку думушку,
- 95 Что куды склонить ему кручинную головушку?..
Как он стане с детворой один справлятися,
Без родимой матушки как стане поспеватися?..
А твоя родитель-матушка ли богоданная,
Ох, что долюшка её да бесталанная!
- 100 На кого ее, горюшу, оставляешь,
На кого родимую ты покидаешь!
Ведь, она старым стала старешенька,
Ведь к работушке она уж неможнешенька;
Как же с детушками будет ей справлятися,
- 105 На работушку кресьянску снаряжаться?
Ведь как ты на свете-то мыкалася,
Твои детушки что сыр в масле каталися,
За тобой, горюшей, все ли в доме укрывалися.
Как хозяину теперь жить да без хозяйушки,
- 110 Как работушку справлять да без работнички?

- И придет нужда в другой закон да поступитися,
На другой ли да на лапушке женитися.
Хошь люба ему та будет лапушка,
Хошь сладка ему ли будет нова жирушка,
115 Малым детушкам-то будет жизнь плохая,
Как в дому-то заведется мачеха лихая.
Буде грозна злая мачеха на детушек покрикивать,
Она утрышком раненько буде их позыкивать;
Она долго детушкам чужим спать не давае,
120 На работушку суровую их посылае;
Словом ласковым она не незывае,
Грубо-нагрубо детвору порывае.
Не расчешет она русских головушек,
Не областит младых их сердечушек.
125 И немываны оны сидят, нечесаны,
С утра раннего не кормлены, не поены.
Она песенок им петь что не давае,
А Иусовых молитв твердить не разрешае.
Будут детушки твои у ней ли в черном теле,
130 Не в балосьве-негушке как бы доселе:
И грубным словечушком она ведь им сгрубит-то,
И с отцом-батюшкою их разлучит нарочит-то.
А скоро детушки у ней что народятся,
И с сиротинками не будет им ровняться:
135 Своих она и белой рученькой поглядит
И на коленочки к себе усадит,
Твоим же место-местечко за печкой,
Иль не сомножечко в углу ли за дверечкой.
Ты послушай же, сестрица найродимая,
140 Ты зачем ли детушек своих покинула,
Ты почто, почто сиротушек оставила?
Аль на вечное ты их на мыкание,
Горе-горьких своих на изнывание?..
Ты раскинь свои ли руки, ручки белые,
145 Ты открой ли глазки, глазоньки что ясные,
Ты спусти ли ноги, ножки резвые,
Что на мост, на перекладинки сосновые!
Ты возьми ли детушек за рученьки,
Ты прижми-ко их к ретливому сердечушку,
150 Ты гляни им в очи, в очи светлые,

Осуши их слезы, слезы горькие...
Припадут оны к ретливому твоему сердечкику
И изгонят из избы лихую мачеху,
Будут жить опять с тобой ли припеваючи,
155 Злую долю-долюшку не вспоминаючи. ⁵⁵

Подходите-тко вы, горе-горьки детушки,
Что к своей-то вы родимой ли матушке,
Припадите на коленки вы перед родимой,
Поцелуйте её личушко еще разок единый.
160 Сладко спит родима ваша матушка,
Уж не бьется и ретливое сердечушко:
Ее душенька теперь на том свету у бога,
У его теперь святого у престола.
С того света вас она благословляет,
165 Богу-господу такую молитву сотворяет:
«Ты спаси, да боже-господи ты милосливый,
Ты до малых сиротинушек что жалосливый,
Ты спаси моих робятушек что от напасти,
Ты пошли им, господи, на землю счастье!
170 Уж и спас ты, спас ли многомилослив,
Ты спаси моих сиротушек малёньких,
Ты от бури их спаси, моих родненьких,
От людской ли злобы, от напасти злой
И от мачехи спаси ты их лихой!
175 Ты покров ли, богородица, дева-мати неутешная,
Ты заступница сироток вековешная,
Ты покрой сирот от тучи страховитыя,
Ты от облака ли, облачка их гряновитого;
Даруй радости им в жизни даровитые,
180 Даруй почести им, почести что именитые,
Чтоб не плакали-тужили ясны оченьки,
А работой не трудили нежны ноженьки,
Чтобы в господа оны всечастно уповали,
Да и мать свою, горюшеньку, не забывали!» ⁵⁶

ПРИЧИТАНИЕ ПО РОДНОЙ ТЕТКЕ

- Как севодня, сёво денечка господня,
Что во светлой-то во свёгличке,
Во столовой новой горёнке
Сидят гостюшки все званьи,
5 Гости званьи и жданьи.
На столе стоят все кушанья выбранны
А и питьица стоят медвянны.
«Что же, гостюшки, вы приуныли,
Что ж, желанныи, вы не шутили?
10 Али свадьба та да не по полюби?
Где ж княгинюшка зде во доме?»
Не сростало то в большом углу,
Не сростало деревцо сахарное,
Друго деревцо что виноградное?
15 А сидит-то во большом углу
Что родитель наш ли — дядюшка,
Одинешенек сидит — кручинится,
Словом едныим ни с кем-то не обмолвится.
И на праздничек-то не похоже,
20 Так и гостюшек сретать негоже!
Нет, не свадьбушка ту собирается,
И не праздныи ту гости спотешаються,
Тут кручинушка великая справляется,
Горе-горькое-то зде-ко изживается:
25 Схорояили мы родиму нашу тетушку,
Сему дому именитому хозяйушку!
Как же гостюшкам не тосковатися,
Как родимыим не сокрушатися,
Роду-племени не ужасатися,
30 Малым детушкам не убиватися?..
Без нее в доме все здесь нескладно:

И пирог-то выпечен неладно,
И столы дубовы пошатились,
А и питьица на них пролились.
35 А робятушки на лавочке голодны,
А и горенки-то все холодны,
А и дядюшка-то неприветлив,
А и сватьяшко-то безответлив!
Ты пошто нас, родна тетушка, спокинула?
40 На кого сиротами ты всех оставила?..⁵⁷

ГОЛОШЕНИЕ СТАРУХИ ПО МУЖЕ

На кого ты, красный мой, обнадеялся,
И на кого ты ополобился,
Что покинул меня, горе-горькую,
Без теплого свово ли гнездущка,
5 Без призрения, без сожительства?..
Не от кого-то, горе-горькоей,
Мне слышати слово ласково,
Слово ласково да приветливо!..
Нету-то у меня, горя-горькия,
10 Что ни роду-то да ни племени,
Ни поильца мне, ни кормилца...
Остаюсь-то я, горе-горькая,
На сем свете да на белыем
Старым-то я старешенька,
15 Я одним одинешенька!
И что стану делати, горемышная?
Работать-то мне изнеможенья нет!..
Нет-то у мевя роду-племени,
С кем мне думу думати...
20 Не с кем-то мне слова молвити!
Ох, зачем тебя, милый ладушка,
Отняла у меня зла могилушка!⁵⁸

**СТАРОВЕРЧЕСКИЙ ПЛАЧ ПО УМЕРШЕМ
РОДСТВЕННИКЕ**

- Со восточной ли со сторонушки
Налетели лебеди что тучами,
Налетели тучами, за крест мучимы.
То скопцы—все бельцы старобрядские,
5 Все радельнички именитые,
Земли русския что страдатели!
Во монашеско оны платье все одеваны,
Воску ярого свечи-то затоплены.
Одноручное кадило затепляют,
10 Старобрядские стихи что воспевают;
Оны крест кладут по-старому,
Что по-старому, по-писаному.
Оны речи дикют потихохоньку,
А молитвы зпят пологохоньку.
15 Крепко-накрепко все дверцы позакреты,
А оконцы плотно-наплотно забиты;
Не терпят оны велика беззаконьца,
Не упустят что сердешна-то желаньца.
Оны клали все поклоны зёмные,
20 И читали книги голубиные.
Оны к мертвым устам что прилагались,
Оны в земушку ему да поклонялись;
Оны кланялись на все четыре стороны,
А особину поклон наистарейшему;
25 Во грехах оны что калялись,
О прощеньце ли и не чаялись.
День ко вечеру уж коротается,
Ко закатушку солнце клоняется,
А оны-то все покойничка пытаются,

- 30 Про евовое желаньице что выспрошают:
Оны вточь глядят во темные во очушки,
Накладывают ёму руки на головушку.
А и душенька его что отлетает
И по личушку-то нас всех припахает...
- 35 Потокѡм прошла ли душенька по горничке,
Что во светлой она по светличке.
Облетела ли она что все уголушки;
На палати поднялася к малы детушки,
Всем желаньице свое да проявила
- 40 И на волюшку она ту своротила.
Страшна-ужасна ту туча надвигалася,
Небо тучами заволокалося;
Громы-гromушки ту разгромели,
Молоньи что молнии ту пролетели:
К богу душенька-то во громах каталася,
- 45 В молвиях она что поднималася,
С родом-племенем своим прощалася,
С зѣмной участью на век ли расставалася.
Завывать станѣ тут родная-то матушка,
Причитать станѣ любимая невестушка,
- 50 Разливаться станут слезьми-то горючими
Малы детушки — потоками текучими.⁶⁰

**ПРИЧИТАНИЕ КУМЫ ПО УМЕРШЕМ
СТАРШИНЕ-КУМЕ**

- И что это вонь, ребята, случилось,
Что во доме именитом приключилось?
Мимоходом шла я ко суседушке,
Увидала где ли кучами народушко.
- 5 «Светы-господи, прости меня ты, грешную!
Не господень ли владычный ноне праздничек,
Или где-ио нонь престольный буде денечек?..»
Ну-тко кума я пойду-проведаю,
Все, как есть, от ёво я выведаю;
- 10 Он ведь человек е преразумный
И во грамоте вальяжно найученый!
А на срету-сретушку мне о ту пору
Что несут-ташшат дубовую колоду...
Я уж тут-ко так и приосела
- 15 И благиим матом завопела:
«Ай ты, светы-господи, что оказалось:
На-тко бедушка колика ту являлась!»
Ясны оченьки мои ту затуманились,
Резвы ноженьки мои надсадились...
- 20 Я не чаяла ведь, и не гадала,
О его болезтушке не ведала.
И ташшат его с крылечика переного,
Со его строеньица хоромного,
Что везут ли в погреба глубокие,
- 25 В обитаньца везут далекие.
Кто ж теперь, робя, нас буде защищати,
От обидушки ли нас оберегати?
Во потемочках при солнышке находимся,
Без заступочки его навоемся!⁶¹

ГОЛОШЕНИЕ ДОЧЕРИ ПО ОТЦЕ

- Со восточной со сторонушки
Подымались ветры буйные
Со громами со гремучими,
С молоньями да со палючими.
- 5 Пала, пала с небеси звезда
Что на батюшкину на могилушку...
Расшиби-ко ты, громова стрела,
Еще матушку мать-сыру землю,
Развались-кось ты, мать-сыра земля,
- 10 На четыре все сторонушки,
Ты сокройся-ко, гробова доска,
Расступитесь, доски дубовые!..
Распахнитесь, да белы саваны,
Отвалитесь, ручки белые,
- 15 От ретива от сердечушка!
Разожмитесь вы, уста сахарны,
Обернись-ко-ся да открой глаза
Ты, родимый свет мой, батюшко...
Перелетным ясным соколом
- 20 Ты слетай-ко-ся на сине море,
На сине море, на Хвалынское;
Ты обмой-ко в нем, родной батюшко,
Со бела лица свово ржавчину.
Прилети-ко-ся ты, родимый мой,
- 25 На свой-от высок терем;
Там подкутятся под окошечко,
Ты послушай-ко, родный батюшко,
Горе-горьких наших песенок...⁶²

ИЗ ПЛАЧА ЖЕНЫ ПО МУЖЕ-НОВОБРАНЦЕ

- Не бушуйте-тко вы, буйны ветры-ветрушки,
На мою что на кручинную головушку,
Не здымайте-тко сыпуч песок
Мне во слезны очи-очушки!
- 5 Да и как, горюше, мне не плакати,
Да и как еще, печальной, не здыхати?..
Что везут-везут ли мово ладушка,
Что берут-берут да во солдатушки,
Что стригут-стригут да во некрутушки;
- 10 Отрывают от крестьянской его жирушки,
От несчастной его семеюшки!
Не могу я слезыньки сдержати,
Самокатные росинки утирати...
А робятушки мал-мала меньше,
- 15 Их в игольчато ушко-то ведь не зденешь,
С собой в полюшко их не повёдешь...
И зачем я их, горюша, спородила,
Что несчастыцем я их да наделила?..
И я со горя да со кручинушки
- 20 Ужо сяду под косевчато окошечко:
Я тебя, жаланна, буду споминати,
Горе-горькое свое что проклинати!
И спожидать тебя я стану на побывочку
Во мою ли в одинокую во жирушку.
- 25 А ты весточку-ту радостну пришли,
На гербовой бумаженьке мне отпиши.
И веселім я стану веселёшенька,
Приберу я избушку чистёшенько;
Я робятушек приобужу ранёшенько,
- 30 Уберу я их да хорошошенько...
И тебя стретать-то выду в полюшко,

За широкое за то овраженько,
Где дороженька, что лента, расстиляется,
За лесами за дремучими теряется.
35 И не красно солнышко-то распекает,
И не светел месяц на землю зияет,
То родимый ладушко во дом что ворочается
И со малым детушкам-то он во здоровкается...⁶³

ПЛАЧ ПО МУЖЕ,
УБИТОМ НА ВОЙНЕ С ЯПОНИЕЙ

Как по нынешнему времянке
Все орды свиховалисе,
Все земли скошевалисе,
Все цари своевалисе,
5 Короли все сбунтовалисе.
У их роты не наполнены
Да полки не надоволены;
Им наполнить наб-роты солдатамы,
А полки — офицерами,
10 Да уж взяли удалу головушку,
Моего мужа законного,
На полюшко сраженное,
В грозну службу государеву,
На дюжу дальню сторонушку
15 За синии за морюшка,
За шумливое Онегушко,
За горушки высокии,
За корбушки дыбуции,
За болотинки зыбуции,
20 За сыры боры дремудии,
По-край да свету белого.
Уж судил господь расстатисе,
Судит ли нам свидатисе
Со удалой головушкой?
25 Так возьму, бедна горюшиця,
На белыи на рудюшки
Косату лётну ластушку
Свою доцьку баженую,
Я пойду, бедна горюшиця,
30 Ко круглистому озерышку

По веснушке красивою.
Как над озером круглистым
Летят лебеди гультивыи,
Летят гуси гордливыи,
35 Серы маленькии утушки
В ключевой воды плавают,
В шелкову траву падают.
Как спрошу, бедна горющица,
У гусей да у лебедей,
40 У серых у утушек:
«Припловите, гуси-лебеди,
Ко крутому ко бережку,
Как скажите мне-ка, беднушке,
Вы давно ли, гуси-лебеди,
45 Со цюжой дальней сторонушки?
Не видали ль, гуси-лебеди,
На пролете ясна сокола,
На произде добра молодца —
Солдата горе-горького,
50 Матросушка победного,
Моего мужа законного?
Как скажите мне-ка, беднушке,
Он уж цим (чем) да занимаетце:
Карауламы ли крепкими,
55 Аль наукамы тяжелыма,
Аль сраженьицем кровавыим?»
Как, косата летна ластушка,
Мне сказали гуси-лебеди
Про твоего кормильца-батюшка:
60 «Полужил свою головушку
На полюшке сраженном...
Как на полюшке сраженном
Удалы ты головушки
Не весельем занималисе, —
65 Своей кровь-рудой винцялисе,
Как на поле на сраженном
Головамы мосты мощены,
От кровей реки пропушены.
На этом ли на полюшке

70 По ногам ядра катятде,
Круг сердечюшка с ружья палят,
О бока пуля пролятыват,
Над глазами искры сыплютде.
Положил кормилец-батюшко

75 Удалую головушку
Не на мягкой постелюшке,
Не на крутом сголовьиде,
Не под теплым одеялышком.
Как на полюшке кровавоем

80 Им така была постелюшка —
Мать холодная земелюшка;
Им тако было сголовьиде —
Ракитовыи кустышки,
А такое покрывалышко —

85 Оружье-ранец тяжелыи».
Не надюся я, беднушка,
Не на гусей, не на лебедей,
Не на серых я утушек.
Я лучше пойду, беднушка,

90 На тиху клюдеву воду,
Ко быстро ей ко ридиньке,
Котора текет риденька
Со цюжой дальней сторонушки.
Так река бежит свирепая,

95 А вода теке угрюмая —
Не расскаже мне-ка, беднушке,
Про удалу про головушку.
Уж я лучше спрошу, беднушка,
У косатой лётной ластушки —

100 Тая ластушка-ласкотушка
Она летит ровнешенько,
К нам прилетит тихошенько
На косивдято окошедько,
Жупить стане по-птидьему,

105 Говорить по-деловицьему!
Возьмем мы ю, бедныи,
Во новую горницю,
Во светлую свиглицю,
У ей станем выпрашивать,

- 110 Она стане нам рассказывать.
Рассказала мне-ка, беднушке,
Косата летна ластушка
Про твоего кормильца-батюшка,
Про мою удалу разумну головушку:
- 115 «Порешил он головушку
На поляшке сраженном...»
Как, косата летна ластушка,
Не стало у тя батюшка,
У меня мужа законного,
- 120 По дому розрядчика,
На работу распорядчика,
Нету в поляшке пахаря,
Нет в темны лесы пастыря.
Нынь как станем жить бедный?
- 125 Как мне-ка, молодой вдовы,
На-б сердцеьком быть ласковой,
Разговорами быть вежливой,
Держать головушку поклонную,
А сердцеюшко покорное;
- 130 Надо сродцам поклонитесе,
На-б суседам покоритесе.
Хоть нам сродци да сродници —
Не хлеб-соль столовая,
Не надия нам вековая;
- 135 Хоть листить станут словоцьюшком,
Не жалиют нас сердцеюшком.
Как скажу, бедна горюшиця,
Тебе, косата ластушка:
«Ищи-тко ты жаланьця
- 140 Во красном во солнышке,
Штоб пекло оно теплешенько,
Обогрело жалобнешенько
Сиротину горе-горькую.
Так тепло красное-то солнышко
- 145 По утрышку по ранному,
В туман да пекет в марёгу
На поляшка засевамы,
На полянушки запашкамы.
А середь-то деньку белого —

- 150 На людей на богатых,
На детей на отцовых.
Только к вечеру поздешенько
Пекет оно тухлешенько
На сиротных малых детушек.
- 155 Уж я ли, мать бесцясная,
Вдовиця горе-горькая,
Не могу скрепить обидушки
На ретивом на сердцюшке.
Как на мое на сердцюшко
- 160 Не пекало сонце красное;
На ём ли, на бесцясном,
Во всяку пору времяцько
Е заносы снегу белого,
Погребощьки ледку ярого.
- 165 Так пойду, бедна горющиця,
Во темные во лесушки,
Штобы ветрушки не виляли,
Меня людюшки не видели
Со злодийной со обидушкой.
- 170 Злодийна та обидушка
Со мною вдруг она родиласе,
В одном купели окрестиласе,
В одной зыбоцьки кацяласе,
Сестрою прозываласе,
- 175 Ко мне на век привязаласе,
Никуды не оставаласе.
Как от моей от обидушки
Во лесушках во темных
Деревиноцьки сломилисе,
- 180 От их суцья отвалилисе.
От той ли от обидушки
На лужках трава повызябла,
На травы цветки повымерзли,
В озерах вода повысохла,
- 175 В омутах рыба повытухла.
Как от этой я обидушки
На ретиво на сердцюшко
Кладу обруди железный,
Скую полосы цюгунный,

190 **Закреплю сердце бесцельное,
Не долило бы горюшину
Великое бесцельце,
Злодейная обидушка.** ⁶⁵

ВОЩЬ ПО МУЖЕ

- Охти мне-кова-то, беднушке,
 Бесцясной молодой жоны!
 Как по сегодняшнему донецьку
 Уж не знала я, не ведала,
 5 Што сталосе, случилосе,
 Ново в доме объявилосе —
 Как по сегодняшнему донецьку
 Я жона стала не мужняя,
 А вдова стала победная,
 10 Стали серотни малы детушки.
 Уж не знаю только, бедная,
 Мне куды же стать с обидушкой,
 Мне куды же сис[т]ь с кручинушкой.
 Уж сис[т]ь во резвые во ноженьки, —
 15 Как во резвых-то ноженьках
 Там скороборзая смерётушка.
 Она не пустит меня, беднушки,
 Близ удалой-то головушки.
 Со мной спорила ды здорила,
 20 У мня взяла ды отвалила
 Удалу ту головушку,
 У рожоных малых детушек
 Она кормильца-света батюшка.
 Уж как сис[т]ь то мне-ка, беднушке,
 25 Во буйную головушку,
 Што у буйной-то головушки
 Сидя[т] анделы-арханделы
 Ды не пустя[т] мня, беднушки.
 Как говорят мне, горюшицы:
 30 Буде жить да любоватисе,

Прошло время — над [нужно] расстатисе:
Душа с телом порассталасе,
Ты вдовою приосталасе.
Уж как сис[т]ь же мне-ка, беднушке,
35 Супротив сердца ретивого.
Как супротив сердца ретивого
0 Сидя[т] господа апостолы;
Уж не пустя[т] меня, бедною,
Вдовы только молодую
4 Да головушки обидною.
Уж подломились резвы ноженъки,
Помугились оци ясныи,
А где-то у мяя, у беднушки,
Ды рожоны малы детушки?
4 Принесите-ко, пожалуста,
Мне дубовую скамеецку,
Допусти-ко меня, господи,
Близ своего мужа законного.
Обералисе тут анделы,
50 Уходили все арханделы. 67

Уж как сяду только, бедная,
Ды головушка обидная,
Уж как буду я выспрашивать:
«Ты изволь мне-ка рассказывать,
55 Уж скажи-ка мне-ка, беднушке,
Как по сегодняшнему денецку
Ты куды теперь сряжаеся,
Ды куды нынь отпраляеся?»
Уж сама знаю, сама ведаю —
60 Видно крепка порассерженность,
Верно плотна поразгневленность
Утудалой-то головушки,
Шо по сегодняшнему дез ецку
Снустила молода жона
65 Скороборзую смерётушку
Во витое-то гнездышко.
Видно, в доме [я] не слуциласе,
Круг дому не пригодиласе.
Уж сидела, ведь, я, бедная,

70 Эту круглу всю неделюшку
У трудной у постелюшки,
У тяжелого сголовиця,
Караулила я, бедная,
Не пришла штоб, не приехала
75 Скороборзая смерётушка,
У ворот не колотиласе,
У окна не сложила сесе, —
Были не заперты окошецька
Да не заложены воротецька.
80 Как скороборзая смерётушка —
Она шла только по-тихому
Да пришла она по-краткому.
Уж как взяла она душеньку
Из телушка из мертвого,
85 Из грудей брала здыханьцо,
С рук же отняла маханьцо,
С ясных одюшок-то зреньцо,
Со устов же говорильцо.
Сама знаю, сама ведаю,
90 У его ведь не рассерженность:
Душа с телом порассталасе,
Я вдовой да приосталасе,
Мои рожоньи-то детушки
Топерь да обсиротали.
95 Уж осталасе я, бедная,
Не в любимом прозваньице,
Што во вдовьем покликаваньице,
Мои маленькии детушки —
Во сиротцьком нареканьице.
100 Уж гляжу я только, бедная,
Во витоем-то гнездышке
В углу стало пустешенько
Ды во другом — порознешенько,
На середотцьки сирототцьки —
105 Все сиротны малы детушки.
Как уж сиротны малы детушки
Мои только бесцясныи,
Как-то станем жить мы, бедныи?
Как уж вынецьку-теперецьку

Во теперь да поры-времецьки
110 Уж потеряла-то я, бедная,
Я на пожонках покосьдика,
Во дистом-то поле — пахаря,
Да я трудницька, работницька.
Уж как нынецьку-теперецьку
115 Осталисе мне, беднушке,
Сиротны малы детушки;
Не стало, ведь, у беднушки
Большака да доможильщика,
На дела да распорядчика.
120 Охти мне кова-то, беднушке,
Досталосе горюшиде,
Не по розмыслу зоботушка
Ды не по силушке работушка.
Как во летную ту порушку,
125 Ды по вёснушке по красною,
Погляжу я, молода вдова,
Погляжу вдова победная
На утех — широку улоцьку.
Как поедут добры людюшки —
130 Все мужья поедут с жонамы
На полянушки распашныи,
На покосушки продольныи,
Как на трудную раболушку.
Уж как я-то только, бедная,
135 Со своима-то со малыма,
С сиротамы я победныма
В сенокосну пору-времяцько
Уж пойду я только, бедная,
На луга на сенокосныи.
Как на лугах на сенокосных
140 Нету сущего крестьявина,
Нет косца настоящего,
Нет грабителя хорошего,
Нет метальника зароду.
У меня только, у беднушки,
145 Сиротны малы детушки
Свиваются што цервушки.
Оны-то, ведь, молоденьки,

Ихна силушка малешенька.
У меня да молодой вдовы
150 Призашунула головушка
Да призаржавело сердечюшко —
На моем-то на ретивоем,
На бесцясном на сердечюшке
155 Е заносы снежку белого
Ды погребощьки ледку ярого;
Е великая обидушка,
Не удольная круцинушка.
Всим тоскам-тоски расклад живе,
160 А моей тоски измены [перемены] пст.
Мне-ка матушка-обидушка,
Ды мне-ка батюшко-круцинушко,
Как злодийная обидушка,
Со мной вдруг она родиласе,
165 В одном купели окрестиласе,
В одной зыбоцьки кацаласе
Ды сestroю называласе,
Со мной вмистях наровняласе,
Никуды не оставаласе.
Охти мне-ка только беднушке,
170 Как-то стану растить детушек,
Ранных малых сиротоцек,
Без кормильця света-батюшка,
Моего мужа законного?
175 Може, по миру находятце
По запертым окошецькам
Да по заложеным воротецькам;
Може, по бережку нашатаютца,
Камешков наприбераютце
180 Да ко сердечьку накладаютце,
Все желанья добираютце.
Камешки только не батюшка,
В камешках нету желаньица.
Охти мне, да вдовы бедною,
185 Ды головушке обидною!
Как уж нынецьку-топередьку
Со своими я с рожоньма
Со малыма я со детушкамы,

Я свиваюсь только, бедная,
190 Будто утушка круг кустышка,
Што лебедушка круг бережка,
Круг витого-то гнездышка,
Ище так же вдова бедная
Круг сердечных малых детушок.
195 Так уж нынецьку топерецьку
Коим ветрушкам не вяти,
Ты ветрушки навиютце,
Коим людюшкам не баяти,
Ты людюшки набаютце
Про меня, да вдову бедную;
200 Уронила молода вдова
Вси распашныи полянушки
Ды продольныи полосушки,
Вси луга ды сенокосныи,
Всё крес[т]ьянство я великое,
205 Заведеньце широкое! ⁶⁸

Уж не жалеите, люди добры,
Не унимаите, православныи,
Мое лиценько — не бумажное,
Бежа[т] слезы не жемцюжныи.
210 Мое лицюшко бесцястное,
Текут слезы горе-горькыи.
Уж не знала, не нацяласе,
Што я в горюшке осталасе. ⁶⁹

Охти мне да только, беднушке,
215 Головушке обидною,
Горе-горькой-то, бесцястною!
Уж не знала, не нацяласе,
Што станетце да сбудетце.
Доць моя башоная,
220 Была в сад она посажона,
В саду мистецько налажона.
Так уж нынецьку-топерецьку
Не кунют, не богатеют,
А вдовиют да сиротают.
225 Ты живи-тко, доцька бедная,

Ты вдова да горе-горькая:
Ходи пониже шелковой травы,
А потише ключевой воды,
Штоб ветры буйныи не вяли
230 Ды добры людюшки не баяли,
Круг тебя, да молодой вдовы,
Штобы соседы не смиялися;
Не ходи-тко, моя бедная,
По годовым по праздницькам,
235 По веселым гуляноцькам.
Уж ты сядь-ко, моя бедная,
На бросову белу лавоцьку,
Ды под косивцято окошецько.
Уж как стонетце ды сбиднитце,
240 Ды на уми-то схудоумитце,
Уж ищи-ка, моя бедная,
Великого желаньця
Ды душевного раданьця
В соколках-братцях родимых,
245 Штоб пособили, моя бедная,
Тебе сирот малых повыврастить!
Да их на людюшки повывпустить!
Уж ты проси-тко богородицю,
Штобы дала богородиця
250 Ума да много разума,
Во головушку заботушки,
На сердцецько попеценьця;
Штоб были умныи, рассудныи,
А с людьми да расхожии.
255 Как раскрое богородиця
По желаньцю — стараньцо,
По охотушке — работушку,
Дала силу бы великую
Пресвятая богородиця.
267 Не осудите, люди добрыи,
Не дивуйте, православныи,
Што не зыцьно голосоньце,
Ды не умильно прицитаньце:
Ведь, по школушкам не хожено,
265 Ды по училищам не учено;

У мя приплати не ложены,
Ды приплатьки не складены.
Уж стала старая-древная,
Не могу я только, бедная,
270 Пособить вдовы, повырастить
Сиротных малых детушек,
Бажонных своих внуцятюк.⁷⁰

Уж, удалая головушка,
По уму ль тебе, по разуму
275 Были плотницки-работницки,
Как состроили хоромину
Без кирпичной теплой пещюшки,
Без косивцятых окошечек,
Без брусowych белых лавоцек,
287 Без дверей да без дубовых,
Понизу — не обложоная,
Посреди она — не мшоная,
Поверху — не шеломленая.
Уж вам покорно благодарствую,
285 Вам, да плотникам умильным,
Мастерам людям уценым.
Вы недолго дело делали,
На церквах да было уценось,
Мастерскии только людюшки,
297 Состроили вы келейку,
Будто старцю во пустыньцях.
Уж сама знаю, сама ведаю,
Я вдова да горе-бедная
Ды головушка обидная,
295 Это хоромное строеньцо —
Оно холодно ды голодно.
Охти мне, да только беднушке,
Ды моей буйной головушке:
С младых лет лицо состарие
307 Ды головка поседатие,
Без солнца волос повыгорит,
Без дождя лицо повывмое.
Как у меня только, у беднушки,
Было пытано разбаивать

Да пытано разговаривать
Свою буйную головушку, —
Не отвицья-то молодой жоны.
Ты куды же нынь справляесе?
Али к церкви ты соборныи,
310 Аь к обидни богомольную,
Ды ко службы пресвященную?
Сама знаю, сама ведаю,
Не к обидни богомольною, —
Во будущее векушко,
315 На веки да нерушимыи,
На вековицню житье-жирушку. 71

Не спешитесь-ко, пожалуста,
Дайте мне спросить-то, бедною:
Хоть справляесе, сряжаесе,
320 Ты когда в гости посулисе,
Ты когда ко мне появиесе?
Стану ждать да только, бедная,
По утрушку по ранному,
Аь по ведеу ко позднему,
325 По тухлой зори вецернаю,
До петушья воспеваньиця,
До кукушья кукованьиця,
Уж держать я буду, бедная,
Свои ножки на дорожоньке,
330 Белы рудьки на золожоцьке.
Так уж тое умом думаю:
Из мертвых живы не родятце,
С мертвыма жить не приходитце.
Уж не спешитесь-ко, пожалуста,
335 Дайте времяцьки мне справитце;
Не несите-ко, пожалуста
От сиротных малых детушек
Вы кормильця света-батюшка.
Уж как нынецьку-топередьку
340 Призастыло в витом гнездышке
Без хозяина-то сущего:
У меня печь, веь, не топленая
Ды избушка не метленая,

345 Ко круту красну крылецюшку
Призапала путь-дороженька
Снегами да перистыми.
В эти круглы долги сутоцьки,
В это долгое обноцьцо
Во дому, ведь, нет хозяина,
350 На дела да распорядчика. ⁷²

Уж по сегодняшнему денечку
Не отворяйся, дверь дубовая,
Не отворяйтесь-ко, воротецька,
355 Не отпускайте-тко, пожалуста,
У седрецьных-то у детушек
Вы кормильця света-батюшка.
Подломитесь, резвы ноженьки,
Приустаньте, рудьки белыи,
У порядных суседушок
360 Ды у милых моих сродницьков.
Не несите-ко, пожалуста,
Моей удалой-то головушки,
Дайте малое мне времяцько —
Сложу в лавоцьку торговую,
365 Возьму бумаженьку гербовую,
Найду писарей умильных,
Писарей людей уденных,
Сойму маленькую картоцьку
Ды спишу я тело мертво,
370 Его лицюшко-то блёклое,
Да всю стинь я целовецеску —
Себе мужа я законного
Ды сердецьным малым детушкам
Я кормильця света-батюшка.
375 Не жалиют оны бедныи
Кормильця света-батюшка:
Во летах оны молодых
Ды во днях оны во юньских,
Во летах несовершенноных,
380 Во годах ды не в указных.
Как взойдут в лета во полныи,
Так уж схватятце же бедныи,

Оны схватятце-наплацютце
Спамятуют — пожалиютце
385 Своего кормильця-батюшка.
Уж как тут же, вдова бедная,
Я подам им эту картоцьку,
Сердечным своим детушкам.
Уж сердечны мои детушки,
390 Вы не от ветрушка засияны,
Не от камешка спорожены,
У вас-то, мои детушки,
Был кормилец свет-батюшко,
Как уж noneцьку-топерецьку
395 Он во матушке сырой земли
Ды во холодной гробовой доски. 73

Ты не радуйся, богородиця:
Не сундук везу со златой казной,
Не коробейку с целой тысяцей, —
400 Привезла да тело мертвое
Ды лицюшко я блеклое,
Свою удалую головушку.
Уж во теперь да поры-времяцьки
Потеряла потеряшецьку,
405 Обронила оброняшецьку,
Потеряшка стоит сто рублей,
Оброняшка — цела тысяця,
Уж бесценна моя тысяця,
Она в церкву во соборную,
410 Не в пелену шелковую,
Не на свицьку же восковую. 74

Простояла я, прохлупала,
Проглядела ды процилькала
Я на пелены шелковыи
415 Ды на свици трерублевыи,
Уж не слышала я, бедная,
Отпеваньиця духовного
Ды читаньиця церковного.
Уж вам, спасе бог, благодарствую,
420 Вам, попам-отцам духовным,

На умильном отпеваньице,
На духовном на цитаньице.
Попы поют духовную,
425 Дьяки пишут подорожную;
Попы с церковью порассталисе,
Мы же с мертвыми прощалисе,
Мертвы в землю нынъ досталисе. 75

Моя удалая головушка
Был во церкви во соборную
430 Не у обедни преосвященною, —
Был у святого отпеваньица.
Не в первых да во последних.
Так уж нынецьку-топередьку
Пошел во будущее векушко
435 На вековое житье-жирушку. 76

Охти мне да только, беднушке,
Как на эту святу буювку
Уж оставлено ды сvezено
Сердечных моих детушок
440 Все родительско жаланьице.
У мя-то, молодой вдовы,
Удала ты головушка
Ды вся крепкая ты думушка,
Как круг этой-то могилушки
445 Вырастайте-ка вы, вербушки,
А на этой же могилушке
Прорасте трава шелковая,
Расцветут цветы лазоревы,
Што во летную ту порушку,
450 Как пойдут ды мои вьюнышки
На эту святу буювку
Ды на буювку родительску,
На могилку целовецеску.
Как расцветут да эти вербушки
455 Ды расцветут цветы лазоревы,
Уж нарвут же с травки цветиков,
Наломают оны вербушек
Ды и маленьких прутышков.

Прибежат мои роженны
460 Ды бажоны милы детушки,
Принесут да оны цветики
Ды с вербушек-то ветоцьки, —
Уж обомре у молодой вдовы
У ей сердецюшко ретивое,
465 Тут загине же головушка.⁷⁷

Уж как пришла только, приехала
Не с дальней со пецяльною,
Со пецяльной я дороженьки,
Со святой только со буевки.
470 Уж оставила я, бедная,
Што на буевке родительской
Ды на могилке целовецеской
Своего мужа законного.
У меня все с дому потеряно,
475 Уголоцьки все избавлены,
В уголку стало пустешенько,
Во другом ды порознешенько,
Ды во третьем холоднешенько,
На середоцьки сиротоцьки,
480 Все сиротны малы детушки,
Оны спрашивают беднушку
Ды добродушку ту матушку
Про кормильця света-батюшка:
«Уж родитель-наша матушка,
485 Ты куды же приоставила
Ты кормильця света-батюшка,
У обидниль бегомольнею,
Аль у вечерни ты у позноку,
Аль во церкви во соборною?»
490 Отвещала вдова бедная:
«Уж сиротны мои детушки,
Ваш кормилец-от свет-батюшко,
Он во матушке сырой земли,
Ды во холодной гробовой доски,
495 Не сулился он к нам, бедным,
Ни о праздницьках годовых,
Ни о воскресеньдях христовых

Ды не в порушку рябоцюю.
Уж вы, сердечьны мои детушки,
500 Как-то станем обживатисе,
Охти мне-кова тошнешенько. 78

Уж не знала я, не ведала,
Как по сегоднешнему денецьку
Прилетела ко мне, к беднушке,
505 Птицька вещь подземельная,
Она крылышко расправила,
По околени ударила,
Уж сказала вдовы бедною:
«Ты поди-ка, молода вдова,
510 Ты к обидни пресвященною,
Уж по сегоднешнему денецьку
Есте грешницькам прощеньице,
Телам мертвым распушеньице».
Уж я справляласе, спешиласе,
515 Путь-дороженька двоиласе.
Пришла к обедне богомольнею,
Што во церкву во соборную.
Как во церкви во соборную
Не могла прибрать, горющиця,
520 Не углядела же я, бедная,
Своей буйной-то головушки
Я ни голосом, ни волосом,
Ни модныма же платицам.
Охти мне, да только, беднушке —
525 В эту круглую неделюшку
Заросласе путь-дороженька
На буювку родительску
Ды на могилку целовецеску,
Ко своему мужу законному.
530 Она ельницьком, березницьком,
Цястым мелким олешицьком.
Этот ельницец повыломаю
Ды олешицек повырублю,
Проложу я путь-дороженьку,
535 Одну маленьку тропиноцку
Во коровью я слединоцку,

Уж ходить буду цястешенько
 Ды сидеть буду долгошенько,
 Стану спрашивать я, бедная,
 540 Пресвяту свет-богородицю:
 «Уж ты дай-ко, богородиця,
 Только ветры неустойные,
 Уж вы повийти, ветеродики,
 Разнесите-ко песоцики,
 545 Ты раскройсе, гробова доска,
 Покачнись-ко, тело мертвое,
 Ты людюшко же блеклое!
 Уж ты дай-ко, богородиця,
 В ясны оцюшки-то зреньице,
 550 Во уста же — говореньице,
 В белы рудюшки — маханьице,
 В резвые ноженьки — хоженьице!»
 Уж нынь стану я выспрашивать,
 Как-то стану жить, горюшиця,
 555 Как выростить мне-ка, беднушке,
 Своих сердечьных малых детушек
 Ды косатых летных ластушек,
 Беломорских лебедушек.
 Уж не хватит ума-разума
 560 У меня да вдовы бедною,
 Их повыкрутить, повырастить
 Да в добры людюшки повыпустить.
 Без удамой-то головушки
 Головушка не гладитце,
 565 Волос к волосу не ладитце,
 Цветны платыця не правятце.
 Охти мне-ка только, беднушке!
 Я раскину умом-разумом.
 Обманула меня, горюшу,
 570 Птицька вещь подземельная:
 Во будущем-то векушке
 По сегодняшнему денецьку
 Нету грешницькам прощеньиця,
 Телам мертвым распушеньиця.
 575 Уж сходила, сволоцигасе
 Я на буювку родительску,

Ко своей буйной головушке.
 Как уж мне-ка, вдовы бедною,
 На-б ума ды много разума
 580 Во буйную головушку,
 Попеденьица в сердцеюшко.
 Уж я буду нынь выспрашивать
 У удалой-то головушки:
 «Ты скажи-ка мне-ка, беднушке,
 585 Ты когда ко мне посулиссе,
 По утрушку ли ранному
 Аль по ведерку по поздому,
 Посредь ли деньку белого,
 Аль темной ноценькой ты долгою,
 590 До петушья ль воспеваньица,
 Аль до кукушья кукованьица?
 Уж держать я буду, бедная,
 Свои ножки на дороженьке,
 А белы руцьки на заложоцьке.
 595 Дык уж век того не водитце,
 Со мертвых живы не родятце,
 Што во будущем векушке,
 В веках да нерушимых,
 Нету мервым же прощеньица,
 600 Так уж надо обживатисе
 Мне-ка, бедной молодой вдовы,
 Мне-ка надо наровнятисе
 С порядныма соседушкамы,
 На-б вложить-то мне-ка, горюше,
 605 Заботушку в работушку.
 Уж пойти же мне-ка, беднушке,
 Со бுவки родительской,
 Со могилки целовецеской.
 От буйной своей головушки
 610 Охти мне-кова тошнешенько. 79

Уж не возгневно ли покойнику,
 Не возбранно ли хозяину
 Спустить не зыцьна голосаньица
 Да не умильня прицитаньица.
 615 Уж спросить же мне-ка, беднушке:

Куда же ты справляеcе,
Ты куда же собираеcе?
«Во путиcтую дороженьку,
Не во дольную — безызвecтную,
620 Во матушку-сыру землю
Ды во холодную гробову доску,
Во будущее векушкой».
Уж накажу, бедна обидная,
Своим сердцеьным родителям
625 Ды всему я роду-племени,
Как не буде ли свиданьица,
На пути да попаданьица,
На дороженьке стрестаньица,
Так уж снеси-ка ты, пожалуста,
630 Поклоны целовецески.
Уж без письма только, без грамотки
Да и без маленькой записоцьки.
Уж пусть накажут мне-ка, бедною,
Оны когда в гости посулятце —
635 По утрушку ль по ранному,
Али по вецеру по позднему.
Уж стану ждать я только, бедная,
Держать ножки на дороженьке,
А оци ясны во цистом поле.
640 Как у меня только, у беднушки,
Обедушки ты [те] справлены
Ды завтраки cготовлены,
Уедушки сахарныи
Ды питьица медвяныи.
645 Только тое нынь не водитце,
Из мертвых живы не родятце,
Со веков да нерушимых
Нету конному-то выезду,
Пешеходу нету выходу,
650 Нету птиденьке пролетицу.
Так уж сложено ды складено
Ды все жаланьице оставлено
Во матушке-сырой земли,
Во холодной гробовой доски.⁸⁰

О СЫНЕ — ХОЛОСТОМ РЕКРУТЕ

Сис[т]ь было мне, горюшиде,
Бедною да горегорькою,
Мне под красное окошечко,
Мне на лавочку дубовую;
5 Ко прибоенке кленовою,
К своему да сыну милому,
К сыну милому, любимому,
Мне в остатнии, в последние;
Уж ты мило мое дитятко,
10 Ты несчастное родилося,
Бесчастное да бесталанное,
Куды спешисься да торопишься,
Изо своего ты дому благодатнова,
Изо светлой изо светлицы,
15 Из новьи да новы горницы?
Без тебя, да мило дитятко,
Отемнеет светла светлица,
Опустает дом-подворьицо;
Ты пойдешь, да мило дитятко,
20 Не в любимую да путь дороженьку,
Не в любимую — во дальнюю,
Во дальнюю да во печальную,
Ты во службу-то во царскую,
Во царскую да государскую,
25 Во солдаты новобраньи.
Так ты послушай, мое дитятко,
Что я тебе буду наказывать,
По-словечно наговаривать:
Когда стоскнеде тебе — сгорюхнетце,
30 Так ты подешь, да мило дитятко,

На ученье-то великое,
Так примечай-ка, мое дитятко,
Со которых сторонюшки
Так подует ветер буйной-от.
35 Как с полуденных подует-то,
Так гляди-тко письма-грамоты
От меня-то, от горюшицы;
Так напишу я, бедна горькая,
Напишу письмо-грамоту
40 Я не на гербовой бумаге,
Не пером да не чернилами,
По горю да горючим слезам;
Ты возьми, да мило дитятко,
Ты возьми да письмо-грамоту,
45 Ты возьми да на белы руки,
Ты прижми да к ретиву сердцу;
Что пришло мне письмо-грамотка,
С моей родимы стороны,
От родимыя от матушки,
50 От кормильца-то от батюшка,
От соколов от братьев милых,
От голубушек милых сестер,
От соседей, от соседушек
И от соседних милых детушек.
55 Ты скажи-тко, мое дитятко,
Когда посулишься в дороги гости:
О господнем о праздничке,
Поутру ли ты ранешенько,
В вечеру ли ты познешенько,
60 Или среди бела дня.
Так я буду ждать да дожидатися,
Выходить буду частешенько
Я на красное крылечушко;
Я глядеть буду, поглядывать,
65 Что нейдет ли мое дитятко,
Из дальнии да из дороженьки,
Из городов-то понизовниих,
Понизовниих, украинниих,
Из солдат новобрашних.
70 Ты простись, да мило дитятко,

Ты с соседям и с соседушкам,
И со красным со девушкам;
Поблагодари, да мое дитятко:
На беседе на смиренной
75 Как оне тебя да прилещали,
Неприятным словам да называли,
Оне некрутом считали;
Как ты придешь, да мило дитятко,
Во свой во дом, да благодатной-от,
80 Ты придешь больно не весел,
Буйну голову повесил. ⁸²

СВЯТОЗЕРСКИЙ ПЛАЧ О ХОЛОСТОМ РЕКРУТЕ

- Ты прощай-ка, мое рожоное, милое дитятко,
Моя любимая, удалая, наживная головушка.
Как обневелили тебя не в порушку, да не во времечко,
Моего полетного, ясного сокола,
5 Из-под моего правого крылашка.
Ты пойдешь, моя любимая удалая, наживная головушка,
На чужую дальнюю сторонущу,
Что ль по дальней широкой дороженьке;
Шириной дорожка — тридцать сажень,
10 Долиной дорожка — конца-краю нет.
Ты вспомни-ко свою любимую, домашнюю крестьянскую
жирушку,
И ты вспомни-ко меня, престарелую, много-
победную головушку.
И как придут-то честные, годовые, воскрес-
ные, владычные празднички;
И как наступят любимые, веселые крестьянские
гуляньца,
15 Хороводы да игрища;
Как пойдут-то молодые, удалые добрые молодцы,
Что ль твои ли сотоварищи, —
Уж как я, многопобедная головушка,
Я, горюша горегорькая, —
20 Как я сяду-то под свое любимое косящато окошечко,
Я покукую кукушицей,
И как вспомню про тебя, мое рожоное дитятко,
Моя наживная, удалая головушка,
Мое солнышко закатное,
25 Моя звездочка ненаглядная.
Ты не дай-ко, боже-господи,
Нам живого расставаньца

С моим милым любимым дитятком.
И как есть-то мне тошнешенько,
30 И как есть-то мне больнешенько,
Моему сердцу ретивому.
И как придет-то теперь времечко,
Что ль весна придет да красная,
Придет летушко ли теплое,
35 Как-то стану я, многопобедная головушка,
Со своим со милым рожонным дитятком,
Как я стану обрабатывать
Свою землю хлебопашеством,
Свои поженки прокосные,
40 И луга-нивы продольные,
Все поречья и все заречья,
Все мелки кусты-кустарнички,
Все лазуревые алые цветики?
И ты, любимая удалая головушка,
45 Ты уведошь меня, бедную,
Мать горюшу горегорькую,
Писемцом либо грамоткой,
Или ласковым словечушком.
И ты не помни, мое милое,
50 Всех житейских моих грубостей,
И ты вспомни-ко, рожонное,
Мои ласковые словечушки.
И как я, многопобедная,
Я, горюша, горе-горькая,
55 Попрошу царя небесного
И земного вседержителя,
Чтоб открыл он тебе ученьице
И всю службу государеву.⁸³

ПЛАЧ СИРОТЫ

- Как иду я, горька сирота,
Как иду я, горемышная,
Как в оградушку во мирскую,
Как к вам, мои родители,
5 Как к тебе, родима матушка.
Припаду я ко матушке-сырой земле:
Не простонет ли мать-сыра земля,
Не промолвит ли родитель-мамонька,
Что со мной да горькой сиротой?
10 Подымитесь вы, ветры буйные,
Разнесите вы все желты пески,
Подымите родиму мамоньку
Что из этой из сырой земли.
Расскажу я, горька сирота,
15 Про свое да горе-кручинушку.
Исполать ты, родная мамонька,
Не могу я тебя докликаться,
Не могу тебя добудитися —
Ты уснула да крепко-накрепко,
20 Так не слышишь меня, горьки сироты,
Ты меня да горемышныя.
Ты спроси, родная мамонька,
Про мое житье ты горькое,
Как живу я, да горька сирота,
25 Как не вижу я веселых ден,
Как живу я во рабах во работницах.
Мне не надо бы от чужих людей
Золотой казны,
Лучше быть мне, родима мамонька,
30 Со тобою во сырой земле.

Ты прижала бы меня, горькую,
К своему-то ретиву сердцу,
Ко своей-то ко белой груди.
Ты раздай-ко-ся, мать-сыра земля,
35 Ты раскройся, гробова доска,
Ты откинься, да полотенечко,
Поднимись, родная мамонька,
Ты промолви со мной словечушко,
Ты прижми да к ретиву сердцу
40 Своего дитя несчастного,
На свету чтобы мне не маяться,
Что не гораздо, родима мамонька,
Не прижимаешь к ретиву сердцу
Своего ты дитю малого.
45 Как живет он да мотается —
У нас дело все не приделано
И работушка не приработана;
Не берет нас управушка
Без тебя, родима мамонька! 85

ПЛАЧИ А. Н. СПОЛОХОВОЙ

ВОПЛЬ ПО ОТЦЕ

- Уж ты свет мой, кормилец тятенька,
Ты куды собираешься
На житье-то вековечное?
Уж ты свет мой, кормилец тятенька,
5 Приходит нам с тобою расставатися.
Не увижу, родной мой тятенька,
Что тебя-то в лицо белое.
И что как-то, кормилец тятенька,
Что без тебя-то мне жить будет,
10 Жить будет — мотатися,
Напримаюся я, горькая...
Ты скажи-ка, родной тятенька,
Наказал ли ты своим детушкам,
Что моим-то братьям-батюшкам,
15 Штобы не оставили меня, горькую?
Уж как я-то знаю-ведаю,
Самой можно догадатися —
Зарастет-то путь-дороженька
Уж как в твой-то благодатный дом,
20 Как в твой-то новы горницы,
Как в твой-то светлы светлицы.
Как без тебя, кормилец-тятенька,
Не приду я в благодатный дом.
Уж ты свет-то мой, родной тятенька,
25 Распределил ли ты золоту казну
Мне-то горькой сироте?
Я сама-то знаю-ведаю,
Самой можно догадатися —
Не успел ты, родной тятенька,

30 Препоручить-то золоту казну,
Как постигла тебя скоро смерть,
Уж как смертонька неожиданная,
Не ожидала я твоей смертоньки. 86

ВОПЛЬ ПО МУЖЕ

- Уж ты, свет ты мой, надежинька,
Ты надежинька-законный муж,
Ты куда собрался-собрался
На житье на вековешное?
4 Наглядитесь, очи ясные,
На запас да насмотритесь.
На тебя-то, мой законный муж,
Я гляжу, да горька сирота,
В остальные-то в последние —
10 На твое-то лицо белое,
На твои-то брови черные.
Не увижу, не услышу я,
Как похоронят мово надежиньку
Как во матушку-сыру землю
15 На житье-то на вековешное.
Уж ты, свет ты мой, надежинька,
Я о чем тебе буду кучиться:
Ты моги меня послушаться,
Накажи-ка, мой надежинька,
20 Ты своим-то деткам мальцем,
Штобы не откинули меня горькую,
Меня горькую, несчастную,
Как свои-то дети родные.
И еще как мне будет, горькой сироте,
25 Как жить будет — мотатися,
Уж как все-то я придумаю,
Уж как все-то я пригадаю —
Я жила, да мой надежинька,
Я жила да красовалася
30 За твоей за буйной головой.
А уж как теперь, мой надежинька,

Как придется мне болтатися,
Как куды мне будет деватися,
Если не приберут меня детки милые?
35 Накажи ты, мой законный муж,
Как своим-то сношкам милыем,
Штобы не покинули меня, горькую,
Как твой-то сношки милые.
Уж ты свет мой, надежинька,
40 Мой надежинька, законный муж,
Ты восстань-ко, мой надежинька,
На свой-то на резвы ноги,
Да восплесни ты, мой надежинька,
Ты своими руками белыми,
45 Да ты промолви-ка словечушко,
Ты со мной-то, горькой сиротой,
Ты скажи-ко, мой надежинька,
Про свое-то про житье-бытье,
Каково жить во сырой земле? 87

ВОПЛЬ ДОЧЕРИ ПО УМЕРШЕМ ОТЦЕ

- Стать-то мне на свои да на скоры ноги,
Ко столам-то подойти ко дубовым,
По тебе ли же, мой батюшка [имя и отчество],
Потихохоньку да полегохоньку,
5 Чтоб не испугать тебя от сна от крепкого,
От просоньца-то вековечного.
Али спишь ты крепко, что не проснешься
И не пробудишься?
Унялись, знать, твои скорби-болести?
10 Знать, пришло к тебе теперь здоровьице?
Знать, на тот на белый свет снаряджаешься,
сподобляешься
- От своей родимой матушки?
Я спрошу тебя, мой батюшка,
Кто звал тебя, кто подговаривал?
15 Кормилец ли звал, батюшка?
Али вкупе все сродцы и сроднички?
Так спрошу я тебя, батюшка,
Как подкралась к тебе смерть прекрасная,
Не побоялась ни погод, ни вьюг, ни снегов белых?
20 Как подошла да как подкралась она?
Тяжело было тебе с домом благодатным расставатися,
А еще тяжеле со твоею милой матушкой [имя матери
и других сродников],
Да еще-то тяжелей было расстатися,
И еще-то тяжелей было прощатися
25 С белым светом со прекрасным,
Со житьем-бытьем хорошим.
Пытали за тобой ухаживати:
Не жалела себя родима матушка,

- Уж сокрушил же ты ее, корыплец батюшка.
30 Не ходили у ней ноженъки,
На твои глядя скорби-болести.
Не посмотрела, видно, смерть прекрасная,
Пожалела, что у тебя несносные скорби-болести.
Пустым-пустехонько стало в доме матушки,
35 Носилу ходит она при злодей-горе.
Только и видит она отхлянушки,
Коли съедет ко божьей церкви,
Коли выйдет да взойдет на твой высок терем,
Только и в покоице бывает ретиво сердце.
40 А как вернется во твою спаленьку,
Завернется у ней ретиво сердце,
Что пустым везде пустехонько.
Что не думала она, не чаяла
Перенестъ-то злодей-горе.
45 Знать, поддержал ее господь бог,
Твою матушку родимую [имя].
Тяжело было ей с тобой расстаться,
Уж насилу подходила ко столам дубовым,
Что не доживши вeku, батюшка,
50 Молодехонек решилсЯ житья прекрасного,
Да хорошего дому, благодатного,
Успокоил свое ретиво ты сердце.
Подойду я, горяша-то горькая:
Уж и где же мой-то батюшка [имя]?
55 И стану я будить тебя тихохонько,
Разговаривать с тобой легахонько,
Не поймешь ли мои речи горькие?
Да не проснешься ли, не пробудишься?
И не поговоришь ли со мной, не цобаешь ли?
60 Как ты расставался со белым светом,
И с твоим-то домом благодатным,
И со своим житьем-бытьем хорошиим?
Ударил бы смерть прекрасную
Золотой казной несчетною:
65 Оставила б на сколь поры, на времечко
Пожить бы тебе да повоблевать
На сем на свету на вольном,
Во житье-бытье прекрасном.

А теперь, кормилец батюшка,
70 Приходит пора-времечко,
Что кретать тебе из дома благодатного.
Как приедут отцы-то духовные,
Тяжело тебе подняться со столов дубовых,
Видно, расставаться тебе с домом благодатным.
75 Поскопилися к тебе люди добрые
Да и взяли тебя на белы руки,
Положили тебя в вековечный дом,
Что без дверей-то сделан без ходячих
И без окошенок-то сделан без светлых.
80 И поставят тебя, нашего багюшку,
Во сыру землю, во желты пески.
Да как укладут тебя, да как устроят,
Крепким-накрепко умнут сыру-то землю
И уравниют заступами вострыми,
85 Чтоб ни выходу не было, ни выезду.
Мы упрашивали рыльщиков-копальщиков,
Чтоб оставили они-то путь-дороженьку,
Хоть не езжалую да пешеходную.
Вот как скопимся мы к тебе, батюшка [имя],
90 Да придем на твой высок терем,
Кабы вышел ты к нам, батюшка,
Разговорился бы с нами да разбаялся
Про свое-то, про свое житье,
Хорошо ли тебе там со вольной волюшки,
95 Со житья-бытья хорошего?
Аль тоскливо, аль тошнехонько?
Только б жить тебе да волевать!
Коль посулился быть в дороги гости,
Коль назначишь пору-времечко,
100 Как зимой ходить-то больно вьюжливо,
А как осенью ходить-то больно морозно,
А весною-то ходить больно водяно;
Так назначил бы ты пору-времечко
105 Посередь лета, посередь теплого,
Посередь сенокосу красного.
Мы б удержали в те поры рабочих,
Наварили б, припасли пива пьяного,
И про тебя ли яства кусу сахарного,

РЕКРУТСКИЙ ПЛАЧ

Что мне выйти на широку улочку,
Что мне встретить братца-батюшку [такого-то:
имя] —

Чем тебя бог пообрадовал?

Как подъезжали вы к приемам ко высоким,

5 Как входили вы по частым лесенкам,

По судьям да по начальникам,

Не подкосились ли у вас скоры ноженьки?

Как поставили вас под мерушку высокую,

Скатится с плеч буйная головушка.

10 И станут подводить вас ко столам дубовым,

Ко бутылочкам хрустальным,

Затрясутся ваши белы рученьки,

Жеребья-то вынимать строгие,

Уж как поглядите, прочитаете,

15 Что попал жеребий-от близехонько

В тое ли линию солдатскую,

Во службу-то во царскую.

Как придет вам пора-времечко,

Посадят вас на стулья на дубовые,

20 Посымают с вас русы кудри

Да и крянут вас от своей сторонушки,

От родимого от батюшки

В города-то те уездные,

Во службу-то царскую,

25 Во ученье государское.

Тяжко будет жить — трудится

Со мужицкой вольной волюшки.

Не успишь и в темну ноченьку,

Не угуляешь и в господни празднички —

30 Все в заботушке солдатской.

Мое милое ты дитяtko,
Посиди на своей лавочке,
Не усидеть тебе в неволюшке,
В неволюшке во солдатской.
35 Солдат-то посидя выспится,
А похода накушается.⁹⁰

**ПЛАЧ О СЫНЕ,
УМЕРШЕМ НА ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ**

Ох, ты мнечюшки тошнешенько,
Сколь гораздо обиднешенько.
Как я сдумаю-подумаю
Про свою да сына милово,
5 Покатитсе с плець головушка,
Призамрет да ретиво сердце.
Не привел да мене господи
Мене видеть да сына милаво.
Кондил жизнь да мое дитятко
10 На цюжой да на сторонушке
Без отця он да без матери.
Я ждала да дожидаласе,
Я сидела, да горька-бенная,
Кажней день да под окошецьком,
15 Вось придет да мое дитятко.
Я глядела сквозь стеколышко, —
Вось придет да мое милое
На родимую сторонушку,
Он к кормильдю-то ко батюшку,
20 Он ко мне, горюхе-матушке,
К соколам да к братцям миленьким,
Ко голубушкам милым сестрам,
Ко дружьям-братьям, товаришшам,
Он к своим да ко приятелям.
25 Не пришлось да сыну милому
Побывать да добру молодцу,
На родимой-от на сторонушке.
Топерь знаю, да горька-бенная,
Мене ждать ево не дождатисе,

30 Ево кликать да не докликатьсе
С безызвестной-то со сторонушки.
Из-за гор да есте выходци,
Из-за морь да есте выплавци,
А из матушки-сырой земли

35 Нет ни выходцев, нет ни выплавцев,
Нет ни коннаво, ни пешаво,
Ни письма нету, ни грамотки,
Никакой да нету вестодьки.
Как пойдут ево товаришши

40 На веселое гулянице,
Погляжу я во окошедько.
Не могу я, горемышная,
Углядеть да сына милаво
Не в народе да не в добрых людях,

45 Не в дружьях-братьях, товаришшах,
Не во своих ево приятелях.
Не придет да мое дитяtko,
Не придет да мое милое
На родимую сторонушку.

50 Не расскажет мое дитяtko
Как своей родимой матушке,
Как пришла да боль великая
К моему да сыну милому,
За болезней пришла смертоцька

55 Как к тебе, да мое дитяtko,
Как бы был ты, мое дитяtko,
На родимой на сторонушке.
Я сама бы, да горемышная,
Снарядила бы да сына милаво

60 Я во матушку-сыру землю,
Окопила бы дружьей-братьей,
Я твоих да всех товаришшей, —
Тебя снесли бы, мое дитяtko,
До храма-то до божьево

65 Дружья-братья, товаришши
На своих бы белых руденьках,
Опустили бы в мать-сыру землю.
Я бы знала, горемышная,
Где лежит да мое дитяtko,

70 Где лежит да во сырой земле;
Я ходила бы цястешенько
На крутую гору високую,
На могилушку глубокую
Я к своему да сыну милому.
75 Я теперь, горюха бѣнная,
И не знаю и не ведаю,
Где лежит да мое дитятко.
У меня, да у горющеци,
У меня вышла могута сила,
80 Я старешенька, худешенька,
Не могу, да мое дитятко,
Я итти, да мое милое,
Итти искать да сына милово
На дюжую на сторонушку.
85 Теперь я-то пристарелася,
Теперь я-то прихуделася,
Как меня, да горьку-бѣнную,
С тово горюшка великово
Меня не нолят резвы ноженъки.
90 Ты прошшай, да мое дитятко,
Ты прошшай, да мое милое,
Не видать тебя, не видывать,
Недево боле не слыхивать.
Не дожждаться да отцю с матерью
95 Ни письма да и ни грамотки,
Никакой да боле вестоцьки.⁹²

ПЛАЧ О СЫНЕ

- Ой да мое красно солнышко,
Не росла в поле травонька
Да недозрелая яблонька,
Ой да сподобила красно солнышко!
- 6 Ты куда да сподобился
Ты куда да снарядился?
Ты ко церкви да ко соборной,
Што к казанской да богородице,
От казанския да богородицы,
- 10 Што на кладбище да высокоем,
Во могилушку да во сыпучую,
Што на житье на вековешное.
Мине ждать да не дождатися
Своево да сына милово.
- 15 Как настанет лето теплое,
Как пойдут твои товаришшы,
Погляжу я, бедна горькая,
Как не идет мое дитятко,
Как не идет мое милое
- 20 Во родную во сторонушку.
Как приду я, бедна горькая,
На могилушку на сыпучую,
Побудить да мне покликати
Своево да сына беднаво,
- 25 Посказать да мне, белную,
Про свое житье бедное,
Как живу-то я, бедная. 94

ПЛАЧ ПО РЕБЕНКЕ

Отлетел ты, маленькая пташечка,
Ты от батюшки, от матушки,
Ты на чужу-дальню сторонушку,
Ты на веки-то вековечные.

- 5 Прилети ты, маленькая пташечка,
Посреди-то летичка теплого,
Когда распухнет наш зеленый сад
И расцветут всякие цветики.
Прилети ты серой пташечкой,
- 10 Сядь на яблоньку на сахарную,
Запой хорошеньким ты соловушкой,
Чтобы батюшка с матушкой догадались,
Во зеленый сад похваталися;
Как поймали бы эту пташечку,
- 15 Эту птичку во белы руки,
И сказали бы этой пташечке:
«Ты скажи нам, пташечка,
Что ты, какого роду-племени,
Какого ты поколеньица?»
- 20 Ты не нашего ль рода-племени?
Ты не нашего ль поколеньица?»
Мы узнаем маленькую пташечку
По белым волосам, по белому личику,
По хорошему наряженьицу.
- 25 Унимали мы маленькую пташечку:
«Останься ты, маленькая пташечка,
На родной-то на сторонушке».
Нам отвечает родима пташечка:
«Да ты скажи, кормилец тятенька,
Что не останусь я, батюшка с матушкой,

**Я на вашей-то еторонушке, —
Там ведь жизнь-то гораздо хорошая,
Там и хлеба-то хлебородные,
Там и люди-то доброродные».**

35 Удамая ты головушка!¹⁹⁸

ВОШЛЬ ПО ОТЦЕ

Не корабль с места крывается,
А мой тятенька сподобляется
Под матушку да под сыру землю.
Да ты скажи, кормилец тятенька,
5 Да ты когда к нам в гости будешь?
По утру ли ты ранехонько?
В вечеру ли ты позднихонько.
Мы будем ждать да дожидатися
Мы тебя, кормильца батюшка;
10 Да как ты пойдешь, кормилец тятенька,
Лесом темным, полем чистым,
Станем по росту примечать,
По лицу да признавати;
А как ты полетишь да вольной пташечкой,
15 Не узнать и не заметить...
Ты прощайся, кормилец-тятенька,
Ты с соседями и с соседками
И с соседним малым детушкам,
Со лесом-то со темным,
20 Со лугами да со зелеными
Со реками да со быстрыми. ⁹⁷

ПЛАЧ ОБ УШЕДШИХ В СОЛДАТЫ

Уж вы большие птички, не маленькие,
Уж вы слетите, серенькие пташечки —
У вас маленькие легонькие крылышки —
Уж на чужую вы красну сторонушку,
5 Во неверную земелюшку,
На восход красного солнышка.
Уж вы слетите, серые пташечки!
Вы снесите-ка письмо-грамоту
Вы удалим нашим головушкам.
10 Расскажите, маленькие пташечки,
Вы удалим нашим головушкам,
Что это писано у нас, горемычных,
Не пером и не чернилами,
А все писано горючими слезами.
15 Еще спросите, серые пташечки,
У удалых головушек про их житье несчастное,
Несчастное, про военное:
Что позагнаны удалы головушки
Во чужую-то дальню сторонушку,
20 Разлучены они с молодыми женами
И со своими-то малыми детушками;
Они не слышат там и не звона-то колокольного,
И питья-то не пьют церковного,
Не в своих они живут горницах,
25 Да не на мягких спят постелюшках,
Не на пуховых-то на подушечках!
Жалко удалых нам головушек,
Что они мыкают горе лютое. ⁹⁸

ПЛАЧ ПО МАТЕРИ

- Спускают родиму матушку
Во матушку-сырую землю,
Засыпают родиму матушку
Матушкой-сырой землей,
5 Тяжолешонько ее засыпают,
Толстешонько ее засыпают.
Не проснетца она, не пробудитца.
Подойду-то я к родимой ко матушке,
Я во ясной, во денечек,
10 Пропущу слезы горячие,
По матушке-сырой земле,
Не промочу ли я сырой земли,
Не дождусь ли я родиму матушку,
Не дойдет-то бывает моя горькая слезонька,
15 Не встанет ли родима матушка.
Со восточной-то со сторонюшки
Три-то тучи поднимаютца,
Три тучи грозные.
Разгромите, тучи грозные,
20 Разгромите матушку-сыру землю,
Разгромите плиты тяжелые,
Разожгите гробову доску,
Распрокните белый бран саванок
У моей родимой матушки!
25 Дожжички крупные,
Размочите уста сахарные:
У моей родимой матушки
Прикипели ее уста сахарные. ¹⁰⁰
- Прости, моя родима матушка,
30 Меня-то, горьку сиротку,

Не могла-то я тебя добутитца.
Не жалослива ты, не милослива,
Не жалуешь меня и не милуешь,
Не встаешь ты на ноженьки резвые,
35 Не научишь ты меня, горьку сиротку,
Не наставляешь на ум, на разум,
Не подводишь ни к какому средствию.
Я ково буду просить-молить
Об своей-то буйной головушке,
40 Об своим-то уме-разуме,
Хто-то меня научит,
Хто-то на ум наставит?
Вы скажите, мои тетушки,
Вы скажите, мои подруженьки,
45 У меня нет родимой матушки...
Сдесливы вы, мои подруженьки,
Вы — при матушке, при голубушке,
А я-то горька сироточка,
А я-то беспомощная пташечка.
50 Нету моей голубушки,
Нету моей матушки. 101

ПЛАЧ ПО МУЖЕ

Вы голубушки, мои тетушки,
Помогите моему горюшку,
Посмотрите-ка на горюшко,
На моево друга милово!
5 Голубушка, моя племянинка,
Ты спроси-ка своево дядюшка,
Он бывает ли тебе не скажет ли,
Куда он собираетца,
Куда снаряжаетца,
10 На работочку чижолую,
На гуляночку веселую,
А откуль-то ево буду ждать,
Со которой со стороночки —
Со восточной ли, со западной,
15 Со работочки чижолой ли,
Со гуляночки веселой ли.
Не оставьте, мои тетушки,
Не оставьте, мои голубушки,
Во время-то поздово вечеру,
20 Во время-то темной ноченьки,
Не оставьте меня однешоньку,
Помогите-ка моему горюшку,
Вы спросите-ка у моево-то друга милово,
На ково-то он обиделса,
25 На ково-то оскорбилса,
Не на меня ли, горьку сироточку,
Не на своево ли милово дитетка?¹⁰²

Ты ставай-ка, друг мой милой,
Наставляй-ка меня, друг милой,
Ты скажи-ка своему дитетку,

- 30 Наставь-ка на ум на разум,
Кто ево поить, кормить будет?
Кто ево содаржать будет,
На ково-то я буду надеятца,
На каку-то я упору,
35 На каку-то я надежу?
Я надеялась, горька сироточка,
На своево друга милово, —
Упорины мои подломилися,
Балясочки мои отломилися.
40 Вы, голубушки, мои тетушки,
Посмотрите-ка, мои голубушки.
На ково ты оставил меня, друг милой,
На каких-то родимых братецов?
Нет-то у меня родимых братецов,
45 Нет-то у меня родимых сестрицов,
Одна-то я однешонька,
Одна-то я круглёшонька,
Без роду-то без племени. ¹⁰³

- Отвалилася стена каменна
50 От моево тепла гнездышка,
Отпало право крылышко
От меня, горькой сироточки,
Полетел ты, друг милой,
По дороженьке по широкою,
55 Не по-старому, не попрежнему,
Не на своих-то резвых ножках, —
Понесли-то друга милово,
Понесли на белых рученьках.
Залетат-то друг мой милой
60 Он на перепутьица на великое,
Он во матушку божжу церкву,
Он из матушки божжой церкви
Он во матушку во сыру землю.
Наглядися, друг мой милой,
65 На все четыре стороны,
Наглядися, очи ясные,
На моево друга милово. ¹⁰⁴

Спустили-то моево друга милово
Во матушку-сырую землю,
70 Засыпали-то сырой землей,
Закрыли-то гробовой доской,
Отходил-то резвы ноженьки,
Оттоптал траву муравую,
Отмахал своим белым рученькам,
75 Отглядел очами ясными,
Отговорел своей речью ласковой
Со своим родимым дитетком. ¹⁹⁵

Голубушки мои, тетушки,
Я пришла домой, торопилася,
80 Думала, — друг мой милой,
А ево-то дома нету-ти.
Вы, голубушки мои, тетушки,
Поскажите мне, родимые,
Не видали ли друга милово,
85 Не летит ли он по поднёбесью,
По поднёбесу ясным соколом,
А по дороженьке добрым молодцом?
Не сказал ли вам, мои тетушки:
Я ковды приду, да приеду,
90 Я в празнишной день, не во буднишной.
Все-то ветрички обдули нас,
Все-то люди нас обругали,
Нет восстателя, нет пристателя,
Нихто-то ево не пригреет,
95 Нихто-то ево не обогреет
Без родимова ево батюшка.
Придет-то лето теплое,
Обогреет горьких сироточек,
Обогреет красно солнышко,
100 Закокует в поле кокушечка,
Загорюю-то я, сироточка,
Загорюю со своим-то родимым дитетком.
Ты счастлива, моя суседушка,
Ты при своим-то друге милым,
105 А я-то, горька сироточка,
Кругом-то я однёшенька,

Одна-то я круглёшенька,
Без роду-то, без племени.
110 Приходят все денечки праздничны,
Суседи-то мои радуютца
Годовому большому праздничку,
А я-то, горька сироточка,
Уливаюсь горьким слезам.¹⁰⁸

ПРИЧТАНИЕ ПО МАТЕРИ

Чо то у вас доспелося,
Чо то у вас постречалося?
Переставилась наша матушка.
Не в уме-то было, не в разуме,
5 Не чали мы тово, не видели.
Куда же ты снаредилася
Куда же ты сподобилася,
На ково же ты всех оставила,
Молодешоньки, они глупешоньки,
10 Неково их спросить топеря,
Некому-то их на ум наставить,
Уж как всякой-то найдет вас словом
грубым,
А восстать-то за вас некому.
Придет весна красная, лето теплое,
15 Запоют мелки пташечки на кусточиках, —
Выйду-ка я на крылечико,
Посмотрю на все четыре стороны,
Не летит ли наша матушка,
Не замешалась ли между ласточкам
20 Перелетным сизым голубем,
Не сядет ли на окошечко.
Вот ты, голубушка, наша матушка,
Была ты у нас приветливая,
Была ты у нас сердешная,
25 А топеря ты стала спесивая,
А топеря ты стала гордливая,
Не раскроешь очи ясные,
Не обопресся на белы рученьки,
Не станешь на резвы ноженьки,

- 30 Не распечатаваш уста сахарные,
Не скажешь нам слова ласкова.
Уж как мы-то стали, обрадовались,
Куда снаредилася, сподобилася,
Во котору дальну старонущку, —
35 По дороженьке проежней,
По дубравушке зеленой,
Ко матушке божжой церквѣ,
Ко звону колокольному,
По читаньцу духовному,
40 А из матушки божжой церкви
Во матушку-сыру землю,
Ко своему роду-племени. ¹⁰⁸

Вот пришла-то я к тебе, лебедушке,
Вот пришла-то я к тебе, родима
матушка,

- 45 Крепко спишь ты, не разбудишься,
Уж как встань, родима матушка,
Уж ты встань на ножки резвые.
Поднимитесь, тучи грозные,
Розбейте матушку гробову доску,
50 Подымись, моя родима матушка,
Распахни-ка свои белы саваны,
Разбрось-ка ручки белые,
Раскрой очи ясные,
Распечатай уста сахарные,
55 Промолви со мной словечушко,
Обрадуй-ка мое сердечушко.
Уж кака же ты спесивая,
Уж кака же ты гордливая:
Не раскинешь свои белы саваны,
60 Не разбросишь свои белы рученьки,
Не промолвишь словечка ласкова,
Не обрадуешь моево сердечушка.
Как-то буду жить я, горюшечка,
Как-то буду жить я, горька сирота?
65 Без тебя, родимой матушки,
Непримаюсь я много горюшка,
От всяково слован еласкова,

Никто-то меня не приласкает,
Никто-то меня не прижалеет, —
70 Нет у меня родной матушки,
Нет-то у меня родной голубушки. 109

ПРИЧИТАНИЕ ПО МАЛОЛЕТНЕМ СЫНЕ

- Дорогой ты мой сыночек,
Костенкин ты Василич!
Уж глупенька ты, моя рыбочка,
Уж малым-то ты малешенька,
5 Уж какой ты был у меня славненькой,
Говорливенькой, забавненькой.
Ой ты, моя голубушка,
Да как курочка-та снесет яичечко,
Уж не прокараулишь ты, моя голубушка,
10 Уж ты вытащишь это яичечко.
Уж какой же ты был у меня пакосливенькой,
Знала бы я, ведала,
Уж не унимала бы тебя, родимо дитятко,
Уж бей бы ты яичечки...
15 Ой, да уж не думала я, не гадала,
Уж как же эта беда случилася.
Уж ты, милый мой сыночек,
Уж я думала, ты будешь мне замёночка,
Уж я думала, ты будешь мне покликáночка,
20 Уж я думала, ты будешь мне порастушечка,
Уж я думала, ты будешь мне посылочка,
Уж я думала, ты будешь мне помочушка,
Уж как что не тут топерь случилося,
Уж пришлось-то мне расстатца с моим детушком. 111

ПЛАЧ ПО ОТЦЕ

- По тихо, по позду по вечеру
Была на милой на стороншке,
У своего да у родителя-батюшка.
Сидела я на мягких пуховых перинушках
5 И просила крепкого благословеньца.
Как я всгала по утру ранешенько,
Пришла нерадостная весточка,
Нерадостная весточка, невеселая:
«Нет во живности родителя-батюшка».
10 Помалешеньку иду да потихошеньку
На свою на родиму на стороншку.
Не гнутся подо мной ножки резвые,
Не глядят мои очи ясные,
Не вздымаются мои ручки белые.
15 Приуныв, стоит висока горница;
Позаплакались окошка косящаты;
Прирассыпалась частоступчатая лесенка.
Взошла я во сени во новые,
Призаплакались стенки сосновые.
20 Огляделася на народ да на крещеный:
Погляжу я по новой высокой горнице,
Где-ка доброхот мой, родитель-батюшка?
Он сряжен лежит, обряжен
В умирально платье цветное.
25 И я села тут к родителю-батюшке
Под правое крылышко.
Стала бужать да родителя-батюшка:
«Доброхот да родитель батюшка!
Наказал ли ты молодой жене,

30 Моей ли чужеспальчивой мачехе,
Наказал ли приючать меня
На свою родимую сторонушку,
Во свое да тепловатое гнездышко?»¹¹³

ПРИЧИТАНИЕ О МАТЕРИ

Моя родненькая матынька,
Не сердись-ка на меня ты, на сиротушку,
Што стелила я, сиротонька,
Теби на житье вековечное,
На вековечно-бесконечное.
Стелила я тебе постелюшку не мякешеньку,
Не мякешеньку, не хорошошеньку,
Не сердись-ка, моя родненькая матынька!
И што ты, на кого же ты меня оставила, сиротинушку?
10 И што хоша придё ко мни, сиротинушке,
Велико большо горюшко,
Только не к кому сиротушке
Пришануть буйной головушки.
Подожду-то я, сиротинушка,
15 Што любимой весны красныя,
Весны красныя с летом теплым:
Как повеяду, сиротинушка,
Во любимо чисто полюшко на тяжелую работушку,
Прилети-тка си, моя родненькая матушка,
20 Любимую серою кукушечкой,
И сядь-ка-сь ты на белую березушку
Ко мне, сиротушке, поблизешеньку.
И узнавать буду, сиротинушка,
Не по крылышкам, не по перушкам ---
25 По твоей по буйной головушке.¹¹⁵

ПРИЧТАНИЕ ПО МАТЕРИ

Куда ты, моя мамынька, собралась-нарядилась?
Што ты, мила мамынька, меня не примолвила?
Или, мила мамынька, я тебе больно надоскучила?
Возьми ты, мила мамынька, меня под правое крылышко... 117

5 Подуйте, буйны ветры!
Не разнесут ли они мать-сыру землю,
Не откроют ли гробову доску,
Не восстанет ли мила мамынька,
Не распахнет ли свои белы рученьки,
10 Не откроет ли уста сахарны,
Не откроет ли очи ясные,
Не промолвит ли она со мной словечушко,
Не спросит ли она мою жизнь горькую... 118

ПЛАЧ КРУГЛОЙ СИРОТЫ

Радельник, мой дядюшка,
 Будь ты нам вместо родимого батюшки!
 Остаемся мы, горькие сиротушки,
 Без радельника — без батюшки,
 5 Без радельницы — без матушки.
 Опустает-то наша нова горница,
 И пустым она пустехонька!
 Ты, радельница — наша матушка,
 Не сказала нам, как в чужих людях жить,
 10 Как в чужих людях работати!
 Уж навеются про нас ветры буйные,
 Уж набаются люди добрые,
 Что ленивые, бесталанные!
 Зарастет-то наша путь-дороженька
 15 И травой она и былиною;
 Уж и некому нас встретить, горьких,
 Проводить нас будет некому...
 Уж радельница — наша матушка
 И радельник ты — наш батюшка,
 20 Уж любили вы своих детушек, лелеяли,
 Не давали вы ветру дунути,
 Ветру дунути, дождю ка[п]нути,
 Дождю канути, солнцу взглянути...
 Разболелось мое сердечушко,
 25 Разболелось да не ўймется.
 Навестить-то нас, горьких, будет некому:
 Кому холодно, кому ветрено,
 Кому ветрено, кому некогда. 120

ПРИЧИТАНИЕ НАД МУЖЕМ

Ах! Ах! Ах! Друг ты мой милый,
Друг ты мой любезнай! Ох! Ох!
С кем же ты эту думушку здумал?
И с кем же ты сгадал?
5 И на кого ж ты мене, горькую,
Несчастну, покинул?
Ох ты, мой друг милый,
Ох ты, мой друг любезнай!
Открой ты свои очи ясные
И промблай ты со мной
10 Хоть одну словечушка! ¹²²

Милые вы мои детушки!
Несчастные вы зародилися!
Осталися вы, мои милые детушки
Без своо родимого батюшки,
15 И всево-то вы напримаетесь,
И холоду-то и голоду! ¹²³

Родимый ты мой батюшка,
Сергей Андреич!
Не покинь ты мене, горькую,
20 Не покинь ты мене, несчастною,
С малыми детушками! ¹²⁴

ПРИЧИТАНЬЕ ЖЕНЫ НАД МУЖЕМ

- Разнадеженька мой, мил сердечный друг!
Уж куда же ты сорядился,
Уж куда же ты сподобился:
Уж во какую ты путь-дороженьку?
- 5 Уж и что же ты нам не скажешься?
Уж на что же ты на нас осердился?
Уж на что же ты очень прогневался?
Уж не откроешь ты очи ясные своё,
Не промоллаешь ты с нами словечушко,
- 10 Не обрадуешь наше сердечушко!
Уж не последнее ли нам свиданьице,
Уж не останное ли нам расставаньице,
Уж не последние ли часы-минуточки
У батюшка во гостях гостить!
- 15 Уж разнадеженька, мил сердечный друг!
Уж послушай-ка, тебе што я буду говорить,
Уж об чем я тебя буду просити!
Уж не будет ли у вас свиданьица
Со родимым моим батюшком?
- 20 Уж скажи-ка ты от меня ему низкой поклон,
От буйной головы до сырой земли!¹²⁶

- Разнадеженька, мил сердечный друг!
Уж на кого же ты осердился?
Уж на меня ли, молодешеньку,
- 25 Или на батюшка свово, на матушку,
Или на сестер ты на своих, на братьев,
Или на малых своих дегушек,
Или на соседушек приближенных?
Уж отгостил-то ты у нас в дорогих гостях!

30 Уж разнадеженька, мил сердечный друг,
Уж на кого же ты меня покинул?
Уж не с кем мне стало слова молвити
И не с кем думушки подумати!
Уж осталась-то я, молодехонька,
35 На чужой дальней сторонушке
Без родимого без батюшки, без радельницы без
матушки!

Уж разнадеженька, мил сердечный друг!
Покинул ты меня горькую
Уж со малыми со детушками.
40 Уж не к кому нам стало привитися:
Уж нет-то у нас радельника-батюшка,
Уж остались-то мы на чужой дальней сторонушке
Басприютные, баспризорные.
И ветром-то нас дует,
45 И люди-то про нас судят.
Уж надуются на нас ветры буйные,
Уж набаются про нас люди добрые.¹²⁷

Уж вы прощайтесь-ка, люди добрые
И все соседушки приближенные!
50 Уж вы не припомните на нем ни зла, ни грубости,
Ни детской его глупости.¹²⁸

ПРИЧИТАНИЕ ДОЧЕРИ ПО ОТЦЕ

- Разродимый батюшка,
Уж на кого же ты прогневался,
Уж на кого же ты осёрдился?
На нас ли, сирот горьких?
- 5 Куда же ты сорядился,
Куда ты сподобился?
Во какую путь-дороженьку?
Уж и что же ты нам не скажешься?
Уж не промолвишь ты с нами словечушка.
- 10 Уж на кого ты нас, радельник, покидаешь?
Уж кому ты об нас наказывал:
Уж за нами, за малыми, приглядети,
На ум, на разум нас наставити,
На работушку нас нарядити.
- 15 Не с кем-то нам стало подумати,
Уж и не с кем нам слово молвити,
Уж крепкой-то думушки подумати,
Уж никто-то нас так не пожалеет,
Как родимый батюшка.
- 20 Уж никто-то нам так на работушку не скажет..
Уж норовят-то чужи люди насмеяться.
Уж мы встаем-то ли по утру ранехонько,
Вечером ложимся поздехонько;
Не спорится наша работушка
- 25 Без родимого-то без батюшка.
Опусталась наша бела горница
Без родимого батюшка. ¹²⁹
- Разродимый батюшка!
Уж послушай, что я тебе буду говорить,
30 Об чем я тебя буду просить:

Уж скажи-ка ты от меня низкóй поклон
Разрадельнице моей матушке
От сырой-то земли до гробовой доски. ¹³⁰

- 35 Уж рассоколик ты, мой милой братец,
Уж послушай-ка, что я буду говорить,
Об чем я тебя буду просити:
Уж вступи-ка ты, вступи
Вместо родимого мого батюшки.
Не покинь ты меня, сироту горькую:
40 Бесприютна я осталась, безпризорная,
Уж без родимого-то я без батюшки,
Без радельницы без матушки!
Уж наряди-ка ты меня, братец, на работушку,
Уж и как родимой-то батюшка,
45 По утра-то меня ранехонько!
Не ищи-ка ты меня, рассоколик мой, милой братец,
Уж не ищи ты меня за работницу;
Уж сочти-ка ты меня, рассоколик мой,
Уж сочти-ка ты меня за дочь свою.
50 Уж на работу я иду ранехонько,
Вечером ляжусь поздехонько,
Уж и не вижу я тово привету-то
Ох, супротив-то своего батюшка.
Уж не спорится-то моя работушка,
55 Как у родимого у батюшка,
Что приработались моé руки белые,
Притопались моé резвы ноженьки. ¹³¹

ПРИЧИТАНИЕ НЕВЕСТЫ-СИРОТЫ

- Ты река ли, моя реченька,
Ах ты, река ли моя быстрая —
Эх, течет речка, не сколыхнется,
Ах, желтым песком не возмутится,
5 Ах, сидит Маша не улыбнется.
Эх, да чему же мне смеяться,
Ах, на что глядя радоваться?
У меня ли полон двор карет,
Полна горница гостей сидит.
10 Что одного-то гостя нету, нет,
Что родимого-то батюшки.
Ты, соколик, братец миленький,
Что Иван-от ли Михайлович,
Ты поди-тко во конюшенку,
15 Во конюшенку во новую,
Ох, оседлай-ко ты коня вóрона,
Ты поезжай-ко ко божьей церкви,
Ты ударь-ко три раз в колокол,
Ты раздай звук по сырой земле!
20 Ах, ты рассышься, мать-сыра земля,
Расколился, гробова доска,
Ах, вы откройте тонки полотна,
Вы взгляните, очи ясные!
Ты восстань-ка, родной батюшка,
25 Ах, на мою свадьбу сиротскую,
На сиротскую, на горькую!
Ах, снарядить-то меня есть кому,
Благословить-то меня некому!
Ох, снарядят-то меня девушки,
30 Снарядят-то меня красные,
Ах, благословит меня чужой отец!¹³²

ПЛАЧ ЖЕНЩИНЫ С РЕКИ ЛОВАТИ

ПЛАЧ НЕВЕСТЫ-СИРОТЫ

- ... приятный, родный тятенька,
Как у тебя поднялись белые рученьки
Затопить-то воскову свечу?
Что у меня, у горькой сиротушки,
5 Не все поскоцены сродци-приятели,
Нет сударыньки — родной маменьки.
Дайте пособрать сродцев-приятелей!
Отворю я, горькая сиротинушка,
Косячатое окошечко,
10 Что я, сиротушка, пушу гулы звонкие.
Через матушку быстру реку,
Белокаменную оградушку
На высокую могилушку,
 Попрошу сиротушка
15 Ветрам буйным, холодным,
Чтобы поразнесли пески-то желтые,
Поскатали бы камешки мелкие
С высокой-то со могилушки.
 Попрошу я, сиротинушка,
20 У матушки у сырой земли,
Чтобы пораступилась матушка-сыра земля,
Пораскрылась бы гробова доска,
Чтоб пораспустились ручки белые,
Открылись бы очи ясные,
25 Проговорили бы уста сахарные
Да над горькой сиротинушкой.
Прилети, сударынька, родна маменька,
Ко мне на благословеньице.
Если б я знала б, сиротинушка,
30 Не просыпала бы зори утренней, ни вечерней.

Окошечки у меня быдто бы размахнуты,
Тесовы воротички быдто были бы отворсны.
Дубовы-то столы порасставлены,
Белы скатерти поразостланы,
35 Кушанья порасставлены.
Буду дожидать я тебя, сиротинушка,
В дороги гости,
На сиротскую-то свадьбку. ¹³³

ПРИЧИТАНИЕ ЖЕНЫ ПО МУЖЕ-ПАРТИЗАНЕ

- На кого оставил жонушку свою любимаю,
Да на кого же ты оставил малых своих дитушк?
Ой, и што я с ними теперь буду делати,
Баба темная, не развитая?
- 5 Как я буду их поить-кормить,
Как я буду их воспитывати?
Ты пойдешь, себе другую найдешь,
А ко мне и не воротисся.
Как подрастут дети малые,
- 10 Да и будут меня спрашивать:
«Скажи, мама, где наш папочка,
Да и почему он домой нейдет?»
Да и што мне говорить имя,
Как ты там себе другую найдешь? —
- 15 «Не плачь, жонушка любимая,
Не найду себе я жены другой.
Как я буду забывать тебя
И как деток своих малых!
А как спросят тебя дитушки:
20 «Где наш папочка, аль нет его?» —
Ты скажи тогда им, жонушка:
«Он свободы добиваитца».¹³⁵

**ПРИЧИТАНИЕ МАТЕРИ ПО СЫНЕ-НАРТИЗАНЕ,
УБИТОМУ ЯПОНЦАМИ**

Да куда же ты, сыночек, уходишь от нас,
Да на кого же ты стариков своих покидаешь?
Да ты же, мой сыночек, был один работничек у нас.
А теперь ты, сыночек, уходишь
5 От нас во сырую землю,
Оставляешь нас, стариков,
Не способных к работе.
Да и кто теперь нас, стареньких,
Будет поить-кормить?
10 И кто нас похоронит, как мы тебя?
Да мы же, сыночек, на тебя только и надеялись,
А ты, наш родимый, отказался от нас
И пошел в лес и горы свободу добывать.
Не добился ты свободушки, — а смерти себе,
15 А нам старикам горе-горести,
Сожгли враги нас, все разграбили,
И тебя, молодого, со свету сгубили...
Не дали они тебе свободы дожднца,
Да не дали они тебе с новой жизнью спознатца.¹³⁶

ВОПЛИ НЕИЗВЕСТНЫХ ПЛАКАЛЬЩИЦ

ВОПЛЬ МАТЕРИ О СЫНЕ-РЕКРУТЕ

- Ще не солнышко красное
Из-за лесу выкаталося,
Из-за гор подымалося, —
То мое цядо милое
- 5 Из тепла гнезда подымалося,
А мой-то ясны оди
Не глядят на белый свет,
Ще не идут да резвы ноги, —
Подкосило, подрезало
- 10 Без косы без вострыя,
Без ножа булатного.
Провожаю я тебя, горюла,
Не к Николе-святителю,
Не к Николе молитесь,
- 15 Не к пресвятой богородице,
Я тебя не в любы гости,
Не к своим-то я родным. —
Провожаю я тебя, горюла,
Далеким-далекохонько
- 20 На дужую дальну сторону,
Я во службу во чарскую,
Во неволю великую,
В города во украиные,
Под сабельки вострые,
- 25 Под пушечки медные,
Не спознаю, не сведаю,
Когда смертоцка тебе состане гча.
Уж я стану кукогати
По утру ранёшенько,
- 30 По вечере позднёшенько.

Я с кукушкам со горюшецкам,
Я со пташкам со горькими,
Со красным со солнышком
Уж я стану посылати:
35 «Отнеси, красное солнышко,
Целобитье — низкой поклон
Моему цаду милому
Во неволю великую,
Во службу государеву».
40 Огныне я стану, горюшецка,
Спрашивать красно солнышко:
«Уж ты видело ли моего цада,
Моего цада милого?
Ты скажи, где видело,
45 На какой каре, маяти?
А не забыть-то мне, горюхе,
Этого горя великого
Отныне и до веку
До матушки-сыры земли.
50 В те поры забуду,
Когда придет смертоцка скорая,
Положат меня во сыру землю
Под нову гробову доску. 137

ВОШЬ ПО СЫНЕ, ОТДАННОМ В СОЛДАТЫ

Как тебя ли, мое дитятко,
Провожая я, да родимое,
Во дальнюю да во сторонушку,
За реки те да за быстрые,
5 За леса те да за темные,
За моря те да за широкие?
Да тебя ли, мое дитятко,
На край да свету вольного?
Пиши-ко ты да мне, дитятко,
10 Весть да грамотку —
Не пером да ты, не чернилами,
Ты пиши-ка мне, родимо дитятко,
Пиши-ко мне, сиротинушке,
Своим да горячим слезам.
15 Ты оставил, мое дитятко,
Меня ли да сиротинушку,
Старым-то да старинешеньку,
Глупым-то да глупешеньку.
Уж я-то, сиротинушка,
20 Одним-то одна одинешенька,
Да как стану я сама себя кормить?
Не сад был вас насажен,
Больно одно то, родимо дитятко:
Кормила я тебя, сиротинушку,
25 Из малых-то да из глухых-то,
Да выкормила про царя батюшка.
Напишу-то я, сиротинушка,
Да к тебе на чужу сторонушку,
Напишу да я письмо-грамотку —
30 Не пером-то и не чернилами,
А своим горячим слезам
Про свое житье горемычное. ¹³⁸

ПЛАЧ ПО МАТЕРИ

- Ишшо как-то мне, горюшецке,
Без тебя-то жить будет?
Все ветры повинут,
Все люди помолвят
5 Да меня ограянут.
Несможнехонько мне, горюшецке,
Ходить по сырой земле
С такого горя великого,
С педали со круцины,
10 Куда мне кинуться,
Куда мне броситься?
Али в темные леса, —
В темных лесах заблужуся,
В лесу зашатаюся.
15 А неможнехонько молодешеньке
По сырой земле ходити,
На красное солнышко глядети;
Ознобила ты, кормилича,
Без морозу без лютого,
20 Ознобила, родитель-матушка,
Без вьюги, без мятелицы. ¹³⁹

ПЛАЧ ПО ДОЧЕРИ

Ты болезное мое,
Мое дитяtko, ой, ой!
Ты болезно ненаглядное,
Ты милая, дорогая дочка...
5 Уж ты скрыла очи ясные,
Ты скрепила ретиво сердце,
Не промолвишь ты словечушка
Со своей матушкой-кормилицей.
Без тебя, болезно дитяtko,
10 Белы дни стали темнехоньки,
Темны ноченьки светлехоньки.
Оттого светлы мне ноченьки,
Что не сплю я, горемышная.
Без тебя, болезно дитяtko,
15 Мне не спятса темны ноченьки;
Оттого деньки темнешеньки,
Что твои подруги милые
Уж оне ходят по широкой белой улочке,
А тебя нет, чадо милое,
20 Со подружкам тебя милым.
Что без тебя-то, лебедь белая,
Никак деличко не делается,
И работа не работаетса
Уж на каждой-то полосоньке,
25 Где с тобой везде работали,
Только лью я горючи слезы
Да и жду я, горемышная,
Я тебя, болезно дитяtko,
Что приди-ко, чадо милое!
30 Как уйдут-то люди добрые,
Уйдут с чистова-то полюшка,

Так мы останемся, мое дитяtko,
На всю ноченьку-то темную,
И возьму я на белы руки,
35 Унесу я на тепло гнездо,
Не скажу я людям добрым,
Поменяюсь, дорога гос[т]ья,
Мое дитяtko болезное,
40 На свою матушку-кормилицу.
Воздохни царю небесному —
Приняла бы мать-сыра земля
Твою матушку-кормилицу
Да и к тебе-то, чадо милое. 140

ПЛАЧ ПО МАТЕРИ

- Уж родима моя матушка,
Уж куда ты собираешься?
Пробудись, родима матушка,
От сна ты от крепкова,
5 От просонья вековешнова.
На ково ты нас оставила,
Ты кому об нас покучилась,
Ты кому об нас покланялась?
Не оставь-то нас, горьких,
10 Нас сирот-то горемычных,
Ведь у нас, кокушек горьких,
Кабы был родимый батюшка,
И не столь бы было горюшка.
Уж придет-то лето красное,
15 Все пойдут-то люди добрые
В чисто поле на работушку
Со болезным-ту матушкам
И с родимым-ту батюшкам,
А у нас, у горемычных,
20 Работать работу некому —
Больно мы еще малехоньки,
Умом-разумом глупехоньки;
А родна матушка в сырой земле,
А родимый-то наш батюшка
25 На чужой дальней сторонушке.
Уж у нас, кокушек горьких,
Все-то делишко не делано,
Вся работа не работана.
Уж мой-то милы детыньки,
30 Уж малым еще малехоньки —
Уж у нас, кокушек горьких,

Мать-сыра земля не пахана,
Шелкова трава не кошена.
Уж пойду, кокушка горькая,
35 На чужу я сторонушку
К государю царю белому,
Упаду я во резвы ноги,
Я зальюся горючим слезам,
Закричу я громким голосом:
40 «Уж ты батюшка, наш белый царь,
Пожалей-ко нас, разгорьких,
Нас сирот ты горемычных,
Уж ты батюшка, наш белый царь,
Отпусти-ко нам разгорькием
45 Ты приятеля-батюшка,
Ты на малое-то времечко,
Хоть на думушку-ту крепкую,
На словечки матоние».
Кабы пришел приятель-батюшка,
50 Уж с меня, кокушки горькия,
Хоть уж снял бы волю-большину
И великую заботушку —
У меня, кокушки горькия,
Ведь не ходят с горя ноженьки,
55 Не глядят-то очи ясные,
У меня, кокушки горькия,
Уж одни-то дети малые —
Они нагие и босые
И голодные-холодные.
60 И приветить-то нас некому,
Уж кокушек горемышных —
Уж болезная-то матушка
Нас оставила, спокинула
Уж на все-то ветры буйные
65 И на дождички мочливые.
Уж меня теперь, разгорькую,
Без приятеля-то батюшка,
Без кормилицы-то матушки,
На меня, на кокушку горькую,
70 Не просветит красно солнышко.
Доживу, кокушка горькая,

Я до леточка-то краснова —
Как растают снега белые,
Разольются реки быстрые,
75 Уж пойду я на быстру речку,
Уж я сяду на крутой берег,
Я покучуся быстрой реке:
«Уж ты, матушка, быстра река,
Ты куда бежишь-торопишься,
80 Не во сине ли морюшко, —
Захвати-ко мое горюшко».
Отвечает быстра река:
«Мне шти-то далеконошко,
А твое горе не тонется,
85 От часу-то горе копится,
Великова прибавляется».
От мово-то велика горя
Простонала мать-сыра земля,
Покачнулись темны леса,
90 Колыхнулись сини моря.
Ужь кабы знали люди добрые
Мое горюшко великое,
Не слезливый бы — расплакался,
Не грустливый бы — раздумался
95 О моем-то великом горюшке,
Да не знают люди добрые.¹⁴¹

ПЛАЧ У ГРОБА СЕСТРЫ

Подойду я, горька сирота,
Подойду я, горемышница,
К моей матушке — родной сестре:
«Ты позволь, моя мила сестра,
5 Вас спросить, моя голубушка!
Вы куда да сподобилися,
Приубравши в платье цветное?
Во которы дороги гости,
Ко которым ко сродникам?»
10 Уж я вижу, горька сирота,
Сподобилася мила сестра
Во останний край-дороженьку,
Ко своим да ко родимым,
На второй да суд, на праведный.
15 «Да я спрошу, моя мила сестра,
Я спрошу, моя голубушка,
Как сойдешь ты да посвидишься
Со своим кормильдем-батюшкой,
Со родимой-то со матушкой,
20 Поприметь, моя мила сестра,
Поприметь, моя голубушка,
Ты свою да крестну матушку.
Подойди к ним поблизехонько,
Поклонись им понизехонько,
25 Ниже шелкового пояса
Ты до матушки-сырой земли.
Расскажи да, сестра крестная,
Про житье да про сиротское,
Как мы жили, солнце красное,
30 Во житье да во сиротском,
Потерпели, бедны-горькии,

Всяких слов да понапрасных,
Износили злодей-горюшка
На своей да на белой груди.
35 Когда стоснется, згорюхнется,
Уж мы выйдем, бедны-горькии,
Мы на матушку-сыру землю,
Мы на ихну гробову доску,
На размай тоски-кручинушки.
40 Мы ронили горючи слезы,
Мы до самой гробовой доски.
Мать-сыра земля не вынесет,
Бел-горюч камень не выскажет
Басен тайных, беспроносных.
45 Как придем да, бедны-горькии,
Со тобой да, сестра крестная,
Мы во твой да благодатный дом,
Ты скидаешься, собираешься
Со словам-то ты со ласковым.
50 Ты поносишься, мила сестра,
Со яствам да со сахарным,
Со питьям-то ты со скусным.
Как расскажешь, солнце красное,
Восприемной крестной матушке,
55 А моей родимой матушке,
Уж как мы, да горьки сироты,
Со тобой, моя мила сестра,
Как в лесу да были рождены,
Как во поле были брошены,
60 Как лесиночки подсохлые,
Семяничочки невсхожие.
Как от камышка родилися,
От березы откатилися.
Как посмотрю я, горька сирота,
65 На тебя, моя мила сестра,
Я на твой-то благодатный дом;
Что стоит моя мила сестра
В своем доме благодатном.
Ты стоишь да не попржнему,
70 Что никто, моя мила сестра,
Что к тебе да не подступится.

Верно, правда, солнце красное,
 Прежни басни беспроносныи:
 «Нету сродников, приятелей
 75 При твоей да гробовой доске.
 Что не вьются, солнце красное,
 Вкруг тебя, моя мила сестра,
 При последнем свиданьицы,
 При остатнием прощаньицы.
 80 Я спрошу, моя мила сестра,
 У тебя, моя голубушка,
 Где встречала бела лебеда,
 Ты свою да смертку скорую?
 Поправила ли, мила сестра,
 85 У своей да смертки скорой
 Ты часка да поры-времечка
 Позвестить да, солнце красное,
 Ко себе отца духовного?
 Аль не кинулись, не бросились
 90 За отцом да за духовным
 Твои сродники, приятели,
 Не послушали, мила сестра,
 Что твоих да слов печальных?
 Подкосились скоры ноженьки
 95 У тебя, моя мила сестра,
 Тут душа с телом рассталася,
 С вольным светом распрощалася.
 Они тут да догадалися,
 Они кинулись да бросились
 100 На чужую дальню сторону
 За любимым племянником,
 Тебе строить благодатный дом
 Без дверей да без окошечек,
 Без хрустальных стеколышек. 142

105 Ты послушай-ко, ясен сокол,
 Что скажу я, горька сирота,
 Поклонюсь я, горька сирота,
 Я тебе да ниже пояса.
 Те спасибо, солнце красное,
 110 Не покинул горьку сироту

Ты свою родиму тетушку;
Поспешил да поторопился
Со чужой да дальней стороны
Положить да в гробову доску,
115 Схоронить да во сыру землю. ¹⁴³

ПЛАЧ ПО МАТЕРИ

Я спрошу вас, братцы родные,
Что за пир у вас, за гуляньице?
Столы дубовые понаставлены,
Браны скатерти поразостланы,
5 Дорогие гости поназваны —
Дороги гости соседушки
И соседские малы детушки.
Только не вижу, сиротиночка,
Я свою тут родну матушку.
10 Верно, прячется и чужается
От меня, от молодешенькой,
За добрых людей и соседушек
И за соседских малых детушек. 144

Что просить я буду вас,
15 Братцы рódные и дорогие мои невестушки:
Как соскучу[сь] я, сиротиночка,
На чужой я на сторонушке,
Тогда приду к вам, молодешенька,
То не закройте вы широких ворот,
20 Вы примите сиротиночку
[В]место родненькой вы матушки. 145

ПЛАЧ ПО СВЕКРОВИ

**Ты прощай-ка, родна матушка,
Ты не сердись-ка на сиротушку,
Что я мало за тобой ухаживала.
Ты ведь знаешь, моя голубушка,
Что я озабочена своим малым детушкам. ¹⁴⁶**

ПЛАЧ ПО МАТЕРИ

Ты простись-ка, родна матушка,
Со своей широкой улочкой
И со своим соседушкам порядовными,
И с соседским малым детушкам.
Вам спасибо, мои соседушки,
Что проводили мою матушку,
Что не пожалели своего времечка
И своих скорых ноженек. ¹⁴⁷

10 Ты скажи-ка, родна матушка,
Куда ты собираешься,
В какую путь-дороженьку?
Аль собралась в дороги гости
Ты к родимому нашему батюшке?
15 Расскажи-ка, родна матушка,
Расскажи про нас, сиротинушек,
Что мы рассыпались словно пташечки
Со своего теплого гнездышка. ¹⁴⁸

ПЛАЧ СВАДЕБНЫЙ СИРОТСКИЙ

- Много-много у сыра дуба
Много ветвей и поветвей,
Много листу зеленого;
Только нёт у сыра дуба,
5 Что нет одной макушечки,
Кудреватой вершиночки.
А топерь бы ее надобно,
Что ко этому-то времечку,
Ко весне-то ко красною,
10 Что ко лету ко теплomu.
Много-много у Анны-то,
Много роду и племени,
Много ближних приятелей;
Только нету у Анны-то
15 Одного родимого тятеньки.
Што срядить-то меня есть кому,
Благословить-то меня некому
Ко златому венцу ехати
С удалым добрым молодцем.
20 Ты, родимый братец миленькой,
Ты сходи-ка на конюший двор,
Оседлай-ка коня ворона,
Поезжай-ка ко божьей церкви,
Ты ударь в большой колокол:
25 Не простонет ли мать-сыра земля,
Не рассыплется ли желтой песок,
Не раскроется ли гробова доска,
Не восстанет ли родной тятенька
На мою на свадьбу горькую —
30 Благословить меня бедную
С удалым добрым молодцем
Ко злату венцу ехати.¹⁴⁹

ПЛАЧ НЕВЕСТЫ-СИРОТЫ

Дай-ка стану, родимая матушка,
На круту твою могилушку!
Раскатитесь, круглы камушки,
Расколись-ка, плита каменна,
5 Вы рассыпьтеся, все желты пески,
Расступись-ка-ся ты, сыра земля,
Расколись-ка-ся, гробова доска,
Вы задуйте-ка, ветры буйные,
Зашумите, леса дремучие,
10 Ты раскинься, бел чистой саван,
Ты раскинь, родимая матушка,
Свои белые рученьки,
Распечатай уста серебряные,
Ты промолви мне, сиротиночке,
15 Хоть единое ты словеченько!
Еще попрошу, родименька матушка,
Ты приподнимись, родимая матушка
На мою горькую свадебку,
На слезливые вечеринушки
20 Собрать горьку сиротиночку!¹⁵⁰

Не лежи-ка, батюшка, во сырой земле,
Собирай-снаряжай дочке свадебку.
Девушки, вы ластушки,
Что готовить — все готовлено:
25 Сорок варь, сорок варь пива сварено,
Других сорок, других сорок вина скурено.
Не сиди, матушка, во чужом пиру,
Сготовляй-снаряжай дочке свадебку.
Сорок печей, сорок печей пирогов спечено,
30 Других сорок, других сорок чистых калачей.¹⁵¹

СИРОТСКИЙ ПЛАЧ НЕВЕСТЫ

Как же поднимаются скоры ноженки
Через пороги эти высокие,
Опустились белы рученьки,
Ужасается ретиво сердце,
5 Порасходятся мысли крепкие
По моей буйной по головушке.
Дай взойду, горька сиротиночка,
Я во теплое свое гнездышко;
Дай помолюсь, горька сиротиночка,
10 Уж я этому спасу образу,
Я спасителю милосердному,
Чтобы не оставил, не покинул был
Меня при этой поре, при времечке,
Мне при этих часах-минуточках.
15 Дай посмотрю, горька сиротиночка,
Я по темным по уголышкам:
Не стоит ли родитель-батюшка
Во котором темном уголышке,
Не любитесь ль на сиротиночку.
20 Только боится родитель-батюшка
Подойти к горькой сиротиночке,
Что не взростил меня родитель-батюшка.
Теперь подойду, родименькая матушка,
Я к тебе, горька сиротиночка,
25 Как расспрошу, родименькая матушка,
Но какие у вас пиры-балы:
Что дубовы столы пораздвинуты,
Что белы скатерти поразостланы,
Зелено вино поразлитое,
30 Винны чарочки порасставлены?
Вы сидели тут, проклаждалися

Со моим лихим лиходеюшкой,
Со великим супротивником.
Вы сидели тут, проклаждалися,
35 Над головушкой насмехалися,
Над вольной волюшкой надрыгалися,
Над гуляньцем дивовалися.
Как спрошу, родименькая матушка,
С кем и вы думушки эти сдумали,
40 С кем вы крепкие посоветали?
Знать, надоела вам, родима матушка,
Своим веселым я гуляньцем,
Знать, была в поле не работница,
Знать, была в доме не помощница,
45 Знать, была, горька сиротиночка,
Я вам великая супротивница,
Как изменили ли, родима матушка,
Вы меня, горькую сиротиночку.
Уж если б был родитель-батюшка,
50 Так заступился за горьку сиротиночку,
Не допустил бы родитель-батюшка,
Отговорил бы тебя, родима матушка,
Что от этой крепкой думушки. ¹⁵²

ПЛАЧ О КИРОВЕ

ПЛАЧ Е. П. КРИВОШЕЕВОЙ¹

Как узнала я про смерть Сергей Мироныча,
Сладкий сон меня покинул в ночи темные,
В светлый полдень мое сердце омрачилось,
Все лицо мое омыли слезы горькие,

Что мне делать, как мне горе мое выплакать?
Другом нашего народа ты мне видишься,
Сыном кровным и любимым вспоминаешься.
Светлым разумом, Мироныч, ты прославился,
Ты хорошими делами возвеличился.

Налетела, закружилась буря черная,
В город Ленина ворвалась буря черная,
Сорвала с него, лихая, крышу-голову,
Омрачила злая буря нашу родину.

Ох, Сергей Мироныч, гордый сокол наш!
Кто убийца твой проклятый? Кто, откуда он?
Видно, в злых его делах ты был помехою,
Видно, счастье ему наше не понравилось!

Знать, давным-давно разбойник за тобой следил,
Не спалось ему, душману, в ночи темные.
Где бывал он — за тобой подглядывал,
Следы ног твоих, Мироныч, он выслеживал.

¹ Наша книга уже была закончена и сверстана, когда в Ц. О. «Правда» был опубликован «Плач о Кирове» (№ 330, 1/XII-36 г.). Мы считаем совершенно необходимым включить в образцы лучших памятников русской причеты и этот замечательный текст, записанный со слов семидесятилетней сказительницы. Публикуем по тексту «Правды». — *Ред.*

Он боялся, словно филин, света ясного,
Словно солнца, он боялся светлых глаз твоих,
Он подкрался к тебе сзади — по-разбойничьи,
Он ужалил тебя в сердце по-змеиному,

Что мне делать? Как мне горе мое выплакать?
Другом целого народа ты мне видишься.
Сыном кровным и любовным вспоминаешься,
Светлым разумом, Мироныч, ты прославился,
Ты хорошими делами возвеличился.

Как закрою веки, как задумаюсь, —
Снова жизнь былая вспоминается:
Как мы спины гнули у помещиков,
Как людского званья не имели мы,
Как меняли нас на псов породистых,

Но зажглось над нами солнце Ленина,
Но зажглось над нами солнце Сталина,
И узнали радость мы впервые
На работе, как на светлом празднике,

Говорим, как песни запеваем,
Когда ходим, пола не касаемся.
Долго жить на белом свете хочется!

Если б крылья легкие мне дали,
Я б к тебе, Мироныч, полетела,
Проплыла бы через большую воду,
Пробежала б огненную гору.

Опалила б волосы седые,
Хоть в гробу тебя я увидела бы,
Над твоим я гробом зарыдала бы,
С головы до ног тебя оплакала.

Но я вижу на бумаге только образ твой,
По бумаге провожу я рученькой,

И стекают, льются слезы горькие
По лицу горячими ручьями.
Подперла я щеку левой рученькой,
На груди, у сердца, лежит правая,
Я глаза открою — не видать тебя,
Протяну я руки — не пожмешь ты их,
Голосок подам — ты не откликнешься,

Что мне делать? Как мне горе выплакать?
Другом целого народа ты мне видишься,
Сыном кровным и любимым вспоминаешься.
Шолк сыпучий, волокнистый — твои волосы,
Много светлого ума в твоей головушке.

Ты, Сергей Мироныч, тверже камня был,
Был ты с нами мягче пуха голубинога,
Быстролетнее ты был крыла орлиного.
О-хо-хо, родной Сергей Мироныч,
Причитаю я — слезами обливаюся.
Хоть не видят тебя вовсе мои глазыньки,
Знаю, много сделал ты хорошего.

Много сделал ты хорошего трудящимся,
Много дал нам мыслей мудрых, мыслей радостных,
Много дел больших тобою сделано.

В двете лет вошел Сергей Мироныч,
Будто в темный бор, в местечко темное.
Он текучую водицу не увидит,
Голоса заводов не услышит.

В двете лет ушел со света белого
От друзей, от братьев, от товарищей!
Только видим мы портрет Мироныча,
На бумаге белой нарисованный.

Уж не будет с нами он здороваться,
Не возьмет он больше нас за рученьки,
Только память о Сергее Мироныче
В каждом сердце навсегда останется.

Злой душман убил вождя любимого,
Смерть принес ему, злодей, негаданно!
Ой, не во-время, Сергей Мироныч,
Ты ушел от нас в могилу темную.
Там не плещется водица серебристая,
Там лужок зеленый не волнуется.
Ясно солнышко лучами не касается,
Ветерочек легкий не колышется,
Не польется с неба теплый дождейчик,
Вольный воздух не дойдет к Миронычу.

Как лежал в гробу ты дни и ноченьки,
Сколько было у тебя товарищей!
Со всего-то света необъятного
Собирались вокруг тебя товарищи,
Ждали слова твоего последнего.
Не приподнял ты свою головушку,
Не промолвил ты словцо прощальное.

Ох, Сергей Мироныч, горный сокол наш!
Когда вдоль скамьи передней вытянусь,
Когда глазыньки мои закроются,
Когда руки сложат на груди мне,
Лишь тогда забуду я Мироныча!
Отделю от сердца бездыханного!

Что мне делать? Как мне горе мое выплакать?
Другом целого народа ты мне видишься,
Сыном кровным и любимым вспоминаешься,
Светлым разумом, Мироныч, ты прославился,
Ты хорошими делами возвеличился!¹⁵³

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об *Ирине Андреевне Федосовой* см. стр. XLIII—LV.

2. Е. В. Барсов. Причитанья Северного края, ч. I, М., 1872, стр. 288—291. Вопит кума, обращаясь к народу. Плач не об обыкновенном писаре, [а о писаре — «заступе-заборонушке». Как и в плаче о старосте (см. прим. 4), здесь звучит мотив общественный.

3. Там же, стр. 291—293. Плач обращен к писарю.

4. Там же, стр. 282—288. Вопит жена («старостиха»). В этом плаче, кроме личного мотива, звучит и мотив гражданский. «Кроме личных достоинств умершего оденивается и деятельность его общественная. В лице мирового посредника [в плаче] изображается тип чиновных властей, наезжающих к народу с разными взысканиями. Почему этот тип очерчивается в образе именно посредника, объясняется местными обстоятельствами. В Олонецкой губернии мировые посредники — не местные туземцы, знакомые с условиями и жизнью народа, но те же чиновники, назначаемые управительным порядком... Несмотря на свою недавность, они успели соединить в себе и то неуважение к народу, и ту высокомерную притязательность, которыми отличались бывшие полнейские власти...» Самые близкие, и «первые начальники, которые вводят крестьян в великий изъян и убыток... это — староста с писаречком хитромудрым: они называются здесь «мироедрами голопузыми»... Зато с любовью и благодарностью народ вспоминает тех старост и писарей, которые «болезнуют об обществе собранном и стоят по нем стеной городской от этих мировых да злых посредников». «Целые деревни бросают свои работы и идут проводить на тот свет своих благодетелей» (там же, стр. XXVII—XXVIII). В плаче Ирины Федосовой, исполняемом от лица старостихи, речь идет о таком старосте — «стене городской».

5. Там же, стр. 1—6. Стихи 28—32 отражают прежний крестьянский взгляд (известный и у древних народов) на исключительную важность «скараулить смерточку» умирающего, т. е. принять его последний вздох. Нерадивые или недогадливые принимают упрек, что не выполнили этого традиционного «завета».

6. Там же, стр. 9. Вопит вдова, обратившись ко вдове-соседке.

7. Там же, стр. 10—11. Причитает женщина, потерявшая мужа, если у ней есть дети, обращаясь к вдове-соседке.

8. Там же, стр. 12—14. Плачет вдова-соседка в ответ («отвощливает») на обращенное к ней причитание женщины, только что потерявшей мужа. Стих 205: т. е. не приносили в дар («приклад») церкви пелен для покрытия «священных» предметов.

9. Там же, стр. 14—16. Причитает соседка-вдова, обратившись к покойнику.

10. Там же, стр. 31—32. Вопит вдова на второй день после похорон; посетив могилу мужа и возвратившись домой, останавливается около двери и обращается с причитанием к деверям (братьям ее мужа).

11. Там же, стр. 94—95. Замужняя сестра приходит из своей деревни на похороны брата и, подойдя к родительскому дому, плачет, обращаясь к матери.

12. Там же, стр. 95—98. Причитает замужняя сестра покойного. Снова обращается к своей матери.

13. Там же, стр. 98—99. Причитает та же сестра, обращаясь к соседям и указывая на свою мать.

14. Там же, стр. 99—100. Выслушав причитание своей замужней дочери (см. примеч. 11, 12 и 13), мать покойного обращается с плачем к соседям.

15. Там же, стр. 100—101. Причитает мать, выйдя на крыльцо.

16. Там же, стр. 109. Плачет мать, когда покойника переносят со стола или с лавки (скамейки) в гроб.

17. Там же, стр. 111—114. Вопит мать по возвращении с кладбища. Идет во двор и причитает. Стихи 125—126 обычно служат приглашением, обращенным к родственникам и близким соседям — получить подарки об умершем или «на помин души» его.

18. Там же, стр. 68—69. Вопль на могиле.

19. Там же, стр. 70—73. Плачет сирота на могиле матери в праздничный день. Мотив плача — опасение, что молодой вдовый отец может ввести в дом мачеху.

20. Там же, стр. 215. Причитает племянница при выносе тела покойного из дома. Стихи 4—8 отражают повсеместно распространенный в крестьянской среде взгляд, что лошади чувствуют горе, постигшее семью, предаются унынию и даже плачут.

21. Там же, стр. 219—220. Плачет племянница у крыльца, по приходе домой с кладбища после похорон.

22. Там же, стр. 231—232. Сватья идет в чужую деревню на похороны свата, отца своей невестки. Гостью встречает сватья, мать невестки, воплем. Таким образом, этот текст служит только введенным в плач о свате.

23. Там же, стр. 232—234. Причитает сватья-гостя в ответ на слова сватьи-хозяйки. Это тоже только вступительная часть причитания.

24. Там же, стр. 241—243. Причитает сватья-гостя, свекровь дочери покойного. Плач обращен к умершему свату.

25. Там же, стр. 252—264. Плачет дочь об отце, брате-подростке и соседе, потонувших в Онежском озере.

26. Там же, стр. 264—265. Продолжает причитать дочь об отце и брате, обращаясь к соседям. Стихи 375—387 представляют собою передачу широко распространенных примет, предвещающих несчастье.

27. Там же, стр. 265—266. Дочь продолжает плакать, обращаясь к матери. Стихи 424—431 являются отражением поверий о «бесчастливых днях», о причинах разных бед, о магическом действии сухой

лучны, при известных условиях будто бы вызывающей у человека, у животного болезнь с видимым признаком — исхуданием («сухотой») и пр.

28. Там же, стр. 245—249. Причитает соседка, обращаясь к собравшимся соседям.

29. Там же, стр. 249—252. Плачет та же соседка, обращаясь к вдове — жене убитого.

30. О. Х. Агренева-Славянская. Плачи и причитания по умершем и по рекрутам, Тверь, 1889, стр. 54—56; с нотами (Описание русской крестьянской свадьбы, ч. III).

31. Е. В. Барсов. Причитанья Северного края, ч. II, М., 1882, стр. 1—4. Причитает мать в своей избе при собравшихся соседях.

32. Там же, стр. 4—6. За рекрутом приехали земские власти; вопит мать.

33. Там же, стр. 6—7. Вопленица обращается к судьям от имени рекрута. Выраженное в стихах 198—204 желание рекрута входит в «рекрутский» обряд: парень обходит дом и двор, прощаясь со скотом и пр.

34. Там же, стр. 7—8. Причитает мать, обращаясь к сыновним товарищам-«молодцам».

35. Там же, стр. 14. Вопленица от лица рекрута обращается к его товарищам.

36. Там же, стр. 14—17. Причитание на проводах: при прощании рекрутов с семьей и соседями.

37. Там же, стр. 17—24. Плачет двоюродная сестра, обращаясь к матери, провожающей сына-рекрута. В стихах 447—597 выражается упрек родителям и братьям рекрута за то, что в родной семье к нему относились как к чужому человеку. «Былая солдатская служба, продолжавшаяся 25 лет, отрывая удалых добрых молодцев от сохи и бороны, совершенно разъединяла их с народом и, по окончании службы, делала их неспособными для крестьянской жизни. . . Как скоро в народной семье нарождался сын, обреченный на солдатскую службу, он, естественно, считался уже не своим, он считался уже «казенным человеком», и из этих представлений возникала целая история борьбы родительских чувств, семейного разлада, нравственного огрубения. Для родителей «не все стали равны. . . их детушки. Не мил был сердцу матери этот (будущий) «казенный человек». . . Мысль, что это — будущий солдат, отравляла все ее радости и ожесточала ее сердце в ее отношениях к рожиному дитятку. Лишь когда наступал час последней разлуки. . . сердце ее начинало убиваться горем. Но это истинное ее горевание казалось уже лицемерием и лишь обижало удалого доброго молодца. Он с горечью обращал к ней свои упреки и отрицал ее поздние ласки. . . И сродники и соседи упрекали мать за ее прежнее холодное и жесткое отношение к сыну. . .» (там же, стр. XLIV—XLV).

38. Там же, стр. 49—59. Вопит соседка, у которой брат в солдатах; обращается к матери рекрута.

39. Там же, стр. 59—60. Причитает та же соседка, обращаясь к отъезжающему рекруту.

40. Там же, стр. 67—69. Плачет мать в день проводов сына-рекрута; обращается к собравшимся соседям.
41. Там же, стр. 70—73. Причитает соседка, обратившись к рекруту.
42. Там же, стр. 74—75. Плачет мать, когда сыну «бриют лоб», т. е. зачисляют на военную службу.
43. Там же, стр. 75—80. Причитает соседка, когда парня «забриют», т. е. возьмут в солдаты. Стиха 1170 и сл. стоят в прямой связи с тем особым положением, которое занимал будущий «казенный человек» в родной семье (см. примеч. 36). «Отец и мать все ладили на милых своих детушек, а он, несчастный, не нашивал сапоженьков козловых, не держивал бурлацка цветна платица и была не дана ступистая лошадушка ездить по праздничкам. Его не баловали кушаньем, не наважали питьями, а держали его словно подворничка и почитали... его... как работничка. Всю тяжелую работу старались взвалить на него... Встанет он поутру ранехонько... и отправляется на крестьянскую работу..., а братья его дома остаются и на пуховой перине прохладяются... И так изо дня в день не видал он... великого желаньца от родимой своей матушки. Не больше встречал он расположения и от своих братьев. Глядя на него, они радовались только тому, что есть у них «замена» — на службу государеву... Удивительно ли после этого, что рекруты, не видя ничего отрадного ни впереди, ни позади себя, ни перед собою, ни за собою, принимая присягу, посылали проклятия своим родителям...» (там же, стр. XLV—XLVII).
44. О *Настасье Степановне Богдаковой* см. стр. LV—LXI.
45. Н. С. Шайжин. Олонедкий фольклор. Похоронные причитанья Олонедкого края. Петрозаводск, 1911; Памятная книжка Олонедкой губернии на 1911 г., стр. 195—197.
46. Там же, стр. 197—208.
47. Н. С. Шайжин. Похоронные причитанья Олонедкого края. Памятная книжка Олонедкой губ. на 1910 г., стр. 204—208. Комментарием к этому причитанию служит рассказ, вошедший в автобиографию вопленицы, о смерти отца, умершего после какого-то свадебного пира. «Тата выпил изрядно...» «Добры людюшки» его в санях «свезли к свату, отливали водой да мокрого по морозу и отправили на дорогу домой за волюсть. Тут он и замерз: его пьяного сбил под дорогу сусед».
48. Там же, стр. 208—212. Плачет сестра на могиле.
49. Н. С. Шайжин. Олонедкие водопады...; Петрозаводск, 1907, стр. 44—49.
50. О *вопленице Ульяне* см. стр. XLII.
51. О. Х. Агренева-Славянская. Плачи и причитанья по умершим и по рекрутам... Тверь, 1889, стр. 42—44; с нотами.
52. Там же, стр. 44—46; с нотами. Исполняется после отпевания на могиле.
53. Там же, стр. 37—42. Плачет приглашенная мужем умершей родственница.
54. Причитает, подходя к дому, где случилось несчастье.

55. Причитает, входя в избу.

56. Вопленида плачет, когда умершую положат под образа и зажгут свечи.

57. Там же, стр. 57—58. Причитает племянница или от ее лица вопленида на поминках, за столом.

58. Там же, стр. 61—62. Плачет вдова на могиле в сороковой день после смерти мужа.

59. *А. Чувва* — мещанка Владимирской губ., 80-летняя старуха (1889 г.).

60. *О. Х. Агренева-Славянская*, назв. соч., стр. 52—53. Этот же плач собирательница слышала от мужнины — старовера Орловской губ., 27 лет от роду, по имени Кузьма Иванов, жившего в Румынии, в гор. Яссы.

61. Там же, стр. 60—61. Причитание женщины, пришедшей на похороны кума из другой деревни; вопит при выносе покойника на улицу.

62. Там же, стр. 62—63. Собирательница пометила это голошение как вопль старообрядческий. Исполняется в сороковой день на могиле.

63. Там же, стр. 82—83. Как и предыдущие, с нотами. Исполняется при провах новобранца, на улице.

64. *Н. В. Конкина* — крестьянка б. Пудожского у., Нигижимской вол., дер. Корнышевской.

65. *Н. С. Шайжин*. Приплачь вдовы по мужу, убитом на Дальнем Востоке (Олонецк. губ. вед., 1905, №№ 107 и 109). Печатается с небольшими пропусками.

66. *Л. Ланева* — крестьянка из с. Нигижима, б. Пудожского у., Олонецкой губ. (*Н. С. Шайжин*. Похоронные обычаи и приплач в с. Нигижиме, Пудожского уезда, Олонецк. губ. вед., 1902, №№ 119—124).

67. Когда мертвого положат на стол, жена дергает его за пальцы ноги, чтобы не бояться его впоследствии, и причитает стоя. Стихи 13—14: «сесть в ноги», т. е. к ногам умершего.

68. Продолжение плача; причитает, сидя на скамье.

69. Этими словами вдова отвечает, если ее уговаривают не убиваться.

70. Плачет мать вдовы, сев на лавку подле покойника.

71. Причитает вдова при общем плаче, когда в избу вносят гроб и ставят возле покойника.

72. Причитает вдова при положении мертвеца в гроб.

73. Плачет вдова при выносе по дороге из дома до церкви.

74. Голосит вдова, приближаясь к церкви.

75. Плачет при «последнем деловании».

76. Плачет при выносе из церкви.

77. Вопит при опускании гроба в могилу.

78. Причитает по возвращении домой.

79. Причитает в праздники и поминальные дни, приходя на могилку.

80. Плачет соседка, посетив могилу.

81. *Ирина Калипкина* — крестьянка, родом из б. Новгородской

- губ., Череповецкого у., дер. Хмельны. О ней: Е. В. Барсов, назв. соч., т. II, стр. 279—285.
82. Е. В. Барсов, назв. соч., т. II, стр. 84—86.
83. Там же, стр. 82—84. Имя светозерской крестьянки, сообщившей плач, осталось неизвестным (там же, стр. 286).
84. *Марфа Кирилловна Санова* — крестьянка д. Братухина, Варнавинского у., Костромской губ.
85. Плач сироты на кладбище в родительский день. Записан Д. Ершовым в 1919 г. (В. И. Смирнов, назв. соч., стр. 80—81).
86. Записан Д. Ершовым в с. Лапшанге, Варнавинского у., Костромской губ. в 1919 г. (В. И. Смирнов, назв. соч., стр. 79).
87. Записан Д. Ершовым в с. Лапшанге в 1919 г. (В. И. Смирнов, назв. соч., стр. 79—80).
88. *Екатерина Николаева* — крестьянка, урож. дер. Макоя-Горы, Щербовской вол., Весьегонского у., Тверской губ., очень бедная старуха-бобылка, 80 лет, профессиональная волленица. О ней: Ю. Готье, «Воли» Весьегонского у., Тверской губ., Этногр. обозрение, 1897, № 4, стр. 112.
89. Ю. Готье, назв., соч., стр. 112—115.
90. Ю. Готье, назв. соч., стр. 116.
91. *Аук Аф. Шарашева* (рожд. Зверева) — крестьянка из д. Тереховы-Малаховой, Мишутинской вол., Белозерского у. О ней: Б. и Ю. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, М., 1915, стр. 643.
92. Б. и Ю. Соколовы, назв. соч., стр. 400—401.
93. Жительница г. Кириллова, 73 лет (в 1915 г.).
94. Б. и Ю. Соколовы, назв. соч., стр. 399.
95. *Елена Денисова* — плакальщица, крестьянка с. Коломна, Перегинской вол., Старорусского у., Новгородской губ.
96. А. Суворовский, Воли Новгородской губернии, Этногр. обозрение, 1907, № 3, стр. 90—91.
97. А. Суворовский, назв. соч., стр. 89—90.
98. А. Суворовский, назв. соч., стр. 93—94.
99. *Анисья Семеновна Белоусова* — крестьянка с. Белоусова, Верхнеленского края. О ней: М. К. Азадовский, Ленские причитания, Чита, 1922, стр. 47—48, 57, 67.
100. М. К. Азадовский, назв. соч., стр. 115—116. Исполняется при опускании гроба в могилу.
101. Там же, стр. 116. По дороге с кладбища.
102. Там же, стр. 111—112. Исполняется, когда моют покойника.
103. Там же, стр. 112—113. Исполняется на второй день после смерти.
104. Там же, стр. 113. Причитают при выносе покойника из дома.
105. Там же, стр. 113—114. Причитают при опускании гроба в могилу, «в землю».
106. Там же, стр. 114. Причитается по возвращении после похорон домой.
107. *Анастасия Андреевна Щапова* — крестьянка села Анга, б. Верхоненского округа, племянница известного ученого Аф. Пр. Щапова, казанского профессора. О ней — там же, стр. 46, 51, 62, 68.

108. Там же, стр. 87—88.

109. Там же стр. 88—89. Исполняется на кладбище.

110. *Казачка Шестакова* — жительница Амурской области, хут. Кикелевского Михайло-Семеновской станицы. О ней — там же, стр. 24—25.

111. Там же, стр. 24—25.

112. *Арыина* — крестьянка Олонедкой губ. из села Воезерского; «причитальщица».

113. *Лев Малиновский*. Причитанья или заплачки по умершим, Олонедк. сборник, Петрозаводск, 1886. Вып. II, отд. 2, стр. 46—47. Плачет дочь, оставшаяся с мачехой.

114. Уроженка д. Горлова, в 100 верстах от г. Глова. 6. Петроградской губ. Имя ее не сообщается по ее желанию. Мать ее «хорошо плакала». И сама она в плачах по матери, муже и взрослому сыне причитала много, не отдавая себе отчета, как это выходило, и не облумывая заранее. Рассказывать причитания об умерших так ради любопытства спрашивавшего, ей не хотелось; от нее записано очень мало, между прочим, потому, что воспоминания об умерших ее очень волновали. Запись В. И. Чернышева.

115. Запись В. И. Чернышева, 1926. Женщина расстилала в гробу листья с венчика и причитала.

116. *Авдотья Лаврова* — крестьянка с. Гагина, Сергачского у., Нижегородской губ. (ныне Горьковского края), 20 лет.

117. Причитают при выносе. Запись В. И. Чернышева, 1901.

118. Дочь причитает над свежей могилей. Запись В. И. Чернышева, 1901. Текст не окончен.

119. *Екатерина Яковлевна*, урожд. Чернышева, бывшая дворовая помещиков Изъединовых, жившая у них то в роли няни, то в роли экономки, в сел. Давыдовском б. Юрьевского у., Владимирской губ.

120. Запись В. И. Чернышева, 1 августа 1886 г., с отметкой, что в тексте большие пропуски сравнительно с деревенскими причитаниями. Сама Екатерина Яковлевна не причитала.

121. *Любовь Никитична Романова* — крестьянка из села Серебряные Пруды, б. Веневского у., Тульской губ. Текст записал ученик Андреевского городского училища Красеньков, 1901. Из собрания В. И. Чернышева.

122. Причитание обращено к умершему.

123. Причитает, обратившись к детям.

124. Плачет, обращаясь к свекру (отцу мужа).

125. *Палгея Яковлевна Будоратина* — крестьянка дер. Шустино, б. Завалинской вол., Покровского у., Владимирской губ. (46 лет, 1903).

126. Вопят, когда покойника обмоют и положат на стол. Запись В. И. Чернышева, 1903. В стихах 11—13 *ме* — плеонастическое.

127. Плачут, когда покойника выносят из избы. Запись В. И. Чернышева.

128. Причитает вдова при прощании с покойником соседней.

То же причитание — при опускании гроба в могилу; меняется только обращение:

Уж прощайтесь-ка вы, сроднички приближенные.

Запись В. И. Чернышева, 1903.

129. Запись В. И. Чернышева, 1903.

130. Запись В. И. Чернышева, 1903. Причитают — в дополнение — в том случае, когда прежде отца умерла мать. Подобный плач исполняется при похоронах матери, если прежде не умер отец.

131. Запись В. И. Чернышева. Дочь-сирота после похорон, дома, на поминках вопит, обращаясь к старшему в семье (брату, дяде).

132. Запись В. И. Чернышева, 1903. При исполнении каждый стих (строка) повторяется — без повторения междометий ах, ох, эх — дважды. Плачи невест-сирот совершаются или дома или, чаще, на могиле родителей.

133. Девушку просватали. Отец зажигает пред иконой свечу. Просватанная девушка гасит свечу и начинает причитать. Текст записан от женщины с реки Ловати. Запись П. К. Симоны, 1899.

134. Александра Лаврентьевна Кликух — девятнадцатилетняя девушка из с. Черниговки Никольско-Уссурийского у., Приморской обл. О ней: А. Н. Соколова, Материалы для изучения партизанской поэзии, Сибирская живая старина, вып. V, Иркутск, 1926, стр. 162.

135. А. Соколова, назв. соч., стр. 160—161.

136. А. Соколова, назв. соч., стр. 161.

137. Ф. Д. Нефедов. Причитания, записанные в Кологривском у. Костромской губ. в 70-х гг. (Второй этногр. сб. Костромск. науч. о-ва, вып. XV, 1920, стр. 17—18).

138. Там же, стр. 19—20.

139. Запись Ф. Д. Нефедова (В. И. Смирнов, Народные похороны и причитания в Костромском крае (Второй этногр. сб., Кострома, 1920, стр. 91).

140. Записан в Ковернинской вол., Макарьевского у. М. М. Зиминым в 1917 г. (В. И. Смирнов, назв. соч., стр. 115—116).

141. Записан М. М. Зиминим там же в 1917 г. (В. И. Смирнов, назв. соч., стр. 117—119).

142. А. Малиновский, Похоронные причеты в Перской вол. Устюженского у. Новгородской губ., Живая Старина, 1909, вып. I, стр. 72—74. Плач обращен к сестре.

143. Там же, стр. 74. Плач обращен к племяннику умершей.

144. Собиратель, время и место записи неизвестны. Из архива А. Н. Веселовского (Институт литературы Академии Наук).

145. Плачущая по матери дочь, подходя к братьям, обращается к ним (та же запись).

146. Плачет невестка, когда гроб с покойницей ставят в лодку, чтобы отвезти водой на кладбище. Как и в предыдущей записи (другого лица), ни место, ни время, ни исполнительницы плача — не названы. Из архива А. Н. Веселовского (Институт литературы Академии Наук).

147. Там же. Голосит дочь, когда покойницу выносят на улицу села.

148. Там же. Причитывает дочь при опускании гроба в могилу.

149. Запись пожилого солдата из сел. Константиновского, б. Александровского у., Владимирской губ., 1886 (Собрание В. И. Чернышева).

150. Дер. Подмышье, б. Петергофского у. Запись А. Шорина, 1904 (Собрание В. И. Чернышева).

151. Деревня Подмышье. Запись А. Шорина, 1904 (Собрание В. И. Чернышева). Последние четыре стиха (27—30) прибавляются, когда мать невесты жива.

152. Пошехонье, б. Ярославской губ. Запись А. Шорина. Копия (приведенная в некоторый орфографический порядок), В. И. Чернышева, 1905.

153. Записано со слов 72-летней сказительницы Е. П. Кривошеевой (г. Саранск, Куйбышевского края). Из материалов для тома «Народное творчество», присланных в редакцию «Две пятилетки». Опубликовано в Ц. О. «Правда», 1 декабря 1936 года, № 330 (6936).

СЛОВАРЬ СТАРИННЫХ И ОБЛАСТНЫХ СЛОВ

- аще** — еще 97
- баженый** — любимый, желанный, милый 36
- безотный** — не имеющий отца 12
- безуенный** — безумный 12
- бладенцы** — младенцы 67
- бладый, бладая** — молодой, молодая 9
- бладыка** — владыка 5
- богоданый, богоданный** — ближайший родственник мужа: отец, мать, братья, сестры 103
- бුවо, буава** — могила 30
- великати** — великоление, роскошь 110
- взаступ** — на защиту 102
- вопотай** — тайно, крадучись 3
- восстатель** — заступник, защитник 199
- годночка** — ежегодное поминовение 118
- голевая парча** — подлинная, настоящая, чистая 109
- гостебище** — пир, угощение 23
- грабитель** — мастер грести сено 136
- дайволюте** — позвольте, разрешите 25
- двуродимый брат, сестра** — двоюродный 106
- длань** — ладонь 40
- досюльный** — старый, прежний, древний 4
- ду-друга** — друг друга 19
- есва, есвушка** — кушанье, пища 107
- жалкий** — трогательный 100
- живление, живлениеце** — жизнь, житье 16
- живность** — жизнь; во живности — при жизни 15
- жирушка** — жизнь, достатки 8
- жупеть** — говорить; **жупливый** — говорливый, разговорчивый 100
- жуплянице** **соловиное** — пение 87
- заборонушка** — защитник 3
- забзочка** — кукушка 32
- заступа** — защита, защитник 3
- злочаманно** — злонамеренно, злокозненно 6
- изотчинка** — отчество 67
- кажмый** — каждый 102
- колода, колодушка** — долбленный гроб 131
- косвчато, косивчато** **окно** — косячатое, с косяками и рамой 59
- кретать** — уходить, отлучаться 183
- кунеть** — мужать 158

левантёровы платочки — левантинные, из левантина, т. е. из шелковой одноцветной ткани 13
луда — каменистая отмель 53
маханьиде — способность двигать руками 29
маять — маята, мученье 221
мутарсливий (мытарсливий?) — неудобный, причиняющий мучения 14
на-б — надо бы 17
набáять ся — наговориться 12
наважáть — приучать 74
надья, надьюшка — надежда 150
назблущка — досада, огорчение 56
настáвить веку — продать, прибавить 17
незнамый — неизвестный, незнакомый 6
неможёниде — недомогание, болезнь 17
непрóпóсное слово — хранимое втайне 31
ноньку — нынче 42
нужная — трудная, с нуждой 126
обидная (девушка) — огорченная 34
обнóчьиде — ночная тьма, мгла 162
огрúbлeный — оскорбленный грубым словом 39
одинбвий — из лучших мехов 65
опустáть — опустеть 209
отрйнуть — оттолкнуть 60
отлянушка — облегчение 182
очймoe звание — по отцу, по отчеству 101
пáдара — буря, вьюга 9
перёное крыльцо — с перилами 25

петьё — пенле 98
пльщий — палящий, ярко горящий 53
побáсить — украсить 109
повблька — воля 8
пóжeки, пожня — покос, луг 11
пóкликáночка — бегущий или откликающийся на зов 204
пóкрúтyшка — одежда, платье 51
порóвeчник — сверстник, ровесник 26
порóда — род, родственники 28
порóзнeшeнькo — порожно, пусто 155
пóслий — последний 106
пóслóвeчнo — на словах, устно 90
посылочка — посыльный, бегающий по поручениям 204
престешóчек — перстенок, перстенец 109
принёмная палата — приемная 86
пришануть — пришатнуть, приклонить 207
проклáдище — место гуляний 115
радию — желаю 51
расклáд — деление на части, распределение между несколькими 157
расхóжий (с людьми) — уступчивый, умеющий уйти от ссоры 159
ростителек — роститель, кормилец 113
рúшить слезы — ронять 77
сдвуродимый — см. двуродимый 39
сдержáвyшка — глава дома, муж, хозяин 10
сдйять — сделать 128
сдйять здорóвьиде — поздороваться 38

с ем ё ш к а — ласковое обра-
щение к супругу 23
с е р б е т л и в ы й — пасмурный
102
с к л я н ё ш е н ь к а — полная,
наполненная до краев 41
с к о п и т ь с я — собраться 183
с м е л у г и щ е — смелый чело-
век 9
с п о р я д о в ы й, с п о р я д н ы й —
живущий рядом, ближайший
сосед 104
с п о с о б н ы й в е т е р — помо-
гающий плыть, попутный 40
с т и н ь, с т е н ь — тень 162
с т о р о ж а т е л ь — охранитель
12
с т о с н е т с я — затоскуется 110
с т р ё т а, с т р ё т у ш к а —
встреча 19
с т р е т а т ь — встречать 11
с у д ь я к а т ь — жаловаться 104
т о р о к — порыв ветра 53

т р о с т и — тросы, веревки, уло-
требляемые при сплаве леса
125
т у л я т ь с я, т у л я т с я —
прятаться, скрываться 15
т у х л ы й г о л о с — усталый,
негромкий 45
у ё д у ш к а — кушанье 169
у н и й, у н а я — другой, иной 97
у т о п и т ь о ч и — потопить 121
х о д а н ь и щ е — способность хо-
дить 29
ч в а к о в и т ы й — приятный 86
ш е л о м ч а т ы е г в о з д и — ко-
ваные, с высокой шляпкой 117
ю н ь с к и й — юношеский 162
я м — место сбора 7
я н д о в а, е н д о в а — сосуд для
разливания напитков 22

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Мелодии плачей.* Из книги А. Х. Агреновой-Славянской «Описание русской крестьянской свадьбы», ч. I, М., 1887, стр. 5 и 76. Перед стр. 1.
- Русские женщины оплакивают своих покойников.* Из книги Адама Олеария «Описание путешествия в Московию», Спб., 1906, стр. 8. Между стр. 48 и 49.
- Ирина Андреевна Федотова.* Из книги О. Х. Агреновой-Славянской «Описание русской крестьянской свадьбы», часть I, М., 1887, стр. 4. Между стр. 80 и 81.
- Настасья Степановна Боданова.* Из Карельского государственного музея в Петрозаводске (печатается впервые). Между стр. 112 и 113.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	V
Русские плачи. Статья <i>Н. П. Андреева</i> и <i>Г. С. Виноградова</i> . . .	VII
<i>Плачи И. А. Федосовой</i>	
Плач о писаре	3
Плач о старосте	7
Плач вдовы по муже	12
Плач по брате	21
Плач по сыне	25
Плач дочери по матери	29
Плач о дяде двоюродном	34
Из плача о свате	36
Плач о потопших	40
Плач об убитом громом-молнией	52
Плач по приемыше	58
Плач о холостом рекруте	62
<i>Причитания Н. С. Богдановой</i>	
Вопль по трехлетнем сыне	96
Плач о дочери	99
Вопль дочери об отце	111
Плач сестры по сестре	116
Плач вдовы по муже, погибшем в Киваче при сплаве леса . . .	121
<i>Плачи нищей Ульяны</i>	
Из плача матери по сыне	128
Голошенье по взрослой дочери	130
Плач по жене	133
Причитание по родной тетке	138
Голошенье старухи по муже	140
<i>Плачи А. Чуевой</i>	
Староверческий плач по умершем родственнике	141
Причитание кумы по умершем старшине-куме	143
Голошение дочери по отце	144
Из плача жены по муже-новобранце	145
<i>Плач Н. В. Конихиной</i>	
Плач по муже, убитом на войне с Японией	147

<i>Плач Л. Ланевой</i>	
Вопль по муже	153
<i>Плач Н. Балиткиной</i>	
О сыне — холостом рекруте	170
Святозерский плач о рекруте	173
<i>Плач М. К. Сановой</i>	
Плач сироты	175
<i>Плачи А. Н. Сполоховой</i>	
Вопль по отце	177
Вопль по муже	179
<i>Плачи Екатерины Николаевой</i>	
Вопль дочери по умершем отце	181
Рекрутский плач	185
<i>Плач Л. А. Шарашевой</i>	
Плач по сыне, умершем на военной службе	187
<i>Плач старушки Аннушки</i>	
Плач о сыне	190
<i>Плачи Елены Денисовой</i>	
Плач по ребенке	191
Вопль по отце	193
Плач об ушедших в солдаты	194
<i>Плачи А. С. Белоусовой</i>	
Плач по матери	195
Плач по муже	197
<i>Плачи А. А. Шаповой</i>	
Причитание по матери	201
<i>Плач казачки Шестаковой</i>	
Причитание по малолетнем сыне	204
<i>Плач Дрыгиной</i>	
Плач по отце	205
<i>Плач Горловской женщины</i>	
Причитание по матери	207
<i>Плач Авдотьи Лавровой</i>	
Причитание по матери	208

<i>Причитание Е. Я. Чернышевой</i>	
Плач круглой сироты	209
<i>Плач Л. Н. Романовой</i>	
Причитание над мужем	210
<i>Плачи П. Я. Будорагиной</i>	
Причитание жены над мужем	211
Причитание дочери по отце	213
Причитание невесты-сироты	215
<i>Плач женщины с р. Ловати</i>	
Плач невесты-сироты	216
<i>Плачи А. Л. Клиндух</i>	
Причитание жены по муже-партизане	218
Причитание матери по сыне-партизану, убитому японцами . .	219
<i>Вопли неизвестных плакальщиц</i>	
Вопль матери о сыне-рекруте	220
Вопль по сыне, отданном в солдаты	222
Плач по матери	223
Плач по дочери	224
Плач по матери	226
Плач у гроба сестры	229
Плач по матери	233
Плач по свекрови	234
Плач по матери	235
Плач свадебный-сиротский	236
Плач невесты-сироты	237
Сиротский плач невесты	238
<i>Плач Е. П. Кривошеевой</i>	
Плач о Кирове	243
Примечания	247
Словарь старинных и областных слов	258
Список иллюстраций	261

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
72	13 сверху	не	И не
72	18 »	ты	И ты
181	6 »	ве	не
202	1 снизу	Словав еласкова	Слова не ласкова
202	2 »	непрямоюь	напрямуюь
249	1 сверху	XLIII—LV	XIX—XXVI
252	9 снизу	XIII	XVIII—XIX
252	25 »	LV—LXI	XXVI—XXVIII
261	6 »	Федотова	Федосова

1872